

ЮРИЙ ИВАНОВ · ЗОЛОТАЯ КОРИФЕНА

Сканирование: [Ecce Homo](#)
Обработка: [krestik](#)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• М Ы С Л Ь •

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

юрий иванов
ЗОЛОТАЯ
КОРИФЕНА

П О В Е С Т Ь

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• МЫСЛЬ •
МОСКВА • 1966

Р 2
И 20

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

вместо предисловия

«Приморск Тропниро перспективная разведка Гуцину = Квадрате Б тр. 346 обнаружены большие скопления сардины тчк. Тралениям мешают сильные подводные течения зпт научная группа рекомендует провести серию суточных станций измерения течений что потребует некоторого увеличения продолжительности рейса тчк Радируйте ваши соображения Капитан СРТР Марлин Каплунов.

«Приморск Каштановая 53 Ледневой Наташе = Жив здоров работаем Гвинейском заливе посмотри карте боюсь Новому году не успею зпт Елку купи заранее а то не будет, крепко целую = Коля =

«Приморск радиоцентр СРТР Марлин Каплунову зпт Прохорову =

Целях ознакомления подводными течениями квадрате Б тр 346 проведите серию двтч десять двенадцать суточных станций тчк Рейс продляем двадцать суток зпт разъясните команде необходимость проведения указанного дополнительного обследования района = Гуцин

*«Приморск Тропниро Гуцину
Восемнадцатого декабря оставили лодку четырьмя членами экипажа двтч штурманом Скачковым помкапитаном науке Прохоровым гидрологом Кориным ихтио-*

логом Ледневым тчк Чтобы не терять времени продолжали поиск рыбы соседнем квадрате тчк Девятнадцатого 13 часов вернулись но лодку не обнаружили тчк Повидимому сорвало мертвого якоря во время ночного шторма тчк Ищем предполагаем направлении дрейфа тчк Прошу дать указание капитану Макрели идущему Валвисбея порт принять участие поиске зпт лодке ограниченный запас продуктов воды = Капитан СРТР Марлин Каплунов =

«Приморск Тропниро Гущину

Ищем десятимильными галсами направлении ост пока результатов нет тчк 22 декабря капитан СРТР Марлин Каплунов

«...Продолжаем розыски тчк 24 декабря = Каплунов =

«...Люди пока не обнаружены зпт подняли из воды спасательный круг с лодки весло крышку ящика глубоководной вертушки 27 декабря капитан СРТР Марлин Каплунов =

Позавчера на «Марлине»...— Ищем сардину.— Коварные течения.— Человек в мешке.— Жребий брошен: в воду прыгать мне.— Совещание у капитана.— Мы покидаем теплоход.— Ночной ливень.— Смерч

— Нож! Быстрее! Заводи!

Нож... ну где же он?... Ведь был же здесь. Цепляясь рукой за борт, другой шарю под банкой: точно помню, всего час назад сунул нож сюда... Ага... вот он.

— Держи!..

Валентин протягивает руку, но лодка резко кренится, подскакивает на крутой волне, встает дыбом. От сильного рывка валюсь на спину. Угол ящика глубоководной вертушки больно врезается в правый бок. По ногам прокатывается анкерок с водой. Над головой оглушительно сталкиваются тучи. Вспышка молнии освещает бледное, испуганное лицо Станислава, упавшего рядом со мной, Петра, склонившегося над двигателем. Я вижу Валентина, его шевелящиеся губы и руку с растопыренными пальцами, протянутую ко мне.

— Нож!

Нож... вот он. Валя вырывает из моей руки нож, мы с Коринным вскакиваем и держим Валентина за брюки. ноги: свесившись над водой он перепиливает ножом туго натянутый толстый сезалевый канат. Там, на его конце, якорь, вцепившийся стальными лапами в грунт. А наверху, на другом конце, лодка. В ней мы.

Снова трескучий грохот. Молния зигзагами ввинчивается в мешанину кипящей воды. У самого борта высоко, кажется в полнеба, поднимается волна. От нее веет холодом, мелкой водяной пылью и резким запахом моря. Лодка судорожно дергается на канате, но волна подминает ее под себя, и тяжелый поток с ре-

вом обрушивается в «Корифену». Вода толкает в грудь, лицо, острыми буравами втискивается в уши, ноздри. Потом удар. По голове.

...Сознание приходит с ноющей, какой-то тянущей болью в висках. Я открываю глаза и тотчас закрываю их: по глазам хлестануло ослепительной голубишной. Боль в висках становится еще сильнее. И звон. Нудный, противный звон.

— Пришел в себя... — слышу я голос сквозь этот звон и опять открываю глаза: а, это Валентин Петрович Прохоров, помощник капитана «Марлина» по научной части. Голос его легко узнать среди многих других: он немного, совсем чуть-чуть заикается. И по-тому говорит неторопливо, размеренно. Под его правым глазом фиолетово глянцевет большущий синяк. На лбу царапина с подсохшей кровью.

— Ну, как г-голова?..

Теперь глаза уже привыкли к яркому солнечному свету, и я вижу встревоженное лицо Петра, сумрачную физиономию Станислава Корина. Рубашка на нем разодрана, а на шее завязан цветной платок.

— Ожил, детка? — спрашивает он.

Я внимательно всматриваюсь в его лицо: что-то в нем изменилось. Ах вот что! Не хватает одного зуба — темная щербина.

— Пронесло?.. — Говорить тяжело. От каждого слова в голову словно иголки вонзаются. Наверно, легкое сотрясение: когда падал, ударился головой о металлический борт лодки.

— Пронесло... — отвечает Валентин. — А еще чуть-чуть — и засало бы. Ты не вставай. Л-лежи. Тебе отлежаться надо.

Да, надо отлежаться. Хоть и легкое сотрясение, но лучше не подниматься. Сейчас полежу немного, и все отойдет. Тошнота, боль в висках. И еще этот надоедливый, утомительный звон. Полежу, и все пройдет. Немного знобит. Крепко стискиваю веки, прислушиваюсь к голосам.

— Ветром нас утащило м-милей на двадцать — тридцать северо-восточнее от места, где мы делали станцию. А может, еще и д-дальше. «Марлин» должен быть там в час. Сейчас шесть утра. Значит, лишь через семь часов они начнут нас р-разыскивать.

— Да, попали в приключеньце. Ха! «За бортом по своей воле!» Ведь по своей же воле, парни, мы ввязались в эту историю!..

Корин. И, не открывая глаз, я представляю себе его высокую, плечистую фигуру с цветным платком на крепкой шее, его лицо с выдающимся подбородком. Немного разболтанный, развинченный, но в общем-то неплохой парень.

Значит, нас тянет на северо-восток. Вдоль побережья Гвинейского залива. А «Марлин» лишь через шесть часов придет на то место, где вчера оставили нас. Уж так договорились: пока мы будем макать свои вертушки, измеряя на разных глубинах течения, он пошарит рыбку в соседнем квадрате. Они придут, а нас нет. За эти шесть часов ветер и течение унесут нас еще дальше: попробуй-ка найди. Видимость плохая: период ливней. Зима. То солнце печет, прожаривает до самых костей, то ливни. Холодные, тугие. Обрушиваются сверху тоннами воды. Повисли кругом тяжелыми синими портьерами, заслонили горизонт.

Тянет на северо-восток. Течения и ветер. И еще ливни... Ну да это ничего, найдут. Вечером будем сигналить ракетами — увидят... Ох, как же все-таки болит голова! Лучше уж не шевелиться, надо лежать. Рядом со мной примостился Бенка — наша маленькая обезьянка. Еще вчера Бенка перебирался с мачты на мачту по антенне, а позавчера, уединившись в моей каюте, выдавливал себе на живот мыльный крем из тюбика и сыпал на голову зубной порошок — развлекался, а сегодня все мы терпящие бедствие, и Бенка тоже.

Позавчера мы еще были на «Марлине» и мечтали о суточных станциях: чертовски надоело судно. Все надоело: бесконечные траления, работы в лаборатории, камбуз. Кок в последнее время ленился и кормил нас манной кашей. И с камбуза пахло детским садом. Все надоело. Но больше всего течения. Они замучили нас. Особенно позавчера.

Позавчера было так...

...Солнце жжет, кусает, словно взбесилось; того и гляди, кожа задымится, пойдет пузырями. Небо не голубое — белое от зноя. Палуба подпекает ступни через подошвы сандалий, и матросы перебирают, притопывают ногами, словно исполняют какой-то тропиче-

ский танец. Матросы и боцман пританцовывают вокруг резко пахнущего водорослями, илом и свежей рыбой почти пустого трала. Опять неудача. Улова нет. Опять трал сначала полз по самому дну, сгребая всякую донную живность, а потом вообще захлопнулся, перепутался. Пятое траление в день — и снова пустышка. Снова мы поднимаем на борт не сардину, ради которой ушли так далеко от родных берегов, а донный сор: губки, кораллы, раков, крабов да с полсотни килограммов разнокалиберной рыбешки. То, что называется приловом. То, что полетит сейчас обратно за борт.

— Ч-черт бы побрал... — Тралмейстер с ожесточением сплевывает на дымящуюся паром палубу и пинает ногой трал. — Опять течения.

Чайки с криком носятся над нами. Птицы пристроились к «Марлину» еще где-то у Конакри и путешествуют с судном третью неделю. К ночи чайки опускаются на воду. А утром появляются над мачтами «Марлина» и ждут тралений: птицы подхватывают из воды забытых ячейками трала сардинок. Но вот уже несколько дней сардина ускользает от нас, и чайки негодуют. Птицы кричат, носятся над палубой «Марлина», над водой, но в ней не видно жирных, серебристых рыбок: улова нет... На палубе тихо. Облокотившись о планшир, матросы курят, глядят в воду: опять проклятые подводные течения. Ну уж и местечко!.. За борт смотришь — вроде там все спокойно. Но это не так. Океан не спокоен в глубинах. Особенно здесь. В Гвинейском заливе. Там, в его водной толще, текут в разном направлении могучие водяные реки. Течения... Они то мчатся под килем судна по его курсу, и трал «плывет», захлопывается, то несутся нам навстречу или толкают трал сбоку и сносят снасть, прижимают к грунту, перепутывают, скручивают. Не работа, а мучение. Рыбы нет. И уже в который раз!..

Спускается из рубки капитан. Хмурый, недовольный. За ним вразвалку идет Валентин Прохоров. Он обходит трал кругом, опускается на корточки и, раздвинув его, заглядывает внутрь. Словно и так не видно: пусто. Нет сардины. Попыхивая сигаретой, Прохоров вытаскивает из трала большого фиолетового краба и откладывает в сторонку. Кладет его на палубу вверх

лапами. Краб грозно щелкает своими мощными клешнями, но быстро успокаивается: солнечный удар...

— Т-течения,— говорит Валентин, поднимается и подходит к капитану,— б-будем мы их все же изучать? Или все вот так? На ощупь?..

— Берег молчит,— пожимает плечами капитан.— Без разрешения, сам понимаешь, нельзя.

— Дайте еще радиogramму. Сутки-двое мы м-можем выкроить...

Капитан пинает ногой трал. Словно это трал виноват во всем.

— Попробуем еще,— говорит он тралмейстеру.— Рыба-то здесь есть.

— Ну что ж, попробуем,— неохотно соглашается тралмейстер,— боцман, очищайте трал!

Матросы вытравивают прилов и начинают разбивать трал. Работают вяло, неохотно. Переругиваясь, с выражением величайшей скуки и усталости на обожженных солнцем лицах. Матросов не трудно понять: с утра на раскаленной палубе. И все для чего?.. Ради очередной пустышки? Матросы хмурятся, косятся в нашу сторону. Уж так всегда в море: если неудачи, то виной всему «научники». Кого же еще винить? Конечно же нас: Валентина, меня, ихтиолога Веню Огнева да гидрохимика Стася Корина. Хотя мы и не виноваты ни в чем. Но что будешь делать, если нет карт подводных течений этой части Гвинейского залива? Никто их, проклятые эти течения, не изучал.

— Рыб отбирать будете?.. — спрашивает боцман, кольнув меня своими острыми, совершенно выцветшими глазами. Он высок и костист. Руки длинные, светлеющие к локтям: несмотря на жару, Федор Степанович никогда не снимает рубашку. Там, под ней, белая кожа, которую так непривычно видеть в тропиках. А шея и кисти рук густо коричневые. Это солнце одело на Степаныча такой воротничок и такие перчатки. И еще у боцмана лысина в венчике рыжеватых негустых волос. Она совершенно бронзовая и такая блестящая, что в ней чуть ли не отражаются пролетающие над судном чайки.

Рыба вяло трепещет. Солнечные лучи быстро отнимают влагу, жабры сохнут, и рыба гибнет. Поджидая

меня, матросы закуривают, задумчиво смотрят, как широко разеваются рыбы пасти, вздрагивают жаберные крышки. Когда-то, в первые рейсы, я спешил любую ненужную рыбу кинуть в воду. Теперь знаю: бесполезно. Все равно пропадет. Раз уж дохнула горячего воздуха, если побывала на палубе,— брошенная в воду, всплывает вверх раздувшимся животом. Там ее и склюют вечно голодные чайки.

Большим металлическим сачком я копаюсь в улове, пытаясь отыскать что-либо интересное. Уж это моя обязанность — собирать в рейсе коллекции морских обитателей. И я вечно роюсь в рыбных ящиках. От меня пахнет рыбой слизью, подгнившими водорослями и формалином. А боцман говорит, что от меня еще пахнет и спиртом: у всех судовых боцманов на этот счет очень тонкое чутье.

Так... что же тут интересного? От каждого траления я жду чего-то необычного. Какой-нибудь диковинной, неизвестной науке рыбы, животного. Ведь океан так велик, и неужели все его обитатели изучены, все его животные определены? Конечно же, нет. Ведь поймали знаменитого целаканта — рыбу, которая считалась вымершей пятьдесят миллионов лет назад!.. И поэтому я жду какого-нибудь сюрприза от любого трала. Жду. Копаюсь в уловах, ищу своего «целаканта».

— Давайте побыстрее... — торопит боцман, — ребята, очищайте палубу!

Угрюмые потные ребята начинают швырять рыбу за борт. Чайки негодую несятся над водой: нет, это не сардина. Эти крупные рыбы не протиснутся через птичьего горла. Ничего нового, интересного для меня нет. Все знакомые, надоевшие, как соседи по квартире, рыбы физиономии. Ученые уже давно изучили их, окрестили.

— Отдать трал!.. — рокочет с крыла мостика усиленный радиодинамиком голос вахтенного штурмана. Тралмейстер отходит к лебедке, матросы разбирают снасть, сбрасывают за борт. Положив в ведро несколько рыб: плоского красавца солнечника, раздувшегося колючим шариком фахака и ярко-красного юнкера, — я ухожу от ящика. По палубе ползут толстые маслянистые тросы-ваера, на них буксируется трал. Надо быть подальше от этих тросов. Случается, они лопаются. А это

очень страшно, когда натянутый струной толстый стальной трос лопаётся и со свистом мечется по палубе.

Но вот трал за бортом. И так каждый день, траление за тралением. С утра и до позднего вечера на раскаленной палубе. А иногда и ночью тралим: наш трудовой день не нормирован. И поэтому матросы очень бережно относятся к каждой свободной минуте. Вот как сейчас: отдали трал и разбежались кто-куда. На ботдек, под шлюпки. Там можно растянуться в черной, густой тени и отдохнуть минут сорок-пятьдесят. Чуть вздремнуть, прикрыть уставшие, слезящиеся от солнечных искр глаза. Пока не рыкнет судовая трансляция, собирая всех к выборке трала.

А я иду в лабораторию. Она в полубаке: железный ящик, «духовка», как мы ее называем. Несколько столов и полки с инструментами. Да, тут тесновато. Жарко и душно. И еще здесь очень качает: чуть поднимается небольшое волнение, как мы начинаем то взлетать вверх, то обрушиваться вниз. Неприятная штука. Но что поделаешь, судно наше небольшое, везде тесно. И в лаборатории тоже.

Венька потеет над биноклем: рассматривает рыбью икру, определяет степень ее зрелости. Прохоров у капитана, а Стась Корин устроился на небольшом диване, втиснутом между рабочим столом и переборкой. И конечно, как всегда жует. Ест что-то такое уложенное горкой на кусок хлеба с маслом. Аппетит у него прекрасный — в любое время суток способен есть. Крупный он, высокий мужчина, Стась. И поэтому теми порциями, которых нам вполне хватает, насытиться не может. Вечно требует добавки. А в лаборатории нашей часто пахнет не химикалиями, а вареными раками, крабами, жареной рыбой. Это Корин подкрепляет свой организм дарами моря.

— Хочешь креветочку?..— говорит он мне и протягивает усатого, с черными бусинками глаз рачка.— Только сегодня креветки сырые. Хотел сварить, но наш ученый муж что-то не в духе, отнял колбу и расшумелся. Мол, здесь не харчевня, лаборатория! Прямо на глазах портится Огнев. Ешь. Ну что морщишься? Представь, что ты не Колька Леднев, а Тур Хейердал. Или Бомбар...

— Дай соли... — Как и Стась, я очень уважаю Хейердала и Бомбара. Книжки их, зачитанные до дыр, мы возим с собой из рейса в рейс. И чего греха таить, мы завидуем им: отчаянные парни! Вот нам бы так! В лодке бы, по океану... Чтобы по-настоящему познакомиться с его обитателями, а потом высадиться на какой-нибудь необитаемый островок...

Креветка пахнет тиной и еще чем-то неприятным. Со скучающим видом — ведь и Бомбар, и Тур с его друзьями запросто питались сырой рыбой, планктоном — я жую упругое сладковатое мясо. Корин, перестав двигать челюстями, заглядывает мне в лицо. Сделав над собой небольшое усилие, я проглатываю бутерброд с креветкой, и Стась одобрительно кивает головой.

— Блеск, правда? Я уже и планктон пробовал. Есть можно...

Я торопливо выхожу из лаборатории и с минуту, стиснув челюсти, стою, свесившись с планшира, над водой: креветка решительно рвется из желудка в родную стихию. Внутри так противно, что даже бальзовый плот Хейердала как-то меркнет, стушевывается... Фу, даже пот прошиб. А если еще пить сок, выдавленный из рыб?..

— Выбрать трал!..

Солнце в самом зените. Жжет. Кожа с шей, плеч, спин сходила уже по нескольку раз. А солнце вновь и вновь поджаривает, высушивает кожу, и она прозрачными, легкими лоскутами сползает с рук, лица... Жара. От нее ломит в висках, влага на глазах испаряется, и кажется, что под веки насыпан песок. Пойти под душ? Струя туго хлещет рядом с лабораторией. Но это забортная вода. Она теплая и так насыщена солью, что кажется густой. Вода нисколько не освежает. Стоит выйти из-под душа, как на теле выпаривается соль. Она легким едким налетом лежит на лбу, бровях, у ноздрей, во всех складках кожи. Наши тени, такие большие и солидные утром, совсем исчезли. Спрятались под ногами. Затаились... Уф, душно! А ведь сейчас тут зима. Зима!.. Это слово звучит как глупая, неуместная шутка: ничего себе зима.

Трал опять пуст. Лишь несколько медуз запутались в нем и теперь тают, расплываются голубоватым кисе-

лем. Снова течения, эхолот в рубке рисует на движущейся ленте жирную, зубчатую полосу — это под нами спешат куда-то косяки сардины. А трал пуст: течения скрутили его в тяжелый бесформенный ком.

Промысловики торопят, требуют, ждут от нас рекомендаций, ждут, когда мы предложим им новые районы лова. Ждут. А мы никак не можем приладиться к течениям: рыба есть, а взять не можем.

...Вечером собираемся в своей лаборатории. Вечером здесь хорошо. Даже уютно. Может оттого, что не пахнет соляжкой и камбузом, как в жилых помещениях судна. Может, из-за приемника, вымурлыкивающего джазовые мелодии, от настольных ламп, которые обычно стоят на тумбочках возле кроватей и нивесть каким образом очутились на «Марлине», в нашей лаборатории.

Курим, молчим. Огнев рассматривает через лупу годовые кольца на чешуе сардины, я потрошу солнечника, чтобы потом сделать из него чучело, а Валентин рисует скалозуба. Рыбу такую. У нее очень сильные, крепкие зубы. Рыбка интересна тем, что у нее ядовитое мясо. Валя уже третий рейс выискивает в уловах ядовитых рыб. И рисует их. Делает определитель ядовитых и опасных рыб тропической части Атлантики. У него это здорово получается, рыбы на рисунках как живые. Только Стась ничего не делает. Валяется на диване, пускает колеблющиеся, кривые колечки дыма и, щуря глаза, рассматривает фотографии девушек, прикрепленные кнопками над его рабочим столом. Это все его знакомые: Вера, Инна, Муза и еще кто-то. Станислав любит поговорить о них. И о других. С которыми дружил, встречался. Он, Корин, заметный парень. Высокий, симпатичный. Таких женщины любят. А вот мы его недолюбливаем. Уж очень он самоуверен, очень любит похвастаться своими подругами, их качествами и особенностями. И еще он нам все уши прожужжал про своего «папку», крупного работника одного из министерств. «Папка все может», «если папка захочет», «папка обещал...» «Папка» обещал, что заберет Станислава к себе в министерство и будет посылать его по разным командировкам: в Лондон, Париж, Рим. И Стась нам не раз живописал, как будет там ходить по ресторанам и

варьете. Уже третий год мы слышим про эти «папкины» обещания, но пока Корин плавает на судне инженером-гидрохимиком. И то мерзнет у ледяных берегов Гренландии, то парится в тропиках. Как видно, «папка» не особенно торопится исполнить свои обещания...

— Ну как там дела с «Золотой корифеной?» А?.. — хрустнув суставами, Корин поднимается, устраивается за столом. Пододвигает к себе мензурки, колбу с морской водой. — Это я к вам, Валентин Петрович...

Корифена — рыба. Красивейшая рыба тропиков, словно из куска золота откованная и обрызганная голубыми пятнышками. Но сейчас Стаська имеет в виду не рыбу. «Золотая корифена» — условное название суточной станции по измерению подводных течений в Гвинейском заливе. «Суточная станция» — серо, скучно. И Корин придумал: «Золотая корифена». Стась всегда что-нибудь придумывает.

— Берег по-пока молчит... — Валя просматривает на свет мензурку с голубоватой жидкостью. — Молчит. Но я думаю, станцию сделаем. А м-может, и несколько.

— Далась вам эта станция... — не отрывая взгляда от чешуи, ворчит Огнев. — Рейсовое задание почти выполнено. Еще немного поползаем в заливе и домой. Баста...

— Чудак. Притопают сюда промысловики, и начнется у них, как и у нас: то улов, то пролов. Течения им все попортят. Ты, Веня... — Валентин замолкает. Он вообще немногословен. А тем более когда волнуется.

— Ха, парни, у него там невеста на берегу. Не дождется...

— Заткнись, Корин, — беззлобно откликается Огнев. — Просто надоело. Ведь пять месяцев за спиной... Как ты считаешь, Коля?

С Веней мы друзья. Третий рейс плаваем вместе. В одной каюте. И дома, на берегу, мы тоже дружим. Часто ездим на рыбалку, за грибами, на охоту. Он на «Яве», а я на «летающем унитазе». Так Веня называет мой мотороллер. Он поворачивается и внимательно смотрит в мое лицо: ждет поддержки. Что ж, конечно, он прав. Чертовски все надоело. Пять месяцев одно и то же: солнце, вода, рыба. И еще чайки: пищат, пищат. Лишь к вечеру стихают их голоса. Улетают. А утром

опять начинают кружиться, кричать над мачтами теплохода.

— Мне очень хочется домой, ребята. Наташа заждалась наверно... — Я продеваю сквозь жаберные крышки солнечника нитку и отвожу глаза от настойчивого Венькиного взгляда. — Но если бы мы познакомились с течениями, то...

— Bravo, Леднев... — восклицает Корин, — ты настоящий мужчина! Даешь «Корифену!»

— Станция... «Корифена», — пожимает плечами Огнев. — Нам бы теперь на берег. В город. На асфальт. По нему так волнующе стучат каблучки женских туфель... А нас там нет.

В лаборатории становится тихо. Только в море, в длительном рейсе может человек почувствовать, каким же блеклым, пустым и несовершенным становится мир, когда рядом нет тех, кто может на берегу портить нам настроение, капризничать, дуться из-за пустяка. Каблучки женских туфель... Хорошо, когда они стучат рядом...

— Ха, парни, вспомнил историйку! — нарушает молчание Корин. — Поехали мы однажды с Музой в Светлогорск, на пляж. И вот...

Подвесив солнечника к трубе, протянутой по потолку лаборатории, я выхожу в темноту палубы. После прошедшего ливня воздух чист и свеж. Просто не надышаться. Не то, что днем, когда он горячими струями врывается в легкие. С левого борта судна подкатывается крутая зыбь, вестник далекого шторма. «Марлин» раскачивается, но кажется, что мы неподвижны, а это небо колышится над фок-мачтой.

Из боцманской каюты рвется смех. Через иллюминатор, выходящий на палубу, видны веселые раскрасневшиеся лица. Они все словно в сизом тумане: дым. Все курят и окурки бросают в перевернутый барабан там-там. Его купил боцман в сенегальском порту Дакар. Приобрел, а теперь не знает, что с ним делать.

Боцман хрипловатым голосом что-то рассказывает, а я иду на корму. Здесь тихо. Только под ногами чуть вибрирует, вздрагивает палуба да бурлит, булькает вода, взбитая винтом. Иногда она вспыхивает белыми и голубыми искрами. Над головой печально и нежно попискивают ночные тропические птицы. Неслышными тенями мелькают над самой моей головой.

В сторонке, у спасательной шлюпки, темнеет фигура. Тралмейстер. Курит, размышляет о чем-то. Может, тоже о течениях, которые так замысловато путают, заматывают трал. Может, о своем. Личном. На судне тайн не бывает. Все знают: жена молчит. Не пишет. Когда он затягивается, то красный огонек освещает суровое, замкнутое лицо. Ему едва за тридцать пять, но выглядит он значительно старше: почти вся голова седая. Говорят, что тонул. На севере. У берегов скалистых Шетландских островов остался на дне морском его тральщик и вся команда — хорошие, дружные ребята, с которыми он немало поплавал, немало половил рыбы. Тралмейстер часто сидит на корме вот так, один. Курит и размышляет.

— Не вешай нос, старина, — говорю я и кладу руку на его крепкое плечо, — все утрясется. Напишет.

Тралмейстер молчит. Он лишь слегка поводит плечом, и я снимаю свою руку...

...Проснулся глубокой ночью. С чего бы это? Зыбь мерно, неумоимо раскачивает теплоход. И он валится с борта на борт.

Но отчего так тревожно? В машине постукивает металл о металл да чуть слышны приглушенные голоса. Ах вот в чем дело: тихо. Двигатель молчит, — наверно, опять что-то не в порядке. Последние полтора месяца нас замучили поломки. Собственно говоря, подводит насос. Он гонит воду для охлаждения машины и все время ломается...

Двигатель молчит. Когда с берега приходишь на судно, то первые дни, сутки голова болит от вечного грохота поршней и шатунов, доносящегося из машинного отделения. Невозможно уснуть: ляжешь, а голова дрожит, вибрирует на тощей, жесткой подушке. Но проходит неделя, другая — и к судовым шумам привыкаешь. О двигателе вспоминаешь лишь тогда, когда он внезапно останавливается и на судне становится непривычно тихо. Тревожно. Вот так сейчас... Ведь мы в океане. Здесь всякое бывает. Даже в Гвинейском заливе может налететь тропический ураган. Закрутит, замочает в своих водоворотах беспомощный теплоход и выбросит его измятый корпус где-нибудь на рифах...

Вот почему от наступившей тишины тревожно замирает сердце...

Жмурю глаза, считаю, но нет, не заснуть. Встать?.. Лень. Да и куда пойдешь? По нашему судну не разбежишься, не разгуляешься: негде. «Марлин» невелик.

Может, Веню разбудить? Он спит надо мной, в «бельэтаже». А я внизу, под ним, в «партере». Стоит мне поднять ноги, слегка согнуть их в коленях, а потом резко распрямить, как он мгновенно проснется. Такой фокус я проделывал не раз. Но сейчас, пожалуй, не стоит. Пускай спит. Хотя когда у него бессонница, то он меня будит бесцеремонно. Потому что Вениамин Александрович Огнев — мой непосредственный начальник. Он инженер-ихтиолог, а я техник-ихтиолог. Я помогаю ему делать анализы рыб, собираю биологические коллекции и специальными сетками отлавливаю планктон — мельчайших живых существ, обитающих в толще океана. Это нужно для науки: рыбы питаются планктоном. Где планктон, там и рыбу ищи... Ладно уж, пускай спит. Он вчера допоздна просидел в лаборатории над чешуей. Определял возраст сардин.

В своей картонной коробке ворочается Бен. Наверно, снится ему, что прыгает по пальмам, в компании таких же шустрых мартышек, как он сам.

Я забираю Бенку к себе. Он любит спать со мной. Благодарно пискнув, Бен затаился у меня под мышкой, засыпает, тихо посапывая широкими влажными ноздрями. Он попал к нам на судно в Дакаре почти четыре месяца назад. Хорошо помню тот день: пришли в Дакар к полудню, в самый зной, но уже через полчаса около судна волновалась толпа: длинные, сухощавые парни в пестрых одеждах, которых Венька Огнев сразу же окрестил «баскетболистами», и робкие, молчаливые женщины; на черных лицах их ярко выделялись белки глаз... Сухощавые «баскетболисты» шумели и совали в руки матросов рогатые раковины, высушенных колючих рыб, статуэтки из тяжелого, как железо, эбенового дерева, шляпы, сплетенные из сухой травы, щиты, обтянутые кожей носорога, и короткие с зазубренными наконечниками копья. В обмен на всю эту экзотику парни просили мыло, одежду.

Мы только что собрались в город. Мне хотелось приобрести в Дакаре знаменитую посуду из тонкого и

звонкого дакарского стекла. Но в это время пришел еще один человек. Он был худой и черный, как голувешка. Ноги босые, светлые от пыли, руки тонкие, с широкими ладонями. На теле мешок. С тремя дырками: одна для головы, а две для рук. Спереди на мешке красовалась яркая фирменная этикетка: синяя пальма на фоне красного солнца. На спине чернела надпись: «Брутто — 60 кг». Заискивающе улыбаясь, сенегалец извлек откуда-то из-под мышки маленькую мартышку. На шее зверька болталась бечевка.

— Гоп, Бен... — крикнул человек в мешке и дернул бечевку.

Мартышка встала на задние лапы, а по новой команде подпрыгнула и перевернулась в воздухе. Вид у обезьянки был жалкий: испуганные глаза метались в орбитах, она мелко дрожала и, подчиняясь бечевке, все прыгала и прыгала по палубе... Заметив, что я внимательно наблюдаю за зверьком, сенегалец гортанно заговорил, прижимая морщинистую ладонь к развесистой пальме на груди, а потом сунул бечевку в мою руку и показал два пальца. Мартышка перестала прыгать и, сев на палубе, поковыряла своим пальцем носок моего сандалия.

— Черт с ним, с этим стеклом, — сказал я Веньке, — дай мне в долг тысячу франков...

Вечером Бена мыли, выискивали у него больших злых блох. Зашел боцман, измерил мартышку своими узловатыми, мозолистыми пальцами. А утром принес штаны с дыркой для хвоста и рубашку, сшитую из рубава своей тельняшки.

...Чудовищный рык проносится по каюте. Ух, даже сердце останавливается. Это наш судовой старпом. Только у него из всех вахтенных штурманов такая дурная привычка: прежде чем скомандовать подъем, он что есть силы дует в микрофон.

— Команде вставать! С добрым утром, товарищи!

Этой командой начинается каждый день рейса. Уже сто пятьдесят шесть раз день начинается только так: с громоподобного рыка и «доброго утра». Для старпома оно доброе всегда. И в штиль, и во время зверского шторма, когда утомленные качкой марлинцы хватаются за койки. Штиль ли, шторм, лед ли скрежещет по об-

шивке, или вязкий туман цепляется за надстройки теплохода, дует ли жаркий, африканский ветер гарматан, для старпома все равно утро доброе и никаких гвоздей...

Жарко. Грудь словно в тисках: горячий воздух не прополаскивает, не освежает легкие, он сушит их. На палубе масляно поблескивают шестеренки, винты. Механики, испачканные с ног до головы, потные и злые, что-то развинчивают, свинчивают. «Полетела» какая-то важная деталь. Под утро ее выточил на станке старший механик Григорий Васильевич Арефьев и теперь, тихо сквозь зубы переругиваясь, он вместе с мотористом записывает ее в маслянистое чрево насоса. Арефьев — невысокий, полный мужчина. И может, поэтому ему тяжелее всех. Глаза его покраснели, веки набухли, русые волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу...

День бесконечен. За работой часы, дни, недели кажутся быстро, но сейчас время остановилось. От солнца нигде не укрыться. Оно преследует нас везде. Помотавшись на палубе, я ухожу к себе в каюту, валюсь на койку и накрываюсь сырой простыней. Зыбь все не может успокоиться. С методичностью точно выверенного механизма она раскачивает судно. И когда «Марлин» кренится на левый борт, в каюту заскакивает раскаленный добела солнечный луч. В нем мельтешатся легкие, прозрачные пылинки... Вентилятор с хрипом выбивается из сил и подпрыгивает на столе: одна резиновая его лопасть, похожая на оттопыренное свиное ухо, порвалась, и теперь вентилятор работает неровно, рывками. Он все норовит сползти со стола и грохнуться на палубу. Или взлететь... ввинтиться, как самолетный винт, в пыльный и душный каютный воздух. Ему ведь тоже, наверно, до чертиков надоело вот так весь рейс крутиться, крутиться. Вентилятор прыгает, рвется, но где ему: на изогнутую ножку накинута петля бечевки. Бечевка привязана к гвоздю, и никуда лопухому не деться.

В каюту входит разомлевший от жары Огнев. Хороший, приятный парень. Где мы только не побывали вместе, в каких только широтах не качала нас морская волна! Симпатичная физиономия у моего друга, серые, спокойные глаза. Но порой в море бывает так, что от

одного взгляда на приятную физиономию напарника по каюте хочется завывать: ух и надоело же все!

Жду. Готов проглотить на пари ржавый гвоздь, что Огнев сейчас предложит сыграть партию в шахматешки. Не в шахматы, а именно в «шахматешки»... И не сыграть, а «сгонять».

Гулко зевнув, Веня предлагает:

— Сгоняем в шахматешки? А?

Нет, все же тяжело в море. По пять-шесть месяцев... в такой жарнице. Стиснув зубы, я дергаю ногой и закрываю глаза... Шахматы... шахматешки. В этом рейсе на переходах и по вечерам мы «сгоняли» их с Веней уже сто пять раз. Пятьдесят две партии выиграл Огнев, двадцать три — я. Остальные вничью.

Венька еще раз зевает и говорит:

— Сдрейфил, значит?

— Б-рр... отстань...

Фу... кажется, отстал. Но это не все. Готов еще раз держать пари, если Огнев не потянется к гитаре. Точно: тот достает из рундука гитару.

Я сбрасываю простыню. Сажусь на койку. Мне очень хочется вырвать из огневских рук противную, расстроенную и пересохшую гитару и треснуть своего симпатичного друга по рыжеватой голове. Не сильно, слегка. Но все же треснуть...

— Только попробуй, — угадывает мою мысль Огнев и крепко стискивает в руках гриф, напружинивается.

Откинувшись к переборке спиной, я с шумом выдыхаю воздух. Усмехаюсь: нет, зачем же его по башке гитарой? Он же хороший парень. Сколько мы проплавали вместе, где только не побывали! А хандра? Бывало и раньше. Пройдет...

Стукнув в дверь, втискивается в каюту Корин. Вытерев потное лицо, говорит:

— Алло, парни, есть предложение: пока суд да дело, искупаться...

— Капитан скорее позволит себя побрить от пяток до ушей, чем разрешить. Ты же знаешь его: «Акулы скушают. Кто отвечать будет?»

— Ха! А зачем нам его просить?

— А как же?

— Очень просто: кто-то должен нечаянно упасть за борт, а мы бросимся спасать. И все о'кей! Кстати, я

смотрел: акул сейчас не видно. Ни одного плавника на поверхности...

— Кто же упадет?

— Кто? Сейчас решим.

Корин вынимает из коробки три спички, у одной отламывает головку.

— Кто вот эту, без серы, вытащит, тот и сиганет в океан. Тяни...

Веня потянул — с головкой, я потянул — без...

— Вот и все. Вставай, Коленька. Тебе повезло.

— Ты считаешь, что мне повезло? — Я поднимаюсь, выглядываю в иллюминатор. — А вдруг акула... скушает?

— Ерунда, — успокаивает меня Корин, — парни Ива Кусто тысячи раз ныряли в Красном море. Там акул как колюшек в деревенском пруду: кишат. И что же? Только раз одному парню ноги отгрызли...

Мы выходим в коридор и сталкиваемся с Валентином.

— По-пойдемте к капитану, — говорит он, — дело есть...

В капитанской каюте прохладнее, чем внизу: два больших окна-иллюминатора распахнуты и в них врывается морской ветер.

Капитан кивает нам тяжелой, с крупными чертами лица головой и, подергав мочку правого уха — это у него такая привычка, — закрывает за нами дверь.

— Рассаживайтесь. Можно курить. Вот сигареты...

Капитан любит, когда мы бываем в его каюте. По вечерам.

Он у нас добродушный, приятный дядька. Еще молодой, но полнеющий и лысеющий. Молодожен, женился совсем недавно. Все было недосуг. Все в морях. Капитан мягок и добр. И поэтому он, пожалуй, чаще, чем следует, строго хмурится и говорит грозным голосом. Вот как сейчас.

— Получена радиограмма от начальства. Читаю: «После консультации промышленниками зпт целях ознакомления подводными течениями квадрате Б тр. 346 проведите серию двтч десять двенадцать суточных станций тчк рейс продляем двадцать суток...»

— Черта с два! — восклицает Огнев. — Ну четыре-
пять станций, а они? Десять!.. Ему там хорошо в каби-
нете, а нам? Еще двадцать суток!..

— Тише, пожалуйста, — останавливает его капитан
и продолжает: «...продление рейса согласия команды и
научной группы...» Все.

— Нет уж, дудки! — горячится Вениамин. — Что ни
рейс, то продление. Но мы же люди, черт возьми!

Капитан разглаживает на столе ладонью радиограм-
му, предлагает:

— Пожалуйста, ваши мнения. Я уже разговаривал
с матросами, штурманами, механиками. Особых возра-
жений нет...

— Как с двигателем? — спрашивает Валентин, вдавли-
вая окурок в большую розовую раковину — пепельницу.

— Скоро потопаем. Кстати, кто не хочет остаться
на продление, я могу отправить домой. На «Макрели»...
Они идут из Такоради. Через недельку встретимся.
Итак, пожалуйста... Корин?

— Ха, я всегда «за». Меня дома никто не ждет.

— Хорошо. Леднев, пожалуйста. Ваше мнение.

...За окнами-иллюминаторами колышится длинной
пологой зыбью океан. В воде сверкают тысячи, миллионы
ослепительных брызг. Солнце. Это его огненные оскол-
ки переливаются острыми, жгучими лучами в волнах...
В каюте капитана прохладно: сквознячок. Но и здесь
наши лица блестят капельками пота. А дома сейчас мо-
роз. Снег. На кормушке под нашим окном солидные
толстяки снегири и хлопотливые синицы. Наташа ходит
на каток... покупает игрушки к новогодней елке. А я...
я уже четвертый год зиму провожу в тропиках. И вот
опять...

Капитан закуривает новую сигарету, поднимается,
шагает по каюте.

— Не торопитесь. Обдумайте все, — слышу я его го-
лос, — у меня тоже... меня ребенок ждет дома. Я его
еще не видел. Но надо. Лучше, если это сделаем мы.
Итак, Леднев?

— Остаюсь.

— И я тоже! — с ожесточением говорит Огнев. —
Фанатики чертовы. Из-за этих проклятых течений я
останусь холостяком на всю жизнь.

— Ха! Подумаешь, — хлопает его по плечу Корин, —

живи как я! Всегда свободен! А жена что? Как чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить жаль.

— Не зубоскаль,— останавливает его Валентин,— здесь все серьезно. В общем первую станцию начнем сегодня же. Чтобы не прерывать работ по поиску, судно во время станции будет шарить рыбу в соседних квадратах.

— Ну что, все? — Валентин поднимается из-за стола, сворачивает карту.

— Минуту. Слушайте мое распоряжение. Старшим назначаю инженера Прохорова. Осторожнее с купанием: акулы могут скушать. Пожалуйста...

— Мы их сами скушаем! С потрохами!.. — радостно восклицает Корин. — А купаться придется: это в лодке, не на судне. Там за день живьем на солнце спечешься.

— Все,— говорит капитан,— желаю успеха. Только с акулами осторожно. Это такие твари!..

Притихший, замерзший во время ремонта двигателя «Марлин» оживает. На ботдеке загудели машины — спускают тяжелую, металлическую моторную лодку. Из кормового трюма кок и камбузник Витя достают продукты, боцман меняет воду в плоском деревянном бочонке-анкерке. Около борта уже громоздится гора оборудования: ящики с приборами, резиновая надувная лодка, хлорвиниловый мешок с одеялами и другой — с двумя матрацами. Тут же спасательные пояса, мачта, парус, весла. Бидон с формалином, сачок, планктонная сеть.

В каюте сидит Огнев и, глядя в иллюминатор, качает ногой.

— Покидаю тебя, гитарист-шахматист. — Собирая вещи, я мысленно представляю себе, как будет проходить станция: судно ушло... мы одни, на мертвом якоре. Мы одни, а кругом океан. Я давно мечтал об этом — побывать на лодке в океане. Ощутить, почувствовать, что же это за штука: лодка, а кругом океан? Как-то отошли на задний план каток и приближающийся Новый год с душистой елкой. Ведь не последняя же зима, все впереди! А сейчас станция. Лодка, океан и мы — четверо. Через каждые два часа промер. Промер — и два часа делай что хочешь. Можно и рыбку половить, и искупаться. Здорово!

На койку летят ласты, маска, трубка, фотоаппарат, кинжал. Еще что? Вроде бы и все. Да, мыло. Теперь все.

— Чему радуется человек? — говорит Веня. — Ни тебе поспать, ни тебе отдохнуть: круглые сутки промер за промером. Уже к вечеру будете мечтать о «Марлине».

— Это ты все от зависти. — Сейчас мне уже трудно испортить настроение. — Конечно, будет не легко, но интересно. Уж так надоел теплоход, палуба, каюта! Ну, приветик! Гуд бай!

Незаметно, чтобы не видел Веня, я наклоняюсь и, как будто поправляя подушку, осторожно касаюсь ладонью фотографии над койкой: до встречи!

Когда я тащу все свое снаряжение по коридору, меня нагоняет Бен. Он с разбегу прыгает мне на ногу и повисает, крепко вцепившись в брюки руками. Он всегда так делает, когда я ухожу с теплохода. Когда мы заходим в порты, Бенка повисает на моей ноге и не пускает. И приходится его сажать на цепочку. Ладно, возьму его с собой.

А лодка уже прыгает, скачет у судна. На ее борту белеет написанное мелом «Корифена». В ней горой навалены приборы, мешок с продуктами, одеялами. Петя Скачков в трусах и форменной фуражке стоит у руля, уперев руки в бока, и курит трубку с остролицей физиономией Мефистофеля.

Все, кто свободен от вахты, толпятся на палубе. Боцман возится с толстым сезалевым канатом. К его концу привязан якорь. По штормтрапу мы соскальзываем с «Марлина» в «Корифену». Скачков оттолкнулся багром от борта судна, боцман с матросом, поднатужившись, сдвигают якорь, и он, всплеснув воду, падает в океан, уволаскивая за собой канат, прикрепленный к лодке.

Под кормой «Марлина» вздулись зеленые водяные пузыри: дали ход. Двигатель выдохнул через низкую, одетую в красную полосу с серпом и молотом трубу фиолетовый дымок, и теплоход пошел от нас прочь. На палубе замахали руками... на крыло мостика вышел капитан. Приложив ко рту мегафон, он кричит в него. До нас лишь доносится: «...акулы... могут скушать... пожалуйста...» Потом он машет нам мегафоном и что-то говорит в рубку. Через мгновение над океаном разнеслись три прощальных гудка. До свидания, «Марлин»!

До свидания, марлинцы! Мы встретимся вновь через сутки.

Повязав голову марлей, я разобрал имущество и прилег на брезент. Чуть накренившись на левый борт, судно быстро уходило к фиолетовому горизонту. Солнце, распухая на глазах, неторопливо клонится к океану, вечереет. Скачков очищает фитиль керосинового фонаря, Корин и Валентин склонились над раскрытым ящиком, в котором матово поблескивает прибор для измерения течений.

Зыбь не успокаивается. Пожалуй, она стала даже сильнее. А может, зыбь и не усилилась: просто посудина, в которой мы сидим, во много раз меньше «Марлина». Вот ее и швыряет, подбрасывает, валит с борта на борт.

— Ну вот мы и в океане. Одни... — говорит Станислав, — ликуй, Леднев, трепещите, Бомбар и Хейердал!..

Я с тревогой поглядываю на волны: не люблю, когда они слишком разгуливаются. Лучше, когда тихо.

— Может, перекусим? — предлагает Петр.

— Пожалуй, — соглашается Валентин. — А что там за продукты, Стась?

Корин шевелит ногой пластиковый мешок.

— Здесь есть все, мой адмирал: хлеб, колбаса, сгущенное молоко, консервы, «заморские фрукты» — апельсины, ананасы. Все из расчета на трое суток.

— Что ж, — говорит Прохоров, взглянув на часы, — до станции тридцать четыре минуты. Успеете ли вы набить свои желудки?

— Успеем! — хором восклицают все, выуживая из мешка кольца колбасы, сгущенное молоко и «заморские фрукты».

Через двадцать минут с суточным пайком покончено. Мешок заметно худеет. Колбасные шкурки подхватила и унесла прочь волна, две из шести банок сгущенного молока, булькнув, опустились на морское дно. Они были опустошены корифенцами и тщательно вылизаны Бенкой. Съев по апельсину на сладкое, мы закуриваем, а Бен, подстелив под голову свои штаны, удобно располагается в ящике из-под вертушки...

Быстро темнеет. На небосводе показались низкие, насыщенные влагой тучи, и экипаж «Корифены» нет-

нет да и поглядывает на них с тревогой. Сейчас в Гвинейском заливе период тропических ливней. И если там, на судне, это доставляло удовольствие, то в открытой лодке да еще к ночи дождь совсем ни к чему.

Да, как все просто и хорошо казалось с борта судна!.. Сидишь себе в лодке, жуешь апельсины; подошло время — опустили за борт вертушку, подняли ее, записали показания, и опять два часа делай что хочешь: можешь спать, можешь рыбку ловить. Курорт! М-да. Курорт... В действительности все оказалось не так, как предполагалось. К вечеру подул сильный ветер. Может, он и всегда по вечерам дул, но только на «Марлине» мы его не замечали. Подул, развел волны. Может, на судне мы и внимания бы на них не обратили, но сейчас, из этой лодочки, они кажутся нам огромными.

— Начали!.. — командует Валентин, свешиваясь над водой. Цепляясь ногами за одну из банок, он придерживает руками блестящий белый прибор, чтобы волны не разбили его о металлический борт. Сейчас «морская вертушка» погрузится в воду и опустится к самому дну. Там, у грунта, в траловом, как называют промысловики, слое воды она начнет работать: струи движущегося течения ударят в лопасти вертушки, она закрутится, и специальный счетчик измерит скорость течения, а компас особой конструкции укажет направление движущихся потоков. Вот это нам и надо узнать — скорость и направление течений в траловом слое воды.

— Осторожнее!.. — Напрягшееся, в каплях воды лицо Валентина возле самых волн. Корин раскручивает барабан с тросом, густо намазанным солидолом. Я слежу, чтоб трос не соскочил с блока. Метр за метром уходит в глубину. Сначала вертушка чуть виднеется сквозь воду, потом исчезает... Двадцать... тридцать... пятьдесят метров... еще десяток. От резкого крена трос рвется из рук, я налегаю на него то грудью, то плечом, и на коже остаются рыжие мазки.

Скорость и направление. Через каждые два часа. И так в течение суток. Сначала в этой точке океана, на этой станции, потом на десять миль западнее. Потом еще, еще... Всего десять станций — и капитан проложит курс в северные широты. Домой. Там, дома, мы составим карты течений в придонном слое воды и передадим их промысловикам. И тралы у них не будут путаться,

заматываться. Они не будут пустыми. Тралы наполнятся рыбой.

— Стоп!..

Валентин валится на дно лодки, мы с Кориным закрепляем трос, садимся рядом. Вертушка на заданной глубине. А мы с Кориным измазаны солидолом с ног до головы и жирно лоснимся, словно подтаявшие шоколадные фигурки.

Болтанка... Лодка прыгает, кренится и клонится в самых неожиданных направлениях: ветер слева, поверхностное течение справа. Течение и ветер ставят лодку бортом к волнам. И мы болтаемся в ней во всех четырех плоскостях... в голове гудит, к горлу подкатывается горечь. Я судорожно стискиваю зубы: плохо переношу качку. А ветер усиливается. Срывает с волн мохнатые гребешки пены и швыряет в наши лица. Рубашки мокрые насквозь, и нам совсем не жарко. Даже холодно: морская вода, смешиваясь с солидолом, прохладными змейками ползет за воротник, и по всему телу прокачивается озноб.

Ни встать, ни сесть: лодка мотается из стороны в сторону, подскакивает вверх и с крутым креном рушится в темные водяные провалы. Потом рывок — канат не пускает, а лодка рвется, словно хочет развернуться по течению. В шлюпке тихо. Петр, закутавшись в одеяло и надвинув фуражку на самый лоб, дремлет, втиснувшись между мотором и железным бортом. Петру хорошо: он никогда не мучается морской болезнью. Во время шторма у него только аппетит улучшается. И в салоне он с удовольствием съедает мою порцию. Я обычно в это время, слабый и потный, валяюсь на койке и проклиная тот день и час, когда моя нога впервые вступила на палубу судна. Мне и сейчас тяжело. Даже очень. Но я креплюсь. Я даже напеваю. Мурлыкаю что-то такое беззаботное. Бодренькое. А Стась и Валентин, те как будто и не замечают болтанки, сидят на дне лодки, упершись ногами в борта, и курят. Крепкие парни. Не то что мы с Беном. Я креплюсь, напеваю, а Бенка лежит на дне ящика из-под вертушки и, закрыв лапами глаза, тихонько попискивает. Чтобы на него не падали брызги, Валентин закрывает крышку ящика, оставив небольшую щель, и Бенка затихает, успокаивается. Он не укачался.

Просто боится черных, косматых волн, норовящих с разгона прыгнуть в «Корифену».

— Поднимаем,— говорит Валентин, взглянув на часы.— Петро, зажигай фонарь. Темно.

Стась крутит ручку выюшки, наматывает на нее мокрый, липкий трос, я придерживаю его, чтобы не соскочил с ролика.

— Стоп! — Валентин свешивается за борт, я держу его за ноги, и «адмирал» осторожно вынимает из воды прибор. Петр светит, и Корин записывает показания в тетрадь: скорость, направление течения.

— Отдыхать... два часа,— командует Валентин, и мы начинаем «отдыхать»: садимся на дно лодки и упираемся ногами в противоположный борт.

Петр вешает на мачту фонарь. Тусклый свет освещает грязные побледневшие лица. На небе ни звездочки. В лодке тихо. И никому уже не хочется шутить...

Привалившись боком к анкерку с водой, кутаюсь в одеяло — знобит — и тоскливо высчитываю, сколько еще часов осталось до рассвета. Далеко, еще очень далеко до восхода солнца.

В два часа ночи подходит «Марлин». Капитан показывается на крыле мостика, кричит в мегафон:

— Эй, на «Корифене»! Как там у вас?

— Порядок,— отзывается осунувшийся «адмирал».

— Никто не просится на борт? Может, заменить?

Валя смотрит на меня. Я качаю головой: перетерплю.

— Никто! — слабыми, скучными голосами отвечают корифенцы, жадными взорами окидывая металлическую твердыню, в чреве которой есть уютные каюты с мягкими койками.

— Мы пробежимся на юг, миль на тридцать — сорок. Пошарим там рыбу и придем к вам.

Рядом с капитаном появляется Огнев. Взяв мегафон, он гулко зевает в него и говорит:

— Алло, Леднев! Ты не хотел бы сгонять партию в шахматки?

Я не отвечаю: просто боюсь разжать зубы.

Веня отдает мегафон капитану и уходит в нашу душеваную, но такую уютную каюту.

— До встречи! — рокочет капитан и поворачивается к нам спиной. Звякает машинный телеграф. «Марлин»

уходит. Его огни скрываются из глаз. Мы опять остаемся одни. Наедине с океаном.

А потом... Это было уже не вчера — сегодня. Потом мы опять и опять опускали за борт вертушку. Ночь тянулась нудно, долго. В пятом часу над нами раз-другой гро-ыхнул гром, молния огненным клинком расколола тучи, продырявила их. С тяжелым гулом к нам подошел ливень, надвинулся плотной холодной стеной, и тонны воды обрушились на наши головы. Фонарь упал, разбился. Потоки воды хлынули в лодку. Мы забились под брезент, но вода, быстро наполнявшая лодку, выгнала нас оттуда.

— Свистать всех наверх! — хриплым голосом крикнул «адмирал» и выскочил из-под брезента. Проклиная все на свете: и сам рейс, и Гвинейский залив, и эту, будь она неладна, станцию, я последовал за ним. Кругом кипело. Волны и ливень... кругом одна вода. Пресная вода смешалась с морской. Ливень бил, сглаживал, прижимал волны, но они упорно колыхались, горбились и все так же раскачивали лодку.

— Вылить воду! — прорвался сквозь шум и плеск голос Валентина.

Ведром и кастрюлей мы начали выплескивать воду из лодки. Ее уже налилось почти по колено. В воде плавали наши одеяла, матрацы, ящики из-под приборов. В одном из них испуганно верещал Бен. Ведро и кастрюля. Еще четыре пары рук... а сверху водопад. Лодка грузно осела в воде. Ее стало швырять меньше, но волны были ближе. Их гребни все чаще и чаще переплескивались через борта. Около движка торопливо кланялся и разгибался Скачков — осушал лодку своей вмести-тельной фуражкой. А сверху грохотало, молнии ослепительными штопорами ввинчивались в океан. На мгновение становилось светло, и я видел вздувшиеся мускулы на спине Корина, мокрые волосы Петра, прилипшие прядями ко лбу и вискам, лихорадочно блестящие глаза Валентина.

Ливень прекратился внезапно. Ушел с шумом и плеском. Ливень ушел, а мы еще с полчаса выгребали из лодки воду. Болели мышцы рук, спины. Повалившись на дно, несколько минут молчали. Только хриплое ды-

хание слышалось в лодке, да перепуганный Бен попискивал в своем ящике. Я вытащил его, сырого, дрожащего, и Бен крепко вцепился руками в мою шею, спрятав голову у меня под подбородком.

Вскоре отдых закончился.

В темноте работать трудно. Все устали. Глаза слипались. Холодно, сырая одежда не грела, и я слышал, как Корин звонко выстукивал зубами дробь. И я тоже. Челюсти колотились и прыгали, хоть руками придерживай. Трос путался, свивался спиралями... Долго, очень долго опускали вертушку, а потом поднимали ее.

Так прошла ночь.

Тучи расползлись, рассеялись; небосвод посветлел, зарозовел на востоке. Ветер стих, волнение уменьшилось, волны сгладились, и «Корифена» стала меньше дергаться, мотаться на канате.

Уснуть бы... но холодно. Все мокрое. Разобрав вещи, мы развесили матрацы, одеяла, брезент по бортам и, прижавшись друг к другу, замерли в ожидании тепла.

...Вот и солнце. Никогда раньше не ждали мы его с таким нетерпением. Алый краешек выглянул из-за горизонта и осветил наши похудевшие, испачканные солидом лица. Огненный шар выкатился из воды, помедлил чуток и неохотно оторвался от кромки океана. Потеплело. От матрацев, одеял, от нас стал подниматься парок. Смороенные теплом и усталостью, мы заснули.

— Подъем! Разоспались, как на курорте!

Черт, как хочется спать! Но где там! Валентин уже вытаскивает вертушку, кладет ее мне на колени, трясет за плечи Корина, Скачкова. Приоткрыв веки, я вижу, как Валя, балансируя руками, делает несколько приседаний, а потом, свесившись за борт, плещет водой в лицо. Вода... Б-рр!.. от одного воспоминания о ночном потоке по спине пробегает дрожь.

Потом мы завтракаем. Хлорвиниловый мешок уберет продукты, мой фотоаппарат, пленки, тетрадь с записями промеров течений. Стало совсем тепло. И чем выше поднималось солнце, тем спокойнее, тише становился океан, тем лучше наше настроение. Аппетит зверский. Колбаса, масло, хлеб, сгущенное молоко — все это быст-

ро исчезает в наших желудках. Меня уже не мутит. Этим морская болезнь и хороша: стоит прекратиться качке — и она проходит.

— Ну вот, ребята, картина проясняется,— говорит Валентин, просматривая тетрадку промеров течений,— мы неплохо поработали. Теченьице-то ого!.. почти полтора узла!.. На зюйд-вест чешет. Ну вот, еще два промера — и будем на «Марлине». Выше нос, Леднев. Ливень был прекрасен, правда, Стась?..

— Угу... — откликается Корин, запихивая в рот кусок колбасы,— душ Шарко. Для укрепления нервов. Коля, еще колбаски...

— А я фуражечку немного простирнул.— Петр показывает свою фуражку: козырек у нее раскололся пополам, краб отскочил и, наверно, ушмыгнул в океанскую глубину.

— Пойдите! — Валентин предостерегающе поднимает руку, вслушивается: какой-то гул надвигается в нашу сторону с запада. Может, самолет? Нет, не найдется на земле самолета, чтоб его двигатели работали с таким гулом. Но что тогда? Петр вскакивает на капот двигателя, смотрит, прижав ко лбу ладонь козырьком. Над нами солнце, а с запада весь горизонт плотно забит бугристыми тучами. Гул оттуда... свежий ветерок дохнул в лица, рябь волн пробежала по немного успокоившейся поверхности залива. А гул все ближе. Прозрачная пелена набежала на солнце, задержала его словно занавеской. Вот и совсем пропал потускневший солнечный диск: тучи напозлали на него, тучи нависли над «Корифеной». Ветерок превратился в ветер, он уже не дышит в наши лица, а задует так, что нужно отвернуться, чтобы вдохнуть воздух. Ветер несется над водой и бугрит ее высокими короткими волнами. Лодка рвется, мечется. Она то подскакивает, то, гулко стукаясь днищем, проваливается вниз, в пенящую воду. Хватаясь друг за друга, мы ползаем на четвереньках и торопливо крепим вещи, ловим рассыпавшиеся апельсины, прячем продукты в мешок... Становится сумеречно. Почти темно. Гром раз за разом бухает над нашими затылками, и молнии, как корни какого-то дерева, мгновенно выскальзывают из туч и врастают в воду. Становится жутко. Свист, грохот и рев...

— Смерч! — кричит Валентин. — Смотрите!..

Я поворачиваюсь и вижу: метрах в ста от лодки над волнами крутится вихрь. Он вертится на одном месте, увлекая за собой клочья пены, брызги, волны. Вихрь гигантским соском приподнимается над заливом, и из туч навстречу ему тянется такая же крутящаяся громадная капля. Сосок полнеет, разрастается, тянется вверх... Он, как насос, втягивает в себя массу воды и клочковатую каплю из туч. И вот, словно собрав все силы, пенный бугор подскакивает и соединяется с тучами высоченным, вращающимся вокруг своей оси столбом: смерч! Смерч, наводящий ужас на мореплавателей и прибрежных жителей. Смерч, способный засосать в свое нутро океанский лайнер... он растет, пухнет, он приближается к нам...

— Засосет! — выдыхает Стась над моим ухом. — Затянет...

...Да что ему мы с нашей лодкой-скорлупкой? Смерч сносит целые дома, всасывает в себя разрушенные строения, вырванные деревья. А потом, обессилев, сникает и выбрасывает обломки где-нибудь далеко от мест, где он погулял, наводя ужас на все живое. Вот он пучится, раскачивается чудовищной змеей, втягивает в себя волны... приближается, надвигается...

— Петр, заводи! Ребята, нож! Где нож?

Нож? Где-то здесь. Я им только что хлеб резал. Нож... вот он!

...А потом тугая волна обрушивается на меня... все опрокидывается. Удар. Темнота.

Я открываю глаза. Все так же ярко светит солнце. Тихо. Лишь немного покачивает. Это уж всегда так: после пронесшегося смерча природа, словно отдыхая, успокаивается. Мы не раз видели смерчи с «Марлина». Но они обычно проходили вдалеке, стороной.

— Сколько там?.. — спрашиваю я упаковывающего в ящик вертушку Станислава.

— Второй час...

— «Марлина» не видно?

— Нет. Не видно. — Станислав чуть шепелявит. Заметив мой взгляд, поясняет, что его вертушкой по челюсти шархнуло.

— Ха, история. Скажи, как я без зуба выгляжу?

— Мужественно. По крайней мере интригующе...

В висках еще гнездится боль. Звон в ушах меньше. Сажусь, оглядываю горизонт: стиснутый осевшими к океану тучами, он близок. И пустынен. Где-то там шумят ливни. Наверно, и нас к вечеру или ночью опять прополощет. Но к вечеру нас, может быть, найдут. Мы будем сидеть в лаборатории и слушать, как хлещут по палубе тугие струи. И под шум вечернего ливня я расскажу Вене про смерч. Я ему дам пощупать шишку на своей голове... все же я здорово треснул: до сих пор в висках ломота. Потом мы сыграем с ним в шахматы. Я, как обычно, проиграю и уйду в каюту, завалюсь на койку. Там, на переборке, возле самой подушки, висит фотография женщины. Это моя жена. Наташа. Она сейчас ходит на каток и покупает к Новому году игрушки, думает, что елку украшать мы все же будем вместе... Нет, я немного задержусь. Но это ничего: впереди еще будут новогодние праздники. И мы их обязательно проведем вместе.

Корин дразнит акулу.— «Бегущая по волнам» поднимает резиновый парус.— Катастрофа...— Помощь поспела вовремя.— Где «Марлин»?..— Красные ракеты.— Размышления над картой.— По следам Бомбара.— Едим планктон.— Корифены.—
Мрачный вечер

Вечереет. Волны, разбежавшиеся по заливу днем, вновь начинают собираться возле «Корифены». Немного отдохнувшая лодка опять прыгает по волнам. Задремать бы, вон как Петя Скачков, чтобы минуты, часы проскочили быстрее, но нет, не дремлет. Качка опять оживляет морскую болезнь. Ну где же «Марлин»?

— Через часик подвалит,— говорит Стась и вытаскивает из-под брезента спиннинг.— Акуленцию подразню...

Возле «Корифены» уже несколько часов кружится акула. Она то покидает нас, то возвращается и кружит, кружит вокруг лодки. Словно чего-то дожидается, высматривает. Броситься бы в океан, нырнуть раз-другой. Сразу бы голова посвежела. Но страшно: триста острых, словно бритвы, зубов наготове. Прицепив к леске самую плохую блесну, Стаслав делает бросок в сторону трехугольного плавника. Акула тотчас замечает сверкнувший, словно рыба, жестянку. Она разворачивается и устремляется к «рыбке». Та резвится, крутится перед самым акульим носом, но, когда акула распаивает пасть, Стась резко дергает, блесна выскакивает из воды и, звонко стукнувшись, падает в лодку. Акула кружится на одном месте, разворачивается, и в это время за ее спиной вновь появляется серебряная «рыбка». Акула направляется к ней, она голодная... И вот «рыбка». Акула бросается к блесне, но Корин начеку.

— Ха!..— кричит он и выдергивает блесну буквально из акулей пасти. Хлопнув хвостом по воде, та ны-

рвет в глубину, потом снова начинает крутиться около «Корифены».

— А ну еще разок! — предлагает Корин и, взмахнув удилищем, забрасывает блесну чуть левее акулы. Та бросается к «рыбке», спинной плавник режет воду... Стась торопливо крутит катушку.

— Ха! — неуверенно произносит он, дергает и... чуть не падает в воду от резкого рывка: блесна уже в акульем животе. Покраснев от натуги Корин тянет согнувшееся удилище; почувствовав укол крючка, акула уходит в глубину. Резко жужжит катушка, сматывая с себя жилку. Петр взмахивает ножом, и леска звонко лопается; Корин с ожесточением плюет в воду:

— Метров двадцать уволокла, подлая...

— Вот тебе и «ха», — откликается Петр, — это ж не щука. Акула.

Смотрю на часы: стрелки словно прилипли к циферблату. Совершенно не двигаются. А когда не надо, так бегут, спешат, словно сумасшедшие. Бенка спит, прикрыв глаза узенькой, почти человеческой ладошкой. Вытянув из матраца тоненькую соломинку, я щекочу Бену нос. Тот чихает и, не открывая глаз, отмахивается. Думает, что муха.

— Что это там?.. — вдруг говорит Скачков, — плывет что-то в воде...

— Наверно, пенопластовый буюк?.. — бормочет Станислав, щуя глаза. — Точно, буюк!.. Может, достанем? Пожалуй, он нам может пригодиться. Как считаете, парни?..

— А вдруг к нему что-нибудь привязано?.. — строит догадки Корин, поглядывая на Валентина. — Помню, однажды вытащили буюк, а к нему привязано...

— Ладно, черт с вами, — соглашается Валентин, — надувайте лодку и добирайтесь до буйка на шкертке. Как твой кумпол, Коля?.. Ничего? Тогда крепи конец... Только осторожно, ч-черти...

Я достаю бухту тонкой веревки, один конец привязываю к лодочной банке, другой креплю на резиновой шлюпке. Стась уже накачивает ее небольшим мехом. Шлюпка, довольно похрюкивая клапаном, быстро распухает, наполняется воздухом.

— Сильно не перекачивай, — беспокоится Валентин, — заплата отскочит. Слышишь, Стась?

Заплата чернеет на самом носу лодки. Большая, черная. Наклеенная еще кем-то на берегу.

Первыми в шлюпку лезем мы с Кориным. Валька потравливает конец, ветер подхватывает легкую, словно пробка, шлюпочку и быстро относит от «Корифены». Вытянув ноги, мы сидим прямо на днище и гребем короткими, составленными из металлических трубок веслами, направляя шлюпку носом против волны.

— Поставим парус, — предлагает Корин, — давай сюда весло...

Из двух весел мы собираем небольшую мачту, вставляем в специальные пазы, и Стась поднимает резиновый трехугольный парус. Ветер туго ударяется в него, парус гордо выпячивает свою округлую грудь, и шлюпка, чуть накренившись, легко мчится по волнам. Конец шлепает по воде, то выскакивая из нее, то опускаясь вглубь... Потом ослабевает.

— Бегущая по волнам! — в восторге хлопает шлюпку Корин по тугому звонкому боку. — Вперед! Навстречу опасностям!.. Хватай буюк!..

Я подхватываю буюк — легкую пенопластовую пластину.

Но что за крик? Я поворачиваюсь: «Корифена» чуть заметной точкой белеет далеко позади.

— Стась! Конец лопнул!

С лица Корина соскакивает улыбка. Он дергает за веревку, и та легко выскакивает из воды: порвалась!

— Парус!

Я отпускаю шкот, парус вянет, падает в лодку, накрывая нас...

— Весла быстрее! — Корин выдергивает мачту, раскручивает ее на куски, втискивает в белые трубки лопасти весел. В спешке одно весло получается коротеньким, другое в три раза длиннее. Но вот весла собраны, лопасти ныряют в волны, мы торопливо разворачиваемся носом на ветер, гребем... гребем. Шлюпка неохотно подчиняется нашим усилиям. Она переваливается через одну волну, через другую. Сжав до боли в суставах весло, наваливаюсь на него всем телом, пропихиваю воду вдоль борта, отталкиваю ее назад. Стась гребет рывками, со стоном. Он повернулся ко мне спиной, и я вижу, как

по желобку вдоль спины скатывается струйка пота. И у меня лицо уже сырое. Соленые, едкие капли сбегают по щекам, от них щиплет в уголках глаз. Но нет, некогда смахнуть их. Нужно грести, грести. Когда шлюпка вскакивает на крутой гребень, нам видна лодка. Нет, она совсем не приближается. Пожалуй, удаляется. Когда шлюпка взбирается на волну, нам видно, как в лодке суется две маленькие фигурки. Потом шлюпка скользит вниз, и кругом одна вода.

Шаркнув по борту веслом, Корин задевает заплату. Та оттопыривается, и из резинового чрева лодки со свистом вырывается воздух. Бросив весло на дно шлюпки, Стась прижимает заплату ладонью, но воздух сильнее Корина: он шипит, пищит, но лезет, рвется из-под заплаты, и шлюпка начинает худеть. Ее упругое, звонкое тело дрябнет, покрывается глубокими морщинами... Мы оседаем, через борта в лодку вливается вода.

Корин поворачивается ко мне. Лицо его бледно, из закушенной губы стекает по подбородку струйка крови.

— Рубашку... быстрее рубашку,— просит он.

— Рубашку? — не понимаю его.— Зачем?..

— Быстрее! Черт...— кричит Корин, и я сдираю с себя рубашку.

Корин отрывает заплату начисто и запихивает в дырку мою рубашку. Воздух перестает пищать и шипеть.

— Вот ведь, а? — криво ухмыляется Стась.— Приключение за приключением...

Я киваю головой в воду: метрах в пяти от нас режет воду трехугольный плавник. Акула. Бросила «Корифену» и поплыла за нами: все надеется на что-то.

Шлюпка переломилась пополам. Она двумя пузырями — носом и кормой — торчит из волн. А посредине по пояс в воде сидим мы. Можно грести, но что толку? Все равно в таком состоянии шлюпка не сдвинется с места... Что там на «Корифене»? Чего они мешкают?

— Мотор заводят...— угадав мою мысль, говорит Корин.— С ним можно и час, и два провозиться!..

— Через час будет совершенно темно...

Корин не отвечает. Он внимательно рассматривает тряпочную затычку. Она намокла, и по краям ее пузыряется воздух. Хоть и помаленьку, но он все же сочится из лодки.

Ветер доносит чуть слышное тарахтение мотора: ага, завели! Он то усиливается, то затихает в провалах волн. Собрав весла в одну длинную палку, мы привязываем к концу парус и размахиваем красным полотнищем: уже темнеет, нас могут просто потерять... Солнце садится в непроницаемые, черные тучи. Его лучи вязнут в насыщенных влагой облаках. Еще немного — и оно нырнет за горизонт. Тогда мгновенно наступит крошечная тьма. Так всегда в тропиках: стоит солнцу соскользнуть с небосвода, и ночь тотчас раскрывает над океаном свой черный зонтик в дырочках звезд.

Стук мотора совсем близко. Вот и лодка. На носу стоит Валентин. Бен висит почти на самом кончике мачты, Скачков склонился над двигателем.

— Эй, вы, бомбары! — раздается Ваалин голос.

— Мы здесь, «адмирал»! — откликается Корин.

— ...принимайте конец, черти!

Вот и «Корифена». Я лезу через ее борт, падаю на брезент. Бенка скатывается с мачты, прыгает ко мне. Его сырой нос уткнулся в мою шею, я чувствую, как сотрясается сердце в щуплом теле мартышки... Мы в «Корифене». В крепкой железной лодке. И теперь нам не страшны ни акулы, ни болтанка, ни тучи, нависшие над самой водой. Они вот-вот готовы развернуться ливнем. Уж так всегда: к вечеру или ночью дождь. Что поделаешь: тропики. Зима...

Глубоко затягиваясь дымом, Стась рассказывает, как все случилось.

Мы молчим. Остываем. Курим. Потом Корин втаскивает в «Корифену» нашу прохудившуюся шлюпку и выдергивает затычку. Облегченно вздохнув, шлюпка выпускается из себя остатки воздуха, сплющивается, расстилается перед нами куском прохладной, мокрой резины.

— Вырубай, двигатель, — кивает Валентин головой Скачкову, — Леднев, вскрывай ящик в носовой банке. Там должны быть красные ракеты. Надо сигнализировать. Иначе не найдут. Нас далеко отнесло. Ветром и течениями.

Я отвинчиваю крышку. В просмоленной коробке лежат ракеты. В промасленной тряпке тяжелая ракетница. Палец нажимает на рычаг, и ракетница разламывается, ствол опускается, как у старинного револьвера «Смит-и-Вессон». Тяжелый патрон туго входит в ствол.

— Давай. Вверх...

Сухо грохнув, ракета врезается в низкие, лохматые тучи, взрывается там, и тучи вспыхивают багровым отсветом.

— Плохо, — говорит Валентин, — так ракету и с полмили не увидишь. Дай-ка мне.

Он стреляет не вверх, а чуть опустив руку. Ракета делает полукруг и, взорвавшись над самой водой, исчезает в волнах. Раз за разом гроыхает ракетница. Ракеты то уходят в тучи, то, еще не сгорев, падают в океан.

— Последняя, — говорю я.

Валентин чешет стволом ракетницы у себя за ухом. Думает. Потом машет рукой: надо стрелять. Судно где-то недалеко, они ищут нас... Они должны увидеть ракеты. Еще раз темноту пререзает огненная кривая. Потом вспышка под самыми тучами — и ослепительное, тревожное пламя освещает на несколько секунд беспоконную, в черных горбах поверхность залива. Наступает темнота. Даже звезд не видно. Это тучи закрыли от нас небо. Они ползут над нами, лохматые, зловещие. Тучи дышат холодком. Они, как тяжелые, перегруженные бомбардировщики, неторопливо скользят над океаном, как бы выискивая цель. Того и жди, что раскроются невидимые люки и на наши головы обрушатся многие тонны воды.

— Надо делать факелы, — предлагает Скачков.

— Да, — соглашается Валентин, опускаясь на банку. — Стась, развинчивай весла, Коля, режь одеяла. Быстрее, ребята.

Через несколько минут одно из одеял разодрано в длинные полосы. Корин наматывает их на палку; Скачков обливает ее соляром и поджигает. Чадно дымя, огонь жадно урчит, торопливо пожирает материю. Блики огня скачут по волнам, по лодке, по нашим встревоженным лицам. Бенке это очень нравится: и ракеты и факел. Он радостно кричит и в восторге кувыркается на брезенте.

Проходит час за часом. Горят наши одеяла, чадят дымным пламенем. Падают в воду обгоревшие лохмотья, вся лодка усыпана легкими хлопьями сажки. Мучительно хочется спать. Глаза слипаются, в висках остро и больно постукивают, звенят молоточки. Прыгает, скачет неяр-

кий огонь факелов по волнам, с надеждой вглядываемся мы в темноту, но нет, не видно нашего «Марлина». Кругом непроглядная ночь, тяжелые тучи над головой и пустынная вода.

— Все... кончились одеяла, — слышу как сквозь сон голос Корина. — Ха, задаст нам боцман! Придется денежки в бухгалтерию вносить.

— Спишут... — откликается хрипловатым баском Петр.

— Вместе с нами...

— Замолчите, Корин, — обрывает его Валентин. Когда он злится или нервничает, то даже с друзьями разговаривает на «вы». — Скачков, поливайте матрацы соляром. Свяжите их проволокой вместе.

— А как будем спать? — ворчит Стась.

Облитые соляркой, соломенные матрацы прыгают рядом на волнах. Скачков подносит к ним тлеющий факел, и солома вспыхивает ярким пламенем. Матрацы были очень хорошо просушены днем. Пламя с гудением вгрызлось в их нутро и подскочило к черному, низкому небу. Длинные красные искры, подхваченные ночным ветром, несутся над водой и падают в нее вдалеке от лодки и костра. Но недолго полыхает костер из наших матрацев, пламя сникает, хиреет: вода уже напитала нижние слои соломы. Снова становится темно.

Пошел ливень. Шумный и веселый, он впрыгивает в нашу лодку тысячами холодных струй, смывает сажу с ее бортов, с наших лиц и рук. Безропотно, как автоматы, мокрые и дрожащие от холода, выплескиваем воду за борт. Когда ливень умчался дальше, мы втроем, прижавшись друг к другу, забываемся под брезент. Валентин остоается дежурить. Под утро меня будит Корин:

— Вставай. Твоя вахта. Вот сигнальный факел, вот спички. Если увидишь огни — зажигай.

Холодно. Сырая рубаха липнет к телу. В одеяло бы закутаться, но одеяла нет: сожгли. Под брезентом крутится, кашляет Скачков. Наверно, простыл наш Петька. Пытаясь разогреться, я машу руками, приседаю. Но нет. Все так же холодно... черт, Африка называется. Ветер ровно дует в корму. Чтобы лодка не болталась, а шла ровно, Скачков соорудил еще с вечера плавучий якорь — с кормы опущен в воду канат с двумя пенопластовыми буйками. Обхватив себя руками и отбивая голыми ступ-

нями чечетку, я кручу головой, оглядываю горизонт. Нет, ничего не видно. Ни огонька, ни корабельного силуэта. Плохо наше дело. Сейчас мы находимся вдалеке от судоходных линий. Кругом настоящая водная пустыня. Где-то «Марлин»? Ищет. Но попробуй-ка найди. Видимость ни к черту: горизонт, стиснутый тучами и полосами ливней, близок. Две-три мили просматривается, не больше. Дело дрянь. Только бы на берегу ничего не узнали. Конечно, на берег начальству уже ушла радиограмма о случившемся. Но лишь бы слухи не распространились по институту... лишь бы не позвонили домой. Я перестаю подпрыгивать, сажусь на банку. Зажмутив глаза, представляю себе: наш дом, наша комната, вечер... Наташа сидит за столом, читает. На стене календарь. Вечером она зачеркивает каждый прошедший день. Там уже очень много крестиков. Поздно. Она смотрит на часы, вздыхает и берет карандаш: еще один день прошел. Еще один день... Вдруг звонок. Она снимает трубку телефона, слушает, карандаш падает на стол. Прошедший день остается не зачеркнутым. Нет, она ничего не должна знать. Ничего... Я вскакиваю. Всматриваюсь в горизонт... Нет, нет, конечно же, ну какому дураку взбрет в голову позвонить домой? Она ничего не должна знать. Я сам ей обо всем расскажу. Когда вернусь. Сам. И никто другой...

Светлеет. Тучи неохотно расползаются, между ними яркими полыннями розовеет небо. Чуть потеплело. А может, просто рубашка просохла на ветерке. Нет, потеплело. Солнца еще не видно, но уже ощущается его горячее дыхание.

Прилетели две птицы олуши. Живут в океане такие птицы из отряда альбатросов. Обе ослепительно белые, с черными концами крыльев. Прилетели, покружились над «Корифеной», попытались сесть на пенопластовый буюк, но не получилось. Их перепончатые лапы все время соскальзывали с буйка, и птицы с сердитыми криками падали в воду. Обидевшись, они улетели прочь. Наверно, искать косяки сардины или анчоуса. Нам часто приходилось видеть, как они ловят рыб — прямо с высоты пикируют в воду. Почти без всплеска вонзаются птицы в волны и хватают зазевавшуюся рыбку. А потом долго сидят на воде, поправляя массивными, желтыми клювами перья на груди и крыльях.

Вот и акула. Вдоль самого борта проскользнула ее темная длинная тень. Эта, пожалуй, побольше, чем та, что преследовала нас вчера. Акулы очень терпеливы и настойчивы. Они неделями сопровождают суда, подбирая из воды все, что падает с судна: остатки еды, бумаги, тряпки. В середине рейса с кормы сдуло ветром Венино полотенце. А спустя трое суток я обнаружил его в животе пойманной акулы. Веня постирал его, потому что боцман отказался выдать новое, мотивируя, что Венька, мол, разбазаривает казенное имущество. И Веня до сих пор утирается злополучным полотенцем, от которого, как его ни стирай, исходит кисловатый акулий запах.

Акула. Уже проснулась. Рыщет. Или вообще не спала? Плыла за нами в темноте? Все что-то ждет. Проплыв вдоль лодки, акула разворачивается и опять подходит к «Корифене» с кормы.

Время... Сколько там? Пора будить Скачкова. Его вахта.

Петр просыпается сразу, лишь только я касаюсь рукой его плеча. Уж такая привычка — проснуться сразу. Петр — помощник капитана, штурман. Он несет на «Марлине» ежесуточную вахту: четыре часа днем, четыре ночью. И поэтому привык легко и быстро стряхивать с себя сон.

— Как там? — спрашивает он, растирая лицо ладонями.

— Все так же, Петя. Пусто. Тихо. Небо чистое, опять будет зной...

Теперь и мне можно лечь поспать. Но я не тороплюсь. Сейчас посижу десяток минут вместе с Петром, а потом прикорну к широкой спине Корина. Поговорю немного с Петром. Он мне нравится. Даже не знаю чем. Может, своей немногословностью, серьезным отношением ко всему, чем бы ни занимался. Может, тем, что в свои двадцать семь лет исколесил чуть ли не всю Атлантику и побывал во многих странах мира. Петр прилично знает английский язык, и мне нравится, как он после вахты, обойдя судно и убедившись, что все в порядке, не валится на койку в своей каюте. Он забирается в тень, где-нибудь под спасательными шлюпками и сосредоточенно вчитывается в страницы учебника: зубрит английский. Мне нравится, что он коллек-

ционирует марки. Причем не всякие разные, а лишь те, на которых изображены животные, птицы, рыбы. Петр любит природу. А это очень важно в человеке — любовь к природе.

...Солнце над самой головой. Полдень. Океан розовеет пятнами отражающихся в нем туч. Из брезента мы сделали над лодкой тент, растянув его к бортам веревками. В его густой, но душной тени проводим совещание.

— По-видимому, на «Марлине» опять насос полетел. Петя, ты штурман. Ты лучше всех должен ориентироваться в открытом океане. Где мы? — Валентин расстилает карту.

Скачков снял с кормовой банки небольшой шлюпочный компас и опустил на карту.

— Значит, так... «Марлин» оставил нас восемнадцатого декабря вот в этой точке. Примерно в ста десяти милях от африканского побережья. С того момента, как мы, удирая от смерча, перерезали якорный канат и до сегодняшнего полудня ветер, господствующий в данное время года, в данном районе, а также течение несут нас вдоль побережья Гвинейского залива.

— Даю справку по течениям. Поверхностным... — Валя рисует на листке бумаги «розу ветров». — Здесь действует постоянное поверхностное течение. Оно начинается вот тут, у мыса Пальмас, и является продолжением Экваториального противотечения и небольшой ветви Канарского течения. Следует вдоль северного берега залива со скоростью до полутора узлов...

— Значит, за прошедшие часы дрейфа ветер и течение отнесли нас примерно на... — Скачков хмурит лоб, считает, — шестьдесят — семьдесят миль от места суточной станции.

— Да. Теперь вот что. Направление течения от норд-оста через ост на зюйд-ост. Это значит, что пока нас волочет вдоль берега. Но потом потянет в открытый океан.

— Значит...

— Подождите, Скачков. Значит, если через трое-четверо суток нас не подберет «Марлин»... больше ведь не на кого рассчитывать: японцы ловят рыбу в самой южной части залива, а здесь пустыня... да, так вот, если

нас в этот отрезок времени «Марлин» не разыщет, нам нужно направляться к берегу.

— Ура, — кричит Корин, — в Африку... в джунгли!..

— Иначе нас унесет в открытый океан. А это плохо. Помните челн из красного дерева? А?

Челн? Его мы выловили из океана в двух сотнях миль от Либерии — узкий и длинный челн, вырубленный из целого ствола красного дерева. Был абсолютный штиль. Солнце пекло вовсю. Вдруг кто-то крикнул: «Лодка! Лодка!» Челн с силуэтом рыбы на высоком вздернутом носу. Чьи-то сильные, ловкие и очень терпеливые руки свалили в джунглях дерево, сплывили его по реке к океану, выдолбили лодку и тщательно отшлифовали ее. Потом вырезали на носу силуэт тропической рыбы и вместо глаза на счастье прибили серебряную монету... Чьи-то руки. Может, того парня, что скорчившись лежал на дне лодки? Как видно, много дней подряд сушило человеческий труп солнце. А рядом, в лодке, порванные рыболовные снасти, сломанное весло, пустая тыква, в которой, наверно, была вода...

— Насчет воды опасений нет. Ливни все время, — говорит Корин.

— А с продуктами? Николай, встряхивай мешок. Что там осталось?

Рядом с компасом я кладу буханку хлеба, две банки сгущенного молока и одну начатую свиной тушенки, полкруга колбасы.

— Все?

— Апельсины еще есть. Штук двадцать. Да половинка ананаса.

— Это для Бенки. М-да. Не жирно.

— Зато настоящее приключение, — говорит Станислав.

— Боюсь, что приключений впереди слишком много. Итак, Корину обеспечить добычу рыбы и планктона.

— Есть, мой «адмирал». Рыба будет.

— Леднев, тебе поручается выдача продуктов. А ты, Петр, просмотри двигатель. Чтобы заводился с пол-оборота. Как там с горючим?

— Часов на двадцать хода. Вчера много пожгли.

— Ясно. Теперь последнее. Вахта четырехчасовая. Требую беспрекословного подчинения и дисциплины.

Команда, кроме вахтенного, может быть свободна. Коля, приготовь обед.

Взяв бечевку, я тщательно измерил буханку. Вдоль и поперек. Начнем, пожалуй, с горбушек. Отрезав с двух сторон буханки по горбушке, я разделяю каждую пополам и мажу их свиной тушенкой. Колбаса пускай пока лежит. Как неприкосновенный запас.

Сложив ладони рупором, Скачков произносит:

— Команде обедать!..

Команда молча рассаживается на брезенте, и я выдаю каждому по горбушке. Бен получает апельсин и ложку гущенного молока.

Обед проходит скучно. Валентин угрюмо размышляет о чем-то; Скачков зябко вздрагивает: простыл в минувшую ночь. Лишь Корин бодрится и преувеличенно бодрым голосом рассказывает нам анекдот. Анекдот веселый, но по окончании его смеется лишь сам рассказчик.

Проглотив свою горбушку, я собираю упавшие на колени крошки и, взбадривая команду, говорю:

— Это ничего, ребята. Вот я был в блокаде Ленинграда, так нам на весь день давали сто двадцать пять граммов хлеба. И больше ничего.

— Тебе хорошо, — уныло откликается Скачков, — ты натренирован. А как быть, предположим, мне?

— Ха, Петя! За счет личных накоплений, — Корин хлопает его по спине, — недельки полторы протянешь. А кроме того, помнишь, ты ведь тоже мечтал повторить подвиг Бомбара...

— Я передумал. Мне не хочется никаких подвигов...

— Может, манной каши хочешь? На молочке?

— Хочу...

— А к мамочке?

— Тоже хочу. А ты чего ерепенишься? Ты ведь весь рейс болтал, что оказаться в море без продуктов ерунда.

— Я и сейчас это заявляю. Черт возьми, парни, если Бомбар смог переплыть океан в резиновой шлюпочке, то неужели мы, русские моряки, не доберемся до Африки?

Чувствуется, что Корину не столько хочется попасть в каюту «Марлина», сколько на пустынный африканский берег, в джунгли, подступившие к самой воде. Что греха таить, и я не раз мечтал очутиться в каких-нибудь

необычных условиях, жаждал приключений. Собственно говоря, лишь поэтому я и ухожу далеко и надолго от родных берегов; лишь оттого теплоход стал моим вторым домом, а жена ходит на каток одна и зачеркивает по вечерам дни в стенном календаре. Но сейчас у меня очень тревожно на душе. Только бы дома ничего не знали.

— Ну что ж, ребята. За работу. Вахтенному глаз с горизонта не спускать, — распоряжается Валентин и начинает упаковывать ненужную теперь вертушку.

— Подумаем о пропитании, — говорит мне Корин, — с чего начнем?

— Пошевели, Коля, мозгами, — просит, подняв голову от мотора, Скачков, — придумай что-нибудь повкуснее.

Легко сказать «повкуснее». Посадив Бенку на колени, я щекочу ему живот — это он уж очень любит — и гляжу в воду. Океан... вот он, колышится вокруг нас. Океан... колыбель жизни. Миллиарды лет назад родилась в океанских водах жизнь на нашей планете. Из него выползли на сушу первые пресмыкающиеся. У океана всегда можно было прокормиться, к нему всегда стремились люди, а потом, соорудив лодки, уходили в его просторы добывать себе пищу. Конечно же, и нас он прокормит.

— Послушай, — тихо замечает Корин, — пока эта пакостина шныряет возле «Корифены», мы ни одной рыбешки не поймаем.

Он кивает головой в сторону акульего плавника. Да, пока акула здесь, на сотню-две метров от лодки никаких рыб не будет. Да если и попадется что на крючок — сожрет.

— Что же делать?

— Как-то отогнать...

— Но как? Она у себя дома.

— Попробуем поймать и прикончить. Помнишь фильм «Богатырь идет в Марто»? Там акуленцию на консервную банку выудили.

— Давай.

Смотав с вьюшки метров пятьдесят троса, мы прикручиваем к его концу пустую банку из-под сгущенного молока, и я обмазываю ее тонким слоем жира от свиной тушенки.

— Мажь потолще, — советует Корин, — чтобы сразу унюхала.

— Ух как вкусно пахнет! — волнуется на корме Скачков, втягивая в себя воздух. — Тушеночка!

— Ну, раз Петр от кормы учуял, значит, достаточно, — говорю я, — швыряй в воду.

Всплеснув воду, банка падает в океан и быстро погружается. Акула направляется к ней, но потом вновь показывается у поверхности воды. Нет, так дело не пойдет. Акула не будет нырять в глубину: они всегда шныряют у поверхности. Глубины боятся.

— Корин, режь буюк пополам.

Стась кивает головой и вытаскивает из-под брезента запасной буюк. Сухо треснув, пенопластовая плашка разваливается на две половинки. Буюк привязываем метрах в двух от конца троса и снова вытравливаем его в воду. Акула направляется к банке. Мы застываем на корме. Ждем.

— Только не торопиться, парни. Надо, чтобы она как следует заглотила банку. До самого желудка, — шепчет Корин.

В прозрачной воде видно, как сначала к банке подплывают две юркие полосатые рыбки — лоцманы. Они всегда плавают с акулами как разведчики, разыскивают добычу для своей хозяйки. Лоцманы подскакивают к банке, крутятся возле; один склевывает какую-то крошку с ее блестящего бока, заглядывает внутрь и бросается с докладом к акуле. Та плывет метрах в двух позади банки, неторопливая, спокойная.

— Сейчас она ее хап! — торопит события Корин. — И мы ее...

Акула чуть шевельнула хвостовым плавником, и ее тело стремительно рванулось вперед. Около самой банки она распахивает свою белую пасть и... и вновь закрывает. Банка колеблется, мельтешит перед самым акульим носом, но акула не глотает ее. Кажется, что она обнюхивает банку, как будто внимательно рассматривает, обдумывает: глотать или нет?

— Ну, глотай же! — Корин стучит ладонью по туго натянутому тросу и банка прыгает, кружится в воде, как живая. Акула чуть отстает, потом снова рвется вперед и поддает банку головой снизу так, что банка на

полметра подскакивает вверх. Банка опускается вниз, и акула еще раз поддает ее своим острым рылом.

— Играет, подлюга. Есть нам время играть! — нервничает Корин. — Глотай ее! Жри! Ну?

Нет. Акула не хочет глотать банку. Черта с два! Может, она уже глотала такие железяки и теперь страдает несварением желудка? Все может быть... Поднырнув под нашу приманку, она догоняет «Корифену» и смотрит на нас из воды. Мне даже показалось, что она подмигнула. Дескать, дурочку хотели найти? Нет, не выйдет.

— А в кино проглотила. Хап — и готово, — разочарованно говорит Корин. — Что ж делать?

— Попробуем сначала наловить планктончика. А там видно будет, — предлагаю я. — Петя, ты любишь планктон?

— Зоо?.. Или фито?.. — скучным голосом уточняет Петя.

— Конечно, зоопланктон. Знаешь, таких букашек, рачков. Сейчас мы их наловим сеткой. Хорошо, что я ее положил в лодку.

— Давай лови побыстрее. Попробуем, как он на вкус. Уж очень есть хочется. Я всегда на судне по две порции супа ел. Организм требует.

Отмотав от троса банку, я размахиваюсь и швыряю ее в волны. Косой плавник метнулся к ней, белая пасть раскрылась и... банка исчезает в акульем животе.

— Ну ты подумай, — стучает кулаком в ладонь Корин, — хап и готово! Обманула нас.

— Чтоб она подавилась... — сплевывает в воду Скачков. — Коля, чего ты копаешься? Давай свой сачок!

Никогда я, наверно, так внимательно и придирчиво не рассматривал перед спуском в воду ихтиопланктонную сетку — трехметровый сачок из тончайшей шелковой сети, одетый на металлическое кольцо. В самом низу сети-сачка специальный стальной стакан. В нем собирается улов — отцеженный из воды океана планктон, мельчайшие живые организмы, населяющие толщу воды. Десятки раз вместе с Веней Огневым в этой и прошлых экспедициях приходилось делать мне планктонные станции. Еще позавчера штопал, чинил эту сетку на борту «Марлина». А вот сегодня нужно наловить

планктон, но не для того, чтобы привезти его пробы в баночках на берег, в институт, а для еды.

Прикрепив сеть к тросу, мы с Кориным осторожно опускаем сачок в воду. Сначала сетка ныряет в глубину, а потом, расправившись в конус, чуть всплывает и тянется за лодкой: здесь, на поверхности, течение более сильное, чем на глубине в несколько десятков метров.

— Ловись, планктон, большой и маленький! — восклицает Корин. — Говорят, что Бомбар так привык к планктону, что питался им и на суше. Ха, проживем, парни!

Скачков достает из ведра миску, ложки, моет их. Потом рядом с миской кладет коробочку с солью и, скрестив на груди руки, смотрит в воду, где белеет колеблющийся конус.

— Потерпи, Петя, — говорю я ему, — пробуксируем с часик-полтора. Чтобы побольше поймать.

— Знаете, ребята, а я пока совсем есть не хочу. — Корин сидит на носу «Корифены», осматривает горизонт. — Сам просто удивляюсь: еле-еле корку с тушеной сжевал.

Горбушку, я видел, Стась проглотил за один глоток. И по-моему, не жуя. Мне хочется сказать об этом, но молчу. Наверно, человек просто внушает себе, что он сыт. И ни к чему его переубеждать. Неужели нам действительно придется питаться планктоном? Б-рр, я уже не хочу быть Бомбаром. Я хочу на «Марлин». Мне хочется побыстрее домой, на берег. В наш уютный, заснеженный сейчас город. Чтобы по вечерам ходить с Наташей на каток. Чтобы играла музыка, розовели прихваченные морозом ее щеки, чтобы она учила меня ездить «спинкой вперед»... и я бы чувствовал в своей руке ее крепкую ладонь. Я устал от приключений: рейс был длинным, сложным. Мы побывали с Сенегале, Гвинее, Гане. Видели джунгли, крокодилов и сбивали камнями кокосовые орехи. Пили кокосовое молоко. Хватит экзотики. Хочу на «Марлин». На берег. Домой...

— Алло, Коля! Пора...

Да, пожалуй, пора. Скачков берет в руки миску, а мы с Кориным и Валентином тянем трос. Сачок упирается, неохотно выползает из воды. От него остро пахнет морем. Вот и стакан. Все склонились над ним. Я от-

кидываю защелки и вытряхиваю в миску улов — желто-розовую шевелящуюся массу.

— Занятный мирок, не правда ли, ребята? — говорю я. — Посмотрите, вот это рыбки мальки. Наверно, летучих рыбок. А вот креветочки, крабики, медузки...

— Пахнут рачки-медузки отвратительно, — перебивает меня Валентин. — Нет, ребята. Вы как хотите, но я до судовой кают-компания терпеть буду.

Я ставлю миску на банку. Стась и Петр с задумчивым видом сидят с ложками около нее.

— Вы знаете, ребята, — продолжаю я. — Хейердал считает, что по вкусу планктон напоминает то рака омара, то креветок и даже черную икру.

— Черную икру, говоришь? — Скачков, поморщившись, берет живую «кашку» своей ложкой и задумчиво поднимает на уровень глаз. Потом нюхает: — Фу, черт... какая гадость!

— Ладно, не привередничай... Начинайте, ребята.

— Ха, а ты?

— И я тоже. Потом. За вами.

— Нет уж дудки. Все вместе. А то ты как чеховский дедушка. Помните? В одном из его рассказов, когда покупали рыбу, то сначала давали попробовать дедушке. Если он оставался жив, то ели все. Ну-ка давай твою ложечку... так. Пополнее. Посоли немножко.

— Плохая память у тебя, Корин. Забыл, как на «Марлине» канючил: «Дайте попробовать планктончика. Как Бомбар хочу». А?

Корин действительно не раз пытался попробовать планктон из наших научных сборов. Он не отвечает, пододвигает мне коробку с солью. Я посыпаю немного соли в ложку. Вся живность в ней отчаянно копошится.

— Да, вот что я еще вспомнил: в Китае и Японии планктон уже добывают специально для пищи. Сушат на солнце, а потом из него готовят суп и разные другие кушанья. Даже начинку для пирогов делают. Планктон, ребята, очень питателен. В нем содержится до шестидесяти процентов жира. И американцы...

— Убедил! — прерывает меня Корин. — А ну, парни, раз-два... хоп!

Хоп! Я втискиваю ложку в рот и, зажмурив глаза, делаю большой глоток. По гортани и небу словно кипятком окатило. Это, наверно, от медузок. Они во-

оружены мельчайшими стрекательными клетками, и те клетки стреляют невидимыми глазам стрелами. Ощущение — словно водоросль пожевал, скользкую и раскисшую.

— Ничего, пойдет, — Скачков сморкается за борт, в сторону акульего плавника, и подцепляет еще одну ложку, — превосходная живая кашка. Только слишком поперченная. Во рту пожар.

— А я наелся. Ты, Коля, тоже? — Стась пододвигает миску к Скачкову: — Ешь, Петя, поправляйся. Придешь на пароход толстеньким.

В желудке нехорошо. Наверно, рачки и крабики еще бегают, суется там, а медузки обстреливают мой бедный желудок залпами своих стрекательных клеток. Я вытираю пот с лица. Жарко. И как-то мутрно.

Солнце клонится к вечеру. Горизонт также пустынен. Тяжелые тучи ползут над заливом, отражаясь своими пухлыми телесами в почти спокойной воде. Голубая пустыня, голубое небо и солнце. Иногда оно прячется за тучи, и сразу становится прохладнее. Вечно сощуренные глаза раскрываются шире, отдыхают. Океан, небо и мы. Кругом пустыня. Даже чаек не видно. Да и что им делать возле нашей лодки? Самим бы хоть как-нибудь прокормиться. Нет, не видно чаек. Голодные, они носятся, наверно, сейчас за «Марлином» и недоумевают: почему же не отдается трал? Ах, «Марлин», «Марлин», где же ты? Ищешь ли нас, или опять механики ковыряются в масляном чреве уснувшего двигателя?

— Корифены! — От Валиного голоса я вздрагиваю: — Ребята, корифены!

Мы все разом поворачиваем головы к левому борту. Там, громко всплеснув, из воды выскакивает сплюснутая с боков тупорылая ярко-золотистая рыбина. Сверкнув своей до блеска начищенной чешуей, она падает в волны, и тотчас из океана выпрыгивает с дождевым шорохом стайка летучих рыбок.словно большущие стрекозы, они проносятся над водой. А в прозрачной воде спешат мимо лодки золотистые рыбы. Акула лениво поплыла в их сторону, но корифены стремительно метнулись в глубину и, пронырнув под килем лодки, показали около ее правого борта. Заметив что-то, тройка рыб резко развернулась и умчалась прочь. А на их месте вновь показывается акула.

— Еще стайка! — сообщает с кормы Скачков. — Догоняют!

Корин торопливо копается в металлической банке с блеснами. Свистнуло удилище, блесна мелькает в воздухе и почти без всплеска падает в воду. Чуть подождав, Стась начинает крутить катушку. Одна из рыб бросается к блесне, но из-под лодки темным неповоротливым бревном показывается акула, и корифена испуганно отплывает. Еще бросок... теперь в другую сторону. Там тоже мелькают желтыми тенями рыбы тела... тоже корифены. Они отлично берут на спиннинг. Сколько раз после тралений Корин ловил для камбуза золотистых макрелей. Так еще называются эти рыбы. В трал они никогда не попадают, потому что вечно обитают в верхних слоях океана, но на блесну ловятся превосходно. У корифен очень вкусное мясо, и Корин часто получал заказ на пяток рыбин от кока. Но эта чертова акула. Она опять здесь! А корифены... они же не будут ждать! Унесутся дальше.

— Уберите акулу! — кричит Корин.

Скачков пожал плечами и икнул. После планктона он почему-то стал икать. А может, его вспоминают дома.

— Валя, кинь что-нибудь акуле с левого борта! — Корин размахивается удилищем, и блесна, тоненько просвистев в воздухе, шлепается в волны справа от лодки.

Валентин достает лист бумаги, комкает его и бросает в сторону акульего плавника. Акула заинтересовалась бумажкой, чуть отстает от лодки, и в это мгновение Корин резко подсекает. Острый крючок вонзился в рыбу небо, от боли она выскакивает из воды, звонко шлепнувшись боком, падает обратно и, натягивая леску, исчезает в глубине.

— Страви леску! — обеспокоенно восклицает Валентин. — Порвет! Лопнет!

— Не порвет... не лопнет, — возражает Корин, но все же немного стравливает с катушки леску. Свесившись с Петром за борт, мы видим, как корифена носится, рвется из стороны в сторону. Вот Корин наматывает на катушку леску, и рыба свечой мчится вверх. Прыжок... всплеск — и снова вглубь.

— Смотри. — Скачков толкает меня локтем в бок. Я наклоняюсь ближе к воде: вниз, в фиолетовой

глубине, направляясь к корифене, скользит темная тень.

— Стась, выбирай быстрее: акула!

Корин, откинувшись спиной назад и уперев рукоятку удилища в бедро, наматывает леску на катушку. Волосы упали ему на лоб, мокрыми прядками прилипли к коже, губы оттопырились, показывая судорожно стиснутые зубы. Еще немного, еще.

— Быстрее, черт! — кричит Скачков, от нетерпения притопывая пятками. — Сожрет ведь!

— Сам ты черт! — откликается Стась. Мышцы на его руках вспухли буграми, суставы пальцев от напряжения побелели.

— Кыш! Куда ты! — Скачков хватает большой разводной ключ и бьет им по металлическому борту лодки. Но акула даже внимания на него не обращает. Мы видим, как обеспокоенная корифена метнулась еще раз, еще, и страшные зубы перехватили ее пополам. В следующее мгновение акульи челюсти вновь сомкнулись, отбрав остаток кровоточащего рыбьего туловища по самые жабры. Голова корифены выскочила из воды; Корин не удержался на ногах и грохнулся в лодку, ударившись спиной о борт.

Голова корифены. Вот и все, что нам достается. Она еще жива: жабры судорожно приподнимаются. Ярко-янтарные рыбы глаза стекленеют; в них, только что наполненных ужасом, отражаются тучи, проплывающие над лодкой.

— М-да, — разочарованно тянет Корин, — история.

— От акулы надо избавиться. Как-то ее нужно отогнать. Или вообще казнить.

— Легко сказать. Ну, крючки у меня крупные есть. Можно ее, конечно, поймать. А что дальше? В ней центнера полтора весу. Помните, всей палубной командой таких рыбок на борт вытаскивали, и то они нам концерты устраивали. Да она нашу лодку перевернет.

— Предложение есть, — говорит Петя Скачков, — ее следует замучить.

— Как это замучить?

— Значит так: попадется на крючок и пускай там бултыхается. Пока не подохнет.

— Чушь ты несешь, Петр. — Корин даже сплюнул. — Это такая живучая тварина! На горячей палубе по пол-

часа хвостом колотит. А помните, пузо вспороли и кинули в воду. Так она плавает хоть бы хны, а кишки в воде, как тряпки, болтаются. Тьфу... А ты говоришь «замучить». Она нас всех замучает, а не мы ее.

— И все же надо попробовать. В крайнем случае трос обрубим. Черт с ним. Лишь бы от акулы избавиться, — говорит Валька. — Корин, готовь снасть. Завтра утром с ней расправимся. Коля, опускай свою сетку.

...Вечер проходит в мрачной тишине. Сразу с наступлением темноты «Корифену» настиг небольшой ливень. Вычерпав воду из лодки, садимся ужинать. В сетку за несколько часов буксировки набилось с литровую банку планктона. Когда вытряхиваем улов в миску, живая масса вспыхивает холодным голубым светом. Кажется, что в сетку попали не мельчайшие животные океана, а груды драгоценных камней, переливающихся всеми оттенками синего цвета — от ярко-голубого до густо-фиолетового.

— Это перидиней, ракушковые рачки и ночесветки, — говорю я, — возбуждаясь, они начинают светиться. Мельчайшие существа как бы горят с ничтожным выделением тепла. Интересно, правда?..

Все молчат. Скачков, вздохнув, подцепляет планктон ложкой и отправляет ночесветок, перидиней и ракушковых рачков в рот.

— Ух, печет! — шепчет он и, открыв рот, шумно вдыхает в себя воздух. Во рту у него, как у фокусника, полыхает голубой огонь.

Мне еще хотелось сказать о том, что живой свет в организмах возникает при наличии особых веществ — белка люциферина и фермента люциферазы.

— Ребята, — начинаю я, — ну что вы все такие кислые? Хотите, я вам расскажу про те процессы, которые происходят в...

— Заткнитесь, Леднев, — обрывает меня Валентин, — берите ложку и ешьте планктон. Он очень питателен. А вам, как и всем, кто здесь присутствует, надо питаться. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас отдал концы.

И я стал есть планктон. Жмурился, давился, стонал, но ел. Ведь Валентин прав: нужно питаться. Иначе будет плохо. Черт знает, сколько нам еще вот так болтаться в заливе. А до берега не дотерпишь. До берега

еще далеко. И не известно, когда мы будем на палубе судна. Если только «Марлин» разыщет нас в ближайшие трое-четверо суток.

Тихо и грустно было в этот вечер на «Корифене». К тому же и Бенка напакостил: пока мы мужественно опустошали миску, наполненную голубым светом, Бенка забрался под брезент и распотрошил Валин «Казбек». Почти полную коробку папирос. Бенка отрывал у каждой из папирос мундштук, раздирал тонкую бумажку и табак высыпал. Валентин только зубами скрипнул, когда увидел пустую коробку. Я думал, что он отколотит незадачливую обезьянку, но «адмирал» сдержался: махнул только рукой, проворчал что-то такое морское, соленое и лег спать. Рядом с ним устроился я с нашкодившим Бенкой, а с другой стороны — Корин.

На небе, между тучами, безучастные и равнодушные ко всему дрожали звезды. На корме чернел силуэт и то разгорался, то гас красный огонек. Это, не выпускаемая из зубов своей трубки с остроносой физиономией Мефистофеля, нес вахту Петр Скачков. Устроившись поудобнее, я закрыл глаза.

Пошла третья ночь нашего необычного путешествия.

Г Л А В А

III

Одни в океане.— Путешествие продолжается.— Второе совещание в неизвестной точке Гвинейского залива.— Редкостная добыча.— Ухожу под воду.— Рыба-сабля избегает знакомства.— Опасные «беззубки». — Рискованная встреча

— Команде встать! С добрым утром, товарищи!

Лодка не шелохнется: абсолютный штиль. На корме сидит Скачков; разломанный пополам козырек его фуражки надвинут на лоб. Петр осматривает горизонт и выколачивает о край лодки свою трубку. Сейчас он позавтракает и завалится спать. А на вахту встанет Стась Корин. Моя вахта самая плохая: ночью, когда особенно хочется спать, — с нуля часов до четырех утра и днем в самый зной — с двенадцати дня до шестнадцати вечера. Но что поделаешь: тянули жребий. Мне всегда не везет со жребием. Как правило, я вытягиваю поломанную спичку.

— Как там, Петя? — спрашиваю я, массируя шею: без подушки так неудобно спать!

— Уже три часа сетку тащу. Наверно, полная миска будет.

— Нет, я не об этом. Как горизонт?

— Горизонт? Ни огонька, ни силуэта. Чисто.

— Коля, не хандри, готовь завтрак.— Валентин поднимается, делает несколько приседаний, поворотов. Может, и мне сделать зарядку? Нет, не стоит. Лень. Хочется спать: после ночной вахты голова тяжелая, шея болит.

Корин, растерев ладонями припухшее за ночь лицо, сидит на банке, рассматривает свои сокровища: блесну, грузила, карабинчики. Валя вглядывается в карту, постукивает пальцем по колену, размышляет. Он от вахты освобожден. Уж так в море принято: капитан вахту не

несет. Ему надо думать, заботиться о нас. И поэтому мы не дали ему спичку, когда тянули жребий. Морская традиция не должна нарушаться даже в нашей лодке.

— Коля, ну тебя к черту... вставай.— Скачков потягивается, зевает: — Делай завтрак.

— Сейчас, Петя. Вытаскивай сетку.

Из хлорвинилового мешка я достаю продукты: полбуханки хлеба, банку сгущенного молока, почти пустую банку из-под тушенки. И еще всем по апельсину. Десять штук плодов я отложил для Бенки. Десять съедем мы. Так... где моя мерная нитка? Вот она, крепкая, суровая нитка. Она разрезает хлеб почти без крошек. Тушенки хватает лишь, чтобы помазать тонким слоем кусочки хлеба.

Когда я готовлю завтрак, корифенцы оставляют свои дела. Валентин поднимает голову от карты и смотрит, как я кладу каждому в кружку по ложке сгущенного молока. Корин забывает про свои блесны и крючки, Скачков шумно втягивает запах пищи и блаженно жмурится.

— Все, ребята... разбирай.

Когда я подношу хлеб ко рту, Бенка бесцеремонно снимает с него кусочек мясной тушенки и отправляет в рот. Потом забирается пальцем в мою кружку и выуживает оттуда сгущенное молоко.

— Я же тебе дал облизать ложку, — стыжу я его, но Бенка еще раз сует палец в кружку и, чмокая, обсасывает его.

Потом мы едим планктон. На этот раз я его промыл пресной водой и тщательно очистил от медузок. Солим, едим. Вроде бы ничего. По крайней мере не так страшно, как в первый раз.

Петька хитрит. Он держит кусок хлеба перед своим носом, нюхает его и глотает планктон ложку за ложкой. Труднее всех, пожалуй, привыкает к новому виду пищи Валентин. После каждой ложки он мучительно морщится, качает головой, закрывает лицо ладонью. Немного отдышавшись, вытирает лоб, и снова его ложка звякает в миске.

После завтрака курим Петькину трубку. У него целая коробка табака «Золотое руно». Остроносый Мефистофель сверкает красными глазами и тоже заглядывает в карту, разостланную на рыбных лодках.

— Конечно, у них там насос полетел. Это точно. Штурман, как вы считаете, нас ищет «Марлин»? — Валентин положил на карту карандаш, посмотрел на Скачкова.

— Значит, так. Точка, где нас оставили, на судне хорошо известна. Капитану также хорошо известно и направление поверхностных течений Гвинейского залива. Значит, капитан примерно знает направление нашего дрейфа. Ищут нас, по-видимому, галсами, пересекая все время предполагаемый путь «Корифены». Значит, в принципе обнаружить нас очень несложно.

— Ха! В принципе! А помните Ресифи? «Санта Марию»? А? Ну-ка, Коля, расскажи попавшим в бедствие корифенцам, как американцы разыскивали громадный океанский лайнер. Ты ведь это лучше всех знаешь...

Да, пожалуй, я об этом знаю лучше всех. В прошлом году, когда мы искали рыбу у берегов Бразилии и заходили в порт Ресифи, мне повезло познакомиться с одним из участников знаменитого рейса на португальском лайнере «Санта Мария», захваченном португальскими революционерами.

Я представляю себе жаркий бразильский день, вспоминаю душную каюту, бутылку рома, липкие стаканы и потное раскрасневшееся лицо смуглого, с черными усиками собеседника. Он не морщась пил, курил ядовитую сигару и хрипловатым голосом рассказывал, как во время ночного бала двадцать четыре португальских революционера собрались в каюте Энрико Гальвао. Как переоделись в специальную форму, взяли в руки короткие автоматы и вышли на бурлящие весельем палубы лайнера. Как ворвались они в ходовую рубку, как сам Гальвао приставил пистолет к виску радиста... Их было двадцать четыре, и это было нелегко сделать — пленить полторы тысячи человек. А потом с острова Пуэрто-Рико помчались за ними вдогонку два американских эсминца и вылетели самолеты.

— Они четверо суток искали громадный корабль. Четверо суток, ребята...

— Но ты не говоришь, что он все время менял курс!.. С нами-то ведь проще. Мы ведь не мотаемся из стороны в сторону, — заметил Валентин.

— Ха! А кто его знает? Может, течение тащит нас то вправо, то влево? Это его главная струя идет вдоль

побережья. А ветви течения? А? Да, может, «Марлин» ищет нас у побережья, а нас волочит в центр залива... а оттуда в открытый океан. Через месяц-другой выйдем на берег, скажем: «Здрасте, друзья-африканцы...» А нам в ответ: «...приветик! Только здесь Аргентина...»

— Ну хорошо. Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю идти к берегу. Сотню миль мы проскочим за пару суток,— Корин хлопнул ладонью по карте,— а там доберемся до какого-нибудь центра, свяжемся с судном по радио. А ты как считаешь, Коля?

— Если день-два постоят такие, как сегодня, то нас определенно найдут: видимость отличная.

— Отличная! — Корин вскочил, скинул с себя рубашку: — На! Хоть выжми! Да за два таких дня солнце нас в пережаренную картошку спечет! От жары нас тучи да ливни спасали. Ха, двое суток...

— Перетерпим. Но если за эти двое суток ничего не изменится, нужно к берегу.

— А если камни? Рифы? Разобьемся к черту. Потонем... да и акулы могут в воде погрызть.— Валентин свернул карту. Задумался.

Все надолго замолчали. Скачков выколотил трубку, упрятал ее и лег на брезент. Бенка схватил его фуражку, надел на себя. Потом присел и весь спрятался под фуражкой.

— Ну что ж, ребята. Первое решение остается в силе: на пятые сутки поворачиваем к берегу. Будем надеяться, что мы уже будем на судне. Корин, делайте крючки. Акулы нет, может, что и клюнет...— закрыл сощелкивание Валентин.

...Солнце быстро карабкалось по небосводу вверх к своей излюбленной точке — к зениту. Оттуда так удобно обстреливать весь мир своими лучами. Они бьют без промаха, эти невидимые огненные стрелы. Все живое в тропиках затаивается. Забиваются в густую листву птицы, всякая мелкая живность; прячутся в норы змеи, по уши в воду забираются буйволы, слоны. А нам некуда деться, негде спрятаться от солнечных лучей. На судне можно взбежать на верхний мостик, там натянут тент и легкий морской ветерок обдувает перегретое тело. Там можно сполоснуться под душем, а потом за-

вернуться в мокрую простыню перед хрипло рычащим вентилятором. На «Корифене» нет ни верхнего мостика, ни душа, ни вентилятора. Мы натянули над лодкой брезент, но под ним еще хуже, чем на открытом воздухе.

Солнце карабкается, лезет вверх и жадно ощупывает нашу кожу своими лучами: ну-ка, какова она? Выдержит ли? Струйки пота текут по лицам, оседают солью во впадинах под губами, на шее. Ничего себе зима! Дома под окном синеют снежные сугробы, мороз щиплет ребячьи носы, мороз с хрустом бродит по родному городу, студит речки, озера и оставляет на оконных стеклах свои лапчатые, диковинные следы. А здесь... я облизываю сухие губы, здесь весь залив усыпан колючими, солнечными брызгами. От них слезятся глаза, распухают веки, ломит в висках. Горячий воздух не освежает легкие, от него саднит в груди, першит в горле.

Корин взял кружку, потянулся к анкеру с водой.

— Положи, Стась, — остановил его Валентин, — воды мало... Давай-ка за работу. А то превратим «Корифену» в плавучий курорт. Солнце, морской воздух...

— Стась, голубчик, — послышался из-под брезента сонный голос Скачкова, — поймай что-нибудь. Надоел планктон.

Корин бросил кружку, взялся за спиннинг. Встал, крепче уперся ногами в рыбинсы, размахнулся. Металлическая рыбка с красным пластмассовым хвостиком тоненько свистнула над моей головой и упала в воду метрах в двадцати от лодки.

Корин вздохнул, выбрал на катушку леску и сделал новый бросок. Еще, еще один. Мы с Валентином с надеждой смотрели в воду. Приближался обед: кусочек хлеба и ложка сгущенки. И еще планктон.

Вновь и вновь свистит над нашими головами серебряная рыбка с желтыми глупыми глазами; Корин весь блестит от пота, но никто не соблазняется его приманкой.

— Ну что же ты? Стась... на судне ты всегда что-нибудь ловил, — нервничает Скачков, — кинь подальше. Там обязательно клюнет.

Корин размахивается сильнее, блесна летит дальше. Бросок, еще один, еще... Ну где же вы, рыбы? Куда вы все сгинули?

— Ничего, сейчас схватит, — поддерживает в Корине рыбацкий пыл Петр, — клюнет. Мы ее распластаем, чуть подсолим и немного провялим. Правда, Стась?..

— Конечно... такую рыбину сейчас выудим! — внушает себе Стась.

Проходит полчаса. Корин меняет серебряную рыбку на блесну «Ложка». Потом на смену «Ложке» приходят блесны «Байкал», «Девон». И наконец «Успех». Но успеха по-прежнему нет.

— Ничего, парни, — утешает нас Стась, отдуваясь, — не клюет, не клюет, а потом такая схватит! Еле в лодку затащим. Помню, на реке Луге целый день ничего, а потом хап! Щука-утятница с дикой уткой в брюхе. Вся деревня сбежалась.

Однако приятные коринские воспоминания не поднимают у нас настроения: нужна была реальная, из плоти и крови, живая рыба, которую можно было бы съесть. Нам не нужна была фантастическая двухметровая щука, выплывшая из гавани рыбацких воспоминаний Корина.

— ...Сил больше нет... держи ты, Коля. — Корин в изнеможении опускается на банку, берет по привычке кружку, но кладет ее на место. Воды в анкерке мало, не догадались его долить во время последнего ливня. И теперь ее нужно экономить. Надо терпеть.

И вот теперь я бросаю блесну. Проходит час, другой. Скачков уже, тяжело вздыхая, опустил за борт планктонную сетку. Корин сооружает небольшой перемет, а я все размахиваю удищем. Болят мышцы спины, шеи. Руки налились свинцовой тяжестью, в глазах рябит от солнечных бликов... но нет, все впустую. И с каждым забросом блесна падает все ближе и ближе к лодке.

— Ладно, хватит, любитель-рыболов... — останавливает меня Валентин. — Готовь обед. Это ты говорил, что в планктоне шестьдесят процентов жира?

— Он... — подтверждает Петр, — и что китайцы из него пироги делают...

— Начинку, — устало подправляю Скачкова я и дрожащими от длительного напряжения руками стараюсь распутать леску. Корин отбирает у меня спиннинг, и я достаю «обед» — подсохшую, твердую краюшку хлеба. Тушенки уже нет, а молока осталось каждому по ложке.

Петр, тяжело вздыхая, ставит на банку нашу планктонную миску и вытаскивает из воды мокрую сеть. Отвинчивает барашки металлического стакана, опрокидывает его над миской; в нее тяжело и сочно шлепаются дрожащая студенистая медуза да две маленькие, меньше мизинца, пятнистые рыбешки.

— Вот и все,— говорит он растерянно.— А медуз едят?

Никто не отвечает. Корин сидит на дне лодки и прикручивает к тросикам большие крючки, Валентин осматривает горизонт, я тщательно вымеряю ложкой содержимое банки. Бен сидит рядом и грустными глазами смотрит на густую сладкую массу. Он что-то заскучал, наш Бенка. Видно, чувствует, что нам не до веселья.

— Все понятно, почему не клюет рыба... Ее здесь просто нет,— говорю я.— Под нами пусто. Может быть, здесь пониженное содержание кислорода в воде, недостаток фосфатов, органических веществ, которыми питается фитопланктон. А раз нет мельчайших водорослей, то нет и зоопланктона: ведь он кормится фитопланктоном. А раз нет зоопланктона, то тут не найдешь рыбьих мальков и мелких стайных рыб: анчоуса, сардины, летучих рыбок. Поэтому здесь нет и крупных рыб: макрелей, тунцов. Им просто нечем питаться.

— Даже акула и та отстала,— продолжает мое выступление Корин. Так и с голоду подохнуть можно. К берегу пора.

— Ладно, хватит ныть,— останавливает его Валентин,— Скачков, майнайте сеть за борт. Пускай там болтается. После обеда проскочим в направлении берега миль на двадцать. Может, действительно мертвая зона? Помните? Сколько раз встречали раньше такие места в океане...

После обеда Станислав опять потянулся к спиннингу. Раз за разом с тонким свистом проносилась над нашими головами серебряная рыбка. Раз за разом она прогуливалась в прозрачной воде, легкомысленно виляя из стороны в сторону. Потеряв всякую надежду, мы смотрели, как Корин то взмахивает удищем, то, облизывая языком пот, выступающий на верхней губе, наматывает лесу на катушку. Чего уж там: сами решили, что тут мертвая зона. Вон даже акула отстала. Вот пробежимся миль на двадцать севернее и тогда... От

вскрика Корина все вздрогнули: удилище изогнулось дугой, Стась присел, пошире расставил ноги.

— Есть! Петя, нож точи! Тяну, парни...

Петр с готовностью отыскал нож. Мы вскочили. В прозрачной воде крутилась какая-то некрупная, но широкая, тяжелая рыбина. Конечно же, Стась был сильнее ее. Через несколько минут рыба сдалась и, поводя жаберными крышками, всплыла.

— Да здравствует Стась Корин! — крикнул Петр, нагибаясь над водой. Он подхватил рыбину за голову и кинул ее в лодку.

— Ну вот и порядок! — обрадованно потирал ладонь о ладонь Валентин. — Коля, отбери у Пети нож. Тебе это привычнее. Пластай ее, голубушку.

— Подождите, ребята, — я взял рыбу в руки. Осмотрел ее. Широкая, уплощенная в боках, темно-фиолетовая спинка. Что это за рыба? Рот большой, зубастый; зубы длинные, острые. Глаза желтые в полголовы. И очень крупная, как пятикопеечные монеты, твердая чешуя.

— Подождите... что же это за рыба?

Нет, раньше я не видел таких. Ни в уловах, ни в определителях. Неужели?.. Рыба, неизвестная науке?.. Сколько десятков тонн рыбы я переворошил на палубах рыболовных судов в поисках какой-нибудь диковинки — и вот она в моих руках! Да, все может быть... все может быть!

— Ну что ты медлишь? — забеспокоился Станислав. — Дай ее сюда.

— Постойте, ребята... я подозреваю, что это очень редкая рыба. Может, мы первые, кто держит ее в руках. Ее бы сохранить для науки, а?

— Нет, посмотрите на него, парни: тронулся! Да черт с ней, с этой наукой! У меня желудок от боли сжимается. Дай сюда. Это моя рыба. Я ее поймал... Петя, нож...

— А может, Николай прав? — Петр спрятал нож за спиной. — Конечно, ее бы хорошо распластать и провялить, но вдруг рыбка-то уникальная? Ладно, Стась, подарим ее науке.

— Суй в формалин, Коля. Перебьемся, — закончил спор Валентин.

Станислав с ожесточением плюнул и швырнул спиннинг на дно лодки. Чувствуя себя немножко неудобно, я ушел на корму, запеленал рыбу в марлю и запихнул ее в бидон.

— Ничего. Еще поймает, — утешал Корина да и себя Петр. — А эта редкая. Может, к тому же и ядовитая... Ну конечно же, ядовитая!

День шел на убыль. Жара немного спала, подул легкий ветерок. На востоке показались тучи. Взглянув на часы, Валентин кивнул головой, и Скачков выключил двигатель. Стало опять тихо. Пробежав по инерции еще несколько десятков метров, лодка остановилась.

Петр вытащил планктонную сеть. В ней был небольшой улов планктона. Ложек пять-шесть, не больше. Скачков, сморщившись, вытряхнул улов в миску и постучал по ее краю ложкой:

— Команде полдничать!

Команда не отозвалась. Втроем мы глядели в прозрачную воду. Высматривали, нет ли там рыб. Корин отрезал от головы макрели кусочек вонючего мяса и опустил вниз. Вскоре около приманки показались рыбки. Опять какая-то мелкота — пяток шустрых пузатых рыбешек. Потом глубоко внизу мелькнули узкие, продолговатые тени. Корин толкнул меня в бок локтем. Рыбы поднялись почти к самой наживке, но не заинтересовались ею.словно спохватившись, они бросились прочь, исчезли из глаз.

— Попробовать, что ли? — спросил я у Валентина, кивнув головой на ласты и маску. — Может, подплывет какая-нибудь поближе, а?

Валентин подумал, окинул взглядом поверхность океана: чисто, акул не видно. Взял в руки гаечный ключ.

— Как стукну по борту лодки, сразу наверх...

— Хорошо. Сразу.

Я торопливо натягиваю на лицо маску, закусываю зубами мундштук дыхательной трубки, одеваю ласты. Зажав под мышкой подводное ружье, прыгаю в воду. Она смыкается над моей головой, и я оказываюсь в чудеснейшем, необыкновенном мире тишины и покоя. Голубой континент. Мне и в предыдущих рейсах изредка удавалось встречаться с ним. И всегда, оказавшись наедине с океаном, я испытываю трудно передаваемое чувство восторга и, пожалуй, немного страха.

Держусь за канат, спущенный с «Корифены», оглядываюсь. Тишина, покой и синий цвет. Наверху вода, пронизанная солнечным светом, совершенно голубая, вдали она синее, а внизу приковывает к себе взгляд таинственной, фиолетовой глубиной. Если б можно было изобразить эту гамму цветов звуками, то у поверхности океана, наверно, тоненько бы зазвенела на самой высокой ноте скрипка, из фиолетовой пропасти ей откликнулась бы торжественно и могуче басовая струна контрабаса. Тишина, покой и успокаивающий синий цвет. Все забылось. И голод, и зной, и тревога необычного путешествия... все отошло, отодвинулось назад. Сверху, над головой, колышется ярко-белое брюхо «Корифены», по нему скользят солнечные блики, а внизу пустота. Ощущение такое, будто находишься не в океане, а висишь под куполом небосвода... Но нет, океан не так пустынен, как кажется на первый взгляд. Под приманкой, спущенной с лодки, веселой стайкой суется, как ребята у футбольного мяча, блестящие пузатые рыбки. Они торопливо потрошат, треплют белый кусочек мяса своими маленькими жадными ртами. Оторвав кусочек, какая-либо из рыбок долго, мучительно заглатывает его, страдальчески тараща глаза и вздрагивая всем своим пузатым телом. Порой рыбки оставляют приманку и всей стайкой бросаются в сторону, чего-то испугавшись. Успокоившись, они так же стремительно возвращаются, и маленькие жадные рты опять начинают торопливо трепать кусочек белого мяса.

Стоп... рыба! Сабля-рыба... Извиваясь своим широким, плоским телом, она появилась как-то внезапно. Ее трудно спутать с какой-нибудь другой рыбой. Особенно запоминается голова — длинная, острая, с вдавленным «лбом» и выдающимся «подбородком». Рот у рыбы плотно закрыт, но я отлично знаю, что он битком набит острыми прозрачными зубами. Эти зубы прокусили однажды мне ногу на палубе во время разборки улова. Прокусили через толстый кирзовый сапог. И нога долго, мучительно болела. Вдохнув побольше воздуха, я нырнул, вытянул вперед руку с ружьем. Рыба-сабля взглянула на меня своим неподвижным желтым глазом, на мгновение замерла, трепеща тончайшим, прозрачным спинным плавником, идущим от самого «затылка» до кончика плегевидного хвоста, а потом рванулась в сто-

рону и, вытянувшись сужающимся к хвосту сверкнувшим, как клинок, телом, бросилась прочь.

Но рыба-сабля уже далеко, и некогда думать о ней: я вижу других рыб. Тех, которых мы наблюдали из лодки. Они явно заинтересовались наживкой, а может быть, и мной. У рыб серебристо-белые тела, украшенные тремя синими линиями, прочерченными природой, от глаз до хвостового плавника. Они подплыли к кусочку мяса, отогнали пузатых рыбок, но ни одна не прикоснулась к наживке. Потом направились в мою сторону и начали крутиться вокруг, не приближаясь ближе чем на два-три метра. Их янтарные глаза с любопытством рассматривают меня. И, как будто переговариваясь между собой, рыбы все время открывают и закрывают свои совершенно беззубые рты. Какую-то смутную тревогу ощутил я, увидев этих рыб... эти белые беззубые рты. Где-то я их видел. Но где? Я кручусь между рыбами, направляя ружье то на одну, то на другую, но они плавают так быстро, что невозможно прицелиться. Вынырнув, я отдышался; нырнул — рыбы ждут меня. Их стало даже больше. В возбуждении рыбы носятся вокруг, мелькают перед глазами. Они совсем близко, рядом. Нажимаю на спусковой крючок — мимо! Черт... попробуй-ка попади. Так и мелькают, даже в глазах зарябило. Придерживаясь рукой за канат, заряжаю ружье, ныряю. В странном хороводе беззубые рыбы носятся вокруг, и вдруг мое сердце замирает: около своей головы вижу небольшого, с ладонь, полосатого лоцмана... А вот еще один. Резко оборачиваюсь: ко мне неторопливо плывет толстая и длинная акула. Так вот где я видел этих беззубых рыб! Они часто, как прилипалы и лоцманы, сопровождают крупных акул. И когда акула рвет своими страшными зубами добычу, беззубые рыбы, лоцманы и прилипалы составляют ей жуткую компанию в этом пиршестве. Я вижу глаза акулы мако — зеленые, холодные с вертикальным, как у кошки, зрачком. А беззубые рыбы, лоцманы и двое черных, с рубчатыми присосками на головах прилипал словно взбесились; рыбы носятся вокруг, бросаются ко мне... вот одна беззубая рыба больно ущипнула за плечо, другая дернула за левый ласт. Наверх, скорее наверх! Но нет... выждать... еще секунду-другую: ведь акула всегда нападает вдогонку... схватит за ноги.

Все во мне напряглось, в висках гулко грохочет сердце... воздуха! Но нет, бросаться вверх нельзя. Чаще всего акулы нападают на впавшего в панику, барахтающегося в воде человека. Мако уже рядом. Я поднимаю ружье, но что толку стрелять? Гарпун не пробьет толстой шершавой кожи. Это уже проверено. Нужно бить в морду, в глаза, в пасть. А рыбы из акульей свиты совсем обнаглели. Чувствую, как больно щипают они мне шею, спину. Акула разворачивается, надвигается... разрастается... ничего больше не вижу, только большую акулью морду. Мгновение, еще секунда... глаза сбоку... в них не попасть. Оцепенев, я замираю, и... сверху что-то падает, проносится перед моим лицом, акула испуганно бросается в сторону, я пробкой вылетаю из воды. Руки товарищей подхватывают меня, я в изнеможении валюсь на горячий брезент. Меня трясет, колотит нервный озноб.

— Ребята... ребята, вот такая морда! Вот... и прямо на меня! — Я хочу еще что-то рассказать, но почему-то начинаю смеяться. Смеюсь только я. Все молчат.

Петр сидит на корме, наблюдает за горизонтом. Стась швыряет в воду надраенную до ослепительного блеска блесну «Успех». Валя размышляет над картой. А я лежу и трясусь. Стоит закрыть глаза — и опять вижу равнодушное акулье рыло, медленно надвигающееся на меня. Побаливают шея и спина: там синяки. Это рыбы из акульей свиты пытались «опробовать» меня. Ведь еще бы немного, еще... если бы Валентин не швырнул вниз, между мной и акулой, весло...

— Плывет за нами... — слышу я голос Скачкова. Да, теперь она от нас не отстанет. Будет кружиться возле лодки. И нечего рассчитывать на спиннинг или какие-нибудь иные рыболовные снасти: все, что не попадет на крючок, окажется в акульей пасти. Нужно что-то придумать. Но что?

— Ну как ты там? Отошел? Д-авай ужинать... — Валентин хлопает меня по плечу, — поднимайся... рыболов-подводник.

Ужин... По последнему кусочку хлеба, по апельсину и планктон. Ужин весьма экзотический: «заморские фрукты» и живая кашка. Хейердал писал, что планк-

тон напоминает то черную икру, то омаров. Черта с два! Планктон отвратительно пахнет, он скользкий и жгучий. В желудке от него саднит, и к горлу все время подкатывается тошнотворный клубок.

Ужин пролетает быстро. Скачков, как вахтенный, наклоняется к воде, чтобы помыть миску, испуганно чертыхается: около самого борта мелькает спинной акулий плавник.

— Нет, так я путешествовать не могу! — решительно говорит он всем. — Чуть руку не оттяпала. А без руки какой я к черту штурман?

— Завтра, парни, мы ее выловим, — обещает Корин. — Ха, она нам порядком надоела. Разжигай, Петр, трубку. Курить будем.

Домашний запах «Золотого руна» повисает над «Корифеной». От крепкого табака, а может быть просто от слабости, кружится голова. С черного неба, высыпав табунком между тучами, посматривают на нас звезды. Они мелко, зябко дрожат.

Бенка сидит на моих коленях, расчесывает пальцами мою бороду, жмет к ней теплым ухом. Посасывая трубку, мы по очереди втягиваем в себя крепкий, душистый дым. Бенке тоже хочется пососать трубку. Я даю ему. Вытянув губы трубочкой, он втягивает в себя дым, потом отчаянно кашляет, машет лапами. Немного успокоившись, прячет свою голову у меня под подбородком, затихает.

— Послушай, Стась, расскажи что-нибудь. Помнишь, на судне ты всегда рассказывал разные истории. Только не про своего папку... — предлагает Валентин.

Стась вздыхает, трет лоб. Мы ждем.

— Ну что ж, не хотите про папку, то, может, про женщину? Ха, вот помню забавную историю. Петя, дай затянуться.

Действительно, на «Марлине» по вечерам в лаборатории Корин любил рассказывать нам всевозможнейшие истории, в которых главными действующими лицами обязательно был он и то «незнакомка с громадными черными глазами», то «блондинка с громадными синими глазами», то «такая стройная девчонка с громадными серыми глазами». После его «историй» мне иногда снились толпы «незнакомок» с громадными чер-

ными, синими, зелеными глазами, среди которых терялась массивная фигура самого рассказчика.

Стась молчит, вздыхает, трет лоб. Мы терпеливо ждем.

— Жрать, ребята, хочется, — начинает он, — гм... так вот... познакомились мы с ней в трамвае. Я ей билет оторвал... Она говорит: «Спасибо...» Я отвечаю: «Пожалуйста». В общем когда из трамвая выходили, уже были знакомы. Такая рыженькая с громадными сине-зелеными глазами. Ну... вечер, на улице холодно: мороз как на Колыме. «Пойдемте, — говорю, — в ресторан... музыку послушаем...» «Пойдемте, — отвечает, — только недолго... Мне мама не разрешает». Сели за столик возле самой эстрады, и я заказываю по отбивной, салаты под майонезом, сыр, колбасу, селедочку с холодной картошкой, уксусом, маслом и...

— Отбивную баранью или свиную? — судорожно глотнув воздух, уточняет Скачков.

— Баранью. Разве я не сказал сразу? Такую большую, поджаристую. С гарниром. Ну вот, парни, уже и официант бежит, селедочку несет...

— А она стройная была? — интересуется Валентин.

— Кто? Селедочка?..

— Нет. Твоя знакомая...

— Не помню. Да разве в этом дело? Селедочка была сочная, такая жирная... Исландская. Съел я ее и говорю официанту: «Принеси, дружок, еще одну. Только пускай кок побросает побольше лука и картошечки... такими узенькими ломтиками нарежет!»

Потом Стась очень подробно и обстоятельно рассказывает, как они ели сыр, колбасу, салат под майонезом и, наконец, отбивную — чудесную, мягкую, душистую, с такой хрустящей золотой корочкой...

— Давно это было, парни, — заканчивает свой рассказ Корин, — но она была очень хорошей, парни. Очень.

Скачков поднимается и мечтательным голосом говорит:

— Да, конечно... разве такую отбивную забудешь?

— При чем тут отбивная, Петька? — вздыхает Корин — Я ведь о девушке говорю. А ты «отбивная». Чудак.

...Тихо. Все спят, только я сижу на корме. Дежурю. Скачков крутится, кашляет, вечно беспокойно спит. Рядом с ним лучше не ложиться: всю спину коленками обобьет. Корин, тот спокоен: лежит на спине, скрестив на груди могучие руки. До утра не шелохнется. К его плечу прикорнул «адмирал» Ему холодно. И сквозь сон он пытается натянуть на колени свои короткие тропические брюки. Я накрываю его ноги краем брезента и опять возвращаюсь на корму. Окидываю взглядом горизонт: нет, он все так же пустынен. Ни огонька. Пусто на горизонте. Куда ни кинешь взгляд — одна темная, в дрожащих оспинах отраженных звезд вода да еще месяц, выплывший ярко начищенной лодочкой из-за тучи... Месяц здесь не такой, как у нас дома. Он похож на лодочку с задорно вздернутыми носом и кормой. А иногда эту небесную лодку кто-то переворачивает, и она сверкает с незнакомого неба, перевернувшись вверх килем.

Просыпается Корин. Поднимает всклокоченную голову, очумело оглядывает лодку, меня, Петра. Откидывается на спину, тяжело, гулко зевает.

— Путешествие продолжается... — слышу я его хрипловатый со сна голос. Глаза закрываются, забота и удивление соскальзывают с лица: спит.

А мне нельзя спать. Мне нужно дежурить, следить за горизонтом: не появится, не мелькнет ли где огонек?

Устроившись на двигателе, я поднимаю воротник рубашки, прячу ладони под мышки: прохладно. Вот климат! Днем от жарыщи деться некуда, ночью от холода кожа пупырышками покрывается. Тяжелый, неприятный климат. Уж очень много влаги: днем весь мокрый, и сейчас рубашка сырая, на лбу капельки пота. Жара и влага, гуще солнце днем, влажный озноб по ночам. Нет, все не так, как дома. Все не так.

...За бортом что-то всплеснуло. Вздвогнув, я поглядел в черную воду: нет, ничего не видно. Встав, размял ноги; привычно окинул взглядом горизонт — пустынно: ни огонька, ни силуэта. Одна вода, звезды и месяц лодочкой. И еще мы, четверо русских парней...

глава

IV

Скачков остается за кормой лодки.— Петр ловит акулу.— Мако-людоед.— Схватка в океане.— Корин готовит «сошими».— Рыбы спешат на пиршество.— Бочонок пуст.— К берегу — в Африку

Остаток ночи был отвратительным: лег спать и видел во сне акулю морду, ее зеленые глазки подмигивали, а пасть растягивалась в мерзкой усмешке. И рты. Много-много больших беззубых ртов. Они жадно, торопливо раскрывались, показывая бело-розовое небо и мягкие оранжевые десна...

Проснулся весь в холодном поту. В тех местах, где меня хватали рыбы рты, багровели большие синяки. Темные пятна на коже были окружены ободками нагноения. Как видно, у рыб из акулей свиты были все же зубы, но только очень мелкие. Невидимые на глаз. В ранки попала слизь с зубов, и поэтому меня так знобило: слизь с рыбьих зубов действует на человеческую кровь, как яд.

Голова тяжелая. В висках ломит. А солнце уже пробует свои силы. Скоро оно начнет подпекать, подсушивать нас.

Я поднимаю глаза на Скачкова.

— Горизонт чист...— говорит он,— только акула. Уже часа три бултыхается возле лодки.

Просыпается Валентин, делает несколько приседаний. Открывает глаза Корин. Садится, долго трет лицо ладонью. Думает о чем-то, потом, словно приняв какое-то решение, хлопает себя ладонью по коленке, достает коробку. Роемся в ней, позвякивая блестящими блеснами, свинцовыми грузилами, карабинчиками, крючками...

— Акула здесь,— останавливает его Валентин,— после завтрака немного отбежим. Тогда и покидаешь...

Потом мы с Кориным сооружали гарпун, привязывали к бамбуковой палке нож. Мы забыли о Скачкове и вспомнили лишь тогда, когда услышали испуганный, невнятный вскрик и плеск воды. Лодка резко рванула влево, я упал на Корина, тот грохнулся на дно лодки и чуть не пропорол себе живот гарпуном. Вскочили на ноги: корма пуста. Скачкова нет...

— Э-э-э-!.. На пома-а-а!..— услышали мы его крик.

Валентин, прыгая через банки, подскочил к румпелю, крутнул его, и лодка понеслась к Скачкову. Тот отчаянно бултыхался в воде. Казалось, что его кто-то тянет в глубину: Петр то выскакивал на поверхность, то погружался в воду с головой. Вынырнув, он отчаянно, невнятно вскрикивал. Из его рта торчала трубка. Валентин повернул рычаг, лодка замедлила свой бег и заколыхалась возле Скачкова.

— Руку! — Корин наклонился над водой, схватил Петра за руку, я вцепился в его трусики. Дернули...

— В-вай!..— вскрикнул Петр. Корин выхватил из его рта трубку, бросил ее на дно лодки. Дернули Скачкова еще раз; подбежал Валентин, обхватил, свесившись за борт, Петю за пояс.

— Акула! Я держу акулу! — крикнул тот. — Беритесь за поводец!

Что? Акула? Я наклонился ниже. Вокруг Петиной руки намотан конец капронового поводца. Веревка, врезавшаяся в кожу, отвесно уходила вниз, в фиолетовую глубину. Там металась из стороны в сторону акула и вся ее обеспокоенная свита.

Схватившись за веревку, я дернул ее двумя руками на себя, и ребята втащили Скачкова в лодку. Потом все троим мы вытянули несколько метров капрона на борт, закрепили его и повалились на брезент.

— Где моя трубка? — отдышавшись спросил Петр. — Понимаете, кричать не мог: торчит в зубах. А выплюнуть жаль. А тут эта гадина в глубину тянет. Ключнула! В общем попалась, подлая...

— Ключнула! — воскликнул Валентин. — Я вот тебе дам «ключнула». Еще бы немножко и... Тоже мне, сообщай! Конец на руке наматывать...

— Так кто его знал.... в общем не сварило у меня здесь немножко. — Скачков постучал чубаком трубки по голове и поморщился: я перевязывал руку. Кожа в

нескольких местах была содрана. Потом он вопросительно поглядел на Валентина, и тот, еще раз для острстки сердито хмыкнув, достал коробку с табаком.

Скачков затаился, блаженно закрыл глаза и, привалившись спиной к борту лодки, несколько минут молчал. И мы тоже. Успокаивались. Только акула не могла прийти в себя, она металась, пытаясь избавиться от крючка, застрявшего в челюсти, но где там.

— Ну давай. Выкладывай, — сказал Валентин, и Петр, затаившись, рассказал как было дело.

— В общем так. Раз «адмирал» приказал — сижу на корме и думаю, как словить эту мерзкую акуленицу. Говорят: раз акула преследует судно — жди покойника. Это все моряки знают.

— Хватит про покойников, — остановил его Валентин.

— Да я это так. Между прочим. Сижу, разматываю конец и думаю. И придумал: взял и насадил на крючок кусок колбасы. Кругляшок свой. Не съел я его, все нюхал. Потом думаю: «А, черт с ним! Все равно не наешься, а попробовать можно». Только в воду бросил, стал конец с руки сматывать, а она цап! Ну я пятки вверх и в воду... Дергает она меня, тянет вниз, а я кричать не могу: трубку жаль выплевывать.

Акула рвалась, пытаясь сойти с крючка. Но нет. Теперь-то уже мы с ней расправимся. Валентин поднялся, покусывая нижнюю губу, осмотрел лодку. Достал из-под брезента кусок лinya, сделал петлю. Мы, докуривая трубку, тоже поднялись.

— Алло, Леднев, — сказал Скачков, — выдашь мне из казенного пайка кругляшок колбасы. Тот, что я на акулу пожертвовал. Нюхать буду.

— Хорошо, — ответил за меня Валя, — получишь полтора кругляша. А на судне банку свиной тушенки.

Акула устала. Одев перчатки, мы вдвоем подтягиваем ее к борту лодки. Скачков сидит на двигателе, попыхивает трубкой и дает указания. Как же, ведь это его акула! Ведь это он ее поймал. Хотя чуть не получилось наоборот. Но мало ли что могло получиться. Главное, что акула на крючке, а он, Петр Скачков, сидит на двигателе, втягивает в легкие душистый дым и командует нами.

Бенка сидит рядом с Петром и испуганными глазами смотрит, как из воды медленно поднимается к поверхности темное массивное тело.

Мако... Сквозь прозрачную воду нам уже хорошо видна ее темно-синяя спина, вытянутая острая морда, ее полуоткрытая, окровавленная пасть. Пасть так напичкана острыми, искривленными внутрь зубами, что они не помещаются во рту и колючей щеткой торчат наружу. Она то закрывает, то открывает свои глаза. Наверно, от боли. И вяло шевелит хвостовым плавником с широкими, сильными лопастями.

— Та самая, — уверенно говорю я. Мне кажется, что я узнал ее. Пожалуй, вот этот шрам, рубчатой полоской виднеющийся на нижней челюсти, я видел там, в воде, когда акула, щуря от предстоящего удовольствия свои кошачьи глаза, подплывала ко мне. Подплывала, наверно, размышляя, с какой бы стороны приступить к этому странному существу.

— Крепче, крепче, ребята! — командует Скачков. — Сейчас она покажет!..

Лишь только острое акулье рыло высунулось из воды, как акула «показала». Высоко подбросив в воздух свой хвост, она взлетела из воды. Потом еще прыжок, еще один. Столбы воды, сверкая радугами, словно взрывы, взмываются над «Корифеной». Вzbесившаяся от боли рыбина отчаянно сопротивляется капроновой веревке; гибкое тело раз за разом взмывается в воздух. Глухие удары, как выстрелы, сотрясают нашу лодку. Это акула лупит, хлещет по воде и бортам «Корифены» своим хвостом.

— Воздуху ей!.. — Воздуху! Дохнуть дайте! — кричит Петька. Вместе с дрожащим от страха Бенкой он перебрался на самую корму. Размахивая дымящейся трубкой, командует, как полководец во время сражения, а мы как верные и послушные солдаты выполняем его указания. Напрягая до предела мышцы, подтягиваем конец, и акулья морда поднимается над бортом. Мако судорожно разевает свою пасть, косит в лодку глазом. Мне становится не по себе; кажется, что зеленоватый неподвижный рыбий зрачок гипнотизирует, манит меня к себе... к разинутой в розовой пене пасти.

Все мы сидим на корме, как воробы, пристроившись на узком планшире.

— Осторожнее! — вдруг вскрикивает Скачков. Акула напряглась, мышцы под ее шкурой вздулись буграми... В следующее мгновение рыбина всей своей тушей обрушивается в лодку. Хвост акулы молотит во все стороны и с силой парового молота бьет по бортам.

— Вв-во... вв-во... — командует Валентин, но мы уже и без его команды валимся один за другим в воду. Только Бенка, отчаянно вереща, пулей взлетает на верхушку мачты.

Рядом со мной плавает Скачков. Он высоко поднимает над головой перевязанную руку, а другой держится за борт. Лодка раскачивается из стороны в сторону. Акула без устали работает своим хвостом. Мы слышим, как трещат ящики с инструментами; сухо крикает бочонок с водой. Подтянувшись на руках, Валентин заглядывает с кормы в лодку. Потом влезает в «Корифену», подает руку мне... Глазам открывается скверная картина: все наше имущество перемешано в кучу. Ящики с инструментом разбиты в щепы, продуктовый мешок разорван в клочья и полкруга колбасы, наш неприкосновенный запас, торчит из-под акульего брюха. Запутавшись в брезенте, она с тупым ожесточением грызет рейки. Страшный акулий хвост чуть колеблется возле наших ног. Взмахни она им... ну не шевелись, голубушка, подожди, секунд десяток, отдохни. Валентин осторожно приседает, достает приготовленную им веревку, завязанную петлей. Кивает мне головой на широченные вздрагивающие серо-сизые лопасти. Я вспоминаю: Хейердал писал: чтобы обезопасить акулу, следует схватить ее за хвост.

— Ну! — командует Валентин, и мы падаем животами на акулий плавник. Акула дергается, пытается смахнуть нас, как букашек... я чувствую, как хвост жесткой теркой, сдирая кожу, выползает из-под моего живота. Валя, прикусив губу, затягивает вокруг основания хвоста веревку.

— Быстрее, — тороплю я его, — вырвется! Лепешка будет...

Мако дергается, по телу пробегает дрожь. Пожалуй, все...

Я поднимаюсь, весь живот ярко пламенеет. Множество мельчайших, невидимых глазу ранок сочатся кровью. Это зубы. У акулы они имеются не только во

рту, но и на всей шкуре. Маленькие острые зубки покрывают все ее тело. Это так называемая плакоидная чешуя. Вот почему для самой тонкой шлифовки ценных пород дерева мастера-краснодеревщики пользуются акульими шкурками...

— Промой как следует,— говорит мне Валентин,— а то разболится.

С носа влезает в лодку Корин.

— Фу... освежился немного,— небрежно замечает он,— а то жарыща... кожа трещит.

Вместе с Валентином мы втаскиваем в лодку Скачкова. Тот невозмутимо усаживается на двигатель и начинает внимательно изучать свою трубку.

— Готовь свое сошими...— распоряжается Валентин,— слышишь, Корин?

Стась откидывает со лба мокрые волосы, вытирает ладонью лицо и достает из груды барахла бамбуковую палку с ножом на конце. Наш гарпун. Наклоняется над акулой, та неподвижна. Из пасти струйкой сочится кровь, в зубах завязли переломанные щепки. Кончиком ножа Корин осторожно дотрагивается до акульего глаза. Если акула еще жива, то из особой щелки должна выскочить кожистая шторка-веко. Но нет. Шторка не выскакивает. Корин уже имеет опыт обращения с этими удивительно живучими тварями. Однажды на судне, когда команда повально заболела сувенироманией, из акул вырезались, а потом сушились челюсти, чтобы там, на берегу, поразить воображение своих родных и близких. Корин решил тоже изготовить сувенирчик. Он обезглавил одну из акул и голову бросил в корзину. Спустя пяток минут, наточив нож, вытащил голову и сунул в пасть большой палец посмотреть, хороши ли зубы. Пасть тотчас сомкнулась, и острый, кривой, как турецкий кинжал, зуб пронзил коринский палец насквозь. Палец долго болел, и Стась даже требовал, чтобы зашли в какой-нибудь порт. Однако все обошлось благополучно. Только с той поры Стась относится ко всем акулам весьма подозрительно.

Нет, шторка не захлопнулась, и Корин, подняв гарпун над головой, поставил свою босую ступню на плоскую голову поверженной маки.

Пока Стась вырезал из акульей спины белые, чуть желтоватые пласты неприятно пахнущего мяса, я

быстро избавил акулу от челюсти, распялил щепкой и как флаг поднял на самую верхушку мачты. Пускай знают все: мако, одна из страшнейших акул океана, акула-людоед, как еще ее называют рыбаки-африканцы, побеждена. И что не она, а мы сейчас съедем ее в виде изысканного ресторанного деликатеса, жемчужины японской кухни под интригующим названием «сошими».

— Вот вам и «сошими», — говорит между тем Корин, подавая нам по пласту акульего мяса, — правда, здесь кое-чего не хватает... гм, перца, лука, уксуса, масла... такой травки душистой, для приправы, холодной картошки и...

— ...и музыки, — добавил Скачков, мрачно рассматривая акулятину со всех сторон и брезгливо нюхая ее.

— Точно, Петенька, музыки. Смелее! Представьте, что сидим мы в ресторане первого класса, джаз наигрывает блюз и вместо неумытой скачковой физиономии ты, Коля, видишь перед собой милую девичью мордочку с ...ха, громадными фиолетовыми глазами. А официант подает к столу заморское блюдо, за которое придется платить чертовски дорого... Смелее, парни... ап!

Корин глотает кусочек мяса и тянется за другим. Он сидит на акуле и берет мясо прямо из ее спины. Валентин, мученически зажмурившись, тоже жует узенькую, сочащуюся сукровицей ленточку.

Я постарался представить себе все: и ресторан, и джазистов в черных костюмах, мордатого официанта, несущего на вытянутых руках заморское блюдо. Я даже представил себе «милую мордочку с громадными фиолетовыми глазами»... представил себе все. Но от прозрачного пластика мяса исходит тошнотворный, такой отвратительный, чисто акулий запах, что мои челюсти сводит судорогой.

— А вроде ничего, — слышу я философски спокойный голос Скачкова, — хелло, человек на акуле, выдайте еще одну порцию.

— Я в Сибири строганину ел, — говорит Валентин, — тоже сырое мясо. Только замороженное да с луком...

— Лопай, Колька, насыщайся, — петушится Корин, — привыкай, парнишка!

Мясо теплое и чуть сладковатое. Я его заглатывал, как чайка рыбу, не разжевывая. Потом съел еще один

кусок, еще пластик. Желудок приятно отяжелел, стихла постоянная ноющая боль, гнездившаяся все время где-то в районе пупка... Ну что ж, придется привыкать и к акулятине. Конечно же, все дело в привычке. Живая устрица — это деликатес. Строганина — привычное блюдо сибирских охотников и рыбаков. Ну а мы должны привыкнуть к акуле. К акулятине. И что тут такого? Ничего особенного. Тем более в нашем-то положении.

Скачков встает, хлопает себя по округлившемуся животу, заглядывает в воду.

— Смотрите-ка, ребята! — восклицает он. — Вода около лодки буквально кипит.

Прилипалы, лоцманы, десятка полтора беззубых рыб металась в воде, подхватывая кусочки мяса и пленок, упавших за борт. А недалеко от лодки режут тихую океанскую поверхность акульи плавники. Один... три... восемь...

— Ха! Избавились от акулки! — Корин отрезает большой кусок мяса и швыряет его в воду. Беззубые рты, прилипалы, лоцманы набрасываются на него, треплют, раздирая на клочки. Корин вытаскивает поводец с крючком, насаживает на него белый пластик и опускает в воду... Подсечка... Через борт, трепеща плавничками, перелетает беззубая рыба. Скачков хватает ее за хвост и стучает головой о борт. Корин снова подсекает, и еще одна «беззубка» шлепается в лодку. Рыбы налетали на приманку очертя голову. Они не присматривались к наживке, не «клевали», а с ходу заглатывали свежий кусочек и попадались на крючки.

Когда в лодке лежало с десятков рыбин, Валентин остановил Корина.

— Хватит... Все равно испортятся. Давайте акулу за борт.

— Подождите, парни. Только хвост у нее не отвязывайте... — говорит Корин и помогает нам перевалить располозованную тушу в океан. Она тяжело плюхается и повисает вниз головой. Вокруг нее расплывается в воде мутновато-красное облачко. Осиротевшая свита окружает труп своей хозяйки и... нет, рыбы не пришли в отчаяние. Они нетерпеливой, жадной сворой набросились на акулье мясо и начали кусать его, рвать, торопливо заглатывая белые мышцы, сухожилия, лоскутья жесткой кожи...

— Неблагодарные... — философствует Скачков, — никакой совести. Лишь бы пузо набить.

А потом на пиршество поспешили акулы. Косые острые плавники заходили вокруг лодки; осторожно, словно принохиваясь, акулы приближались к истерзанной мако. Затем одна из акул распахнула громадную пасть, мы ясно слышали хруст, и почти половина головы мако исчезла в акульем брюхе. Как по команде, остальные хищники набросились на окровавленную тушу... по воде плывет розовая пена. Мне кажется, что я слышу жадное сопение. Раздираемое мощными челюстями тело мако с хрустом и с каким-то неприятным, чавкающим звуком быстро уменьшается. И вот уже все, что было в воде, съедено. Акулы все выше задирают свои головы. Они хлещут по воде плавниками и вылезают из воды, стараясь отхватить от туши еще кусочек.

С омерзением смотрим мы на отвратительную картину. Жадные, чавкающие рты совсем близко... сверкают острые зубы, мигают маленькие злые глаза.

— В лодку влезут!.. — вскрикивает Скачков и, схватив наш самодельный гарпун, ударяет одну из акул в отвратительное рыло. Нож скользит по твердой шкуре, оставив на ней едва заметную полосу. Корин поднимает весло и сует одной из акул в пасть; та разворачивается боком, челюсти сжимаются и как бритвой отсекают половину лопасти. Стась что есть силы бьет акулу по башке. Рыбина выскакивает из воды и звонко лязгает челюстями, пытаясь вцепиться зубами в древко.

Ножом я перерезаю веревку, и все, что осталось от мако, погружается в воду. Акулы, «беззубки», лоцманы устремляются в глубину за истерзанной тушей.

— Крути ручку! — командует Валентин и, не дожидаясь Скачкова, сам хватается за пусковую ручку. Скачков повозился над двигателем, тот простуженно чихнул, кашлянул и деловито залопотал.

...Жара. Тихо. Штиль. Вода в океане прозрачная и теплая. Откуда-то подкрадывается к заливу шторм. Длинная, пологая зыбь мерно раскачивает лодку. Волна неторопливо, важно подкатывается под правый борт «Корифены», и лодка наклоняет навстречу ей свою мачту с зубастой челюстью на клотике.

Жарища. В воздухе никакого движения. Солнце в самом зените, до вечера еще далеко, ох далеко. Утомленные борьбой с акулой, мы сидим на дне лодки среди разбросанных вещей и потускневших рыбин. Скачков громко, мучительно икает после мужественно заглоченной акулятины.

— Испугайте меня, ребята,— просит он, вытирая подкладкой фуражки свое потное, измученное лицо,— не могу больше. Выворачивает всего...

Меня тоже выворачивает. Я не говорил, но тайком от всех, когда ребята, свесившись с бортов, наблюдали за кровавым пиршеством, освободил свой желудок. И теперь мне кажется, что живот наполнен острыми гвоздями и лезвиями бритв. Все внутри режет, болит. Нет, это мясо не для моего желудка. Пускай его едят японцы. Я не могу.

Мотор выключен. В ушах тонкий надоедливый звон. И еще неприятные, какие-то утробные булькающие звуки: это Петр. Икает, спрятав лицо в свою флотскую фуражку.

— Слушай, перестань... — раздраженно говорит Корин.

— Ну испугайте же... ик!.. — отрывает от лица фуражку Скачков. — Я не нарочно...

— Вот в компанейку попал, — ворчит Корин, — с ума сойти можно. Кстати, пить мы сегодня будем? Петька, да замолчишь ты или нет?

— Ну чего пристал к человеку? — поднимается Валентин. — На «Корифене» никому икать не запрещается. Икай, Петя, не стесняйся. Николай, раздавай воду. Во рту все печет.

Из носового отсека я вынимаю ведро с кружками, сбросив брезент с бочонка, наклоняюсь над ним. С кормы приходит Скачков с Бенкой. В последнее время мартышка почти все время жметя к Петру. Подперев волосатыми кулачками свой подбородок, она садится рядом с бочонком и внимательно следит, как я раздаю кружки...

— Давай быстрее, — торопит меня Валентин, — не томи.

Я поднимаю бочонок — и сердце мое испуганно замирает: бочонок слишком легкий. Переворачиваю: в его

выпуклом дубовом боку зияет трещина. Он пуст. Воды нет.

— Мако... она обрушилась на бочонок и раздавила его, — говорю я и, как бы оправдываясь, повторяю: — Это мако, ребята... раздавила.

Потом я ставлю бочонок на попа, зачем-то вынимаю деревянную затычку, смотрю внутрь... Пуст. Бочонок абсолютно пуст. Бенка тоже заглядывает в бочонок, разочарованно вытягивает губы трубочкой и тоненько, расстроено свистит. Корин швыряет кружку. Длинно, виртуозно ругается.

— Отставить... — вздрогнувшим голосом говорит Валентин. — Вода на дне лодки... быстро разобрать ба-рахло. — Валентин начинает торопливо перетаскивать брезент, ящики, все наше имущество на корму. Мы помогаем ему, поднимаем решетки — на дне лодки плещется грязная, в щепках и мусоре вода. Здесь смешались пресная вода и соленая, акулья кровь и немного солярки.

Забыв про зной и обжигающие лучи, мы вычерпываем воду из лодки в ведро. Вода совершенно черная. По ее поверхности плавают розовые и фиолетовые нефтяные пятна. Вода неприятно пахнет гнилью... Примерно восемь кружек. И все. Я наливаю через марлю всем по четверть кружки.

— Может, икать перестану, — говорит Петр и, мучительно сморщившись, выпивает воду. — Б-рр... керосин... ик!

Вода отвратительна. Но я все же глотаю ее. Густая, противная пленка солярки оседает на деснах и языке. В горле першит.

Корин выплескивает воду за борт и показывает кулак продолжающему нудно и покорно икать Скачкову. Стась сегодня как-то по-особенному взвинчен. Кажется, что все нервы у него обнажены. И на них, как и на коже тела, выпаривается едкая морская соль. Бросив кружку на дно лодки, Корин пробирается в корму и ложится на спину. С презрительной гримасой он затыкает уши пальцами и смотрит в белое от зноя небо. Петр виновато посматривает на нас и извиняюще пожимает плечами: ну как бы остановить эту икоту?

— Испугайте... — слышу я его уставший голос, — ну же, ребята.

Корин садится, сплевывает и, сосредоточенно нахмурившись, оглядывает горизонт.

— Теплоход! — вдруг вскрикивает он и вскакивает.

Нас словно пружины подбрасывают, шарим глазами по воде: пусто. Горизонт дрожит и колеблется в струях накаливаемого воздуха. Где же? Где?.. Валентин поднимается на капот двигателя, щурит заслезившиеся от напряжения и яркого света глаза. Нет, ничего не видно. Мы смотрим на Корина. Тот валится на брезент, криво усмехается. Подмигивает Скачкову:

— Ну как, испугал?.. Прошла икотка?..

День бесконечен. Солнце не торопится на покой. Жаркое, сухое пламя врывается в легкие; язык во рту толстый, шершавый. Очень хочется пить...

Как сонные мухи, мы по приказанию Валентина производим «большую приборку»: разбираем свое имущество, моем, чистим лодку... Петр сидит на корме и потрошит рыбу. Решили пяток рыбин завялить. Уже две распластанные «беззубки» висят на мачте, затекают прозрачными каплями желтого жира. Несмотря на свои беззубые рты, рыбы весьма упитанны. Как видно, акулы-хозяйки успешно промышляют в океанских просторах. И «беззубки» редко бывают голодными.

Валя все о чем-то думает, сосредоточенно потирает лоб. Достав карту, внимательно рассматривает ее, сверяется с компасом. Потом спрашивает у Скачкова:

— Петр... ты не помнишь по лоции, каков здесь берег?

Скачков втыкает в банку нож, споласкивает в океане руки, тоже наклоняется над картой.

— Почти везде низменный. Плечи песчаные. За пляжем лес. Джунгли. Приливная волна очень высока, да у самого берега встречаются рифы и гряды скал.

Валентин размышляет. Мы с Кориным смотрим друг на друга: пойдем к берегу?

— Вот что, ребята, — говорит Валентин, — положение наше чертовски сложное. Продуктов нет, воды тоже... Кроме того, течение потянет нас вскоре в открытый океан. Сейчас мы, пожалуй, вот здесь. Видите? Отсюда течение сворачивает. Пожалуй, на «Марлина» рассчитывать больше нечего. Может, он проскочил мимо и

ищет нас теперь где-нибудь южнее... Я принимаю решение, — Валентин задумывается.

— Ну? — нетерпеливо выдыхает Корин.

— ...принимаю решение идти к берегу.

— Ура... — ликует Стась и звонко хлопает себя ладонью по коленке, — ура, парни! К берегу! В джунгли, в саванны...

— Спокойно, Корин. Штурман Скачков, на руль. Курс норд-норд-ост. Корин, крутите ручку. Это охладит ваш пыл.

День угасает медленно, неохотно. Солнце лениво сползает с лимонно-желтого небосвода. На горизонте ни тучки. Да, здесь всегда так зимой: то ливень, то одуряющая жара.

Двигатель ровно, нутжно гудит, чуть слышно позванивают клапана. За кормой до самого горизонта протянулась взбитая винтом «Корифены» дорожка. Скачков мусолит пустую трубку и посматривает то на горизонт, то на компас. Корин заделывает дырку в резиновой лодке. Бенка ест апельсин. Запах апельсина щекочет нам ноздри. Мы стараемся не смотреть на довольную Бенкину физиономию, а тот старается вовсю — чмокает и прищелкивает своим розовым языком.

Вот уже и стемнело. Теперь над головой лишь россыпь звезд. Лежу на брезенте, подложив руки под голову, смотрю в ночное небо. Не спится. Закрываю глаза, считаю до тысячи... спать, нужно спать. Успокоить нервы. Да и на вахту утром трудно будет подняться. Но нет, сон не идет, веки хоть пальцами держи: глаза раскрываются, шарят по звездному небосводу. Я поднимаюсь на локте, отыскиваю ковшик Большой Медведицы. Он чуть виднеется на севере. Над самым горизонтом.

Г л а в а

V

Синие паруса.— Необыкновенный аквалангист.— Идем на спасение.— Валентин берет в руки гарпун.— Рыба с нашлапкой на голове.— Доисторический пришелец.— Ловим морскую черепаху.— Фиолетовое пятно на чистой поверхности.— Анчоусы и тунцы...— Ночная гроза

— Коля... паруса! Синие!..

Втроем мы лежим на брезенте в каком-то оцепенении. Не то дремлем, не то просто так валяемся от нечего делать. Только Петр маячит на корме: несет вахту,

— Коля, синие паруса! Много-много!

Что это он? Какие еще паруса?

— Что с тобой, Петя? — с тревогой спрашиваю я.

— Да вставай же, черт! — Петр дергает меня за ногу, и я поднимаюсь. С недоверием окидываю взглядом горизонт: пусто. Потом опускаю глаза и вскрикиваю: за бортом лодки мчится по океанской поверхности целая флотилия — маленькие плотики с ярко-синими парусами. А, это велелла-парусница! Одно из интереснейших животных океана, обитающих на его поверхности. Но как эта маленькая флотилия попала сюда? Сейчас безветрие, тишина. А для парусниц нужен ветер. Парусница — настоящий мореход, мужественно переносящая все невзгоды дальних странствий в открытых просторах океана. Однако велелла не просто носится в волнах по воле ветра-пассата, который господствует в местах их обитания и дует всегда в одном направлении. Нет, доверившись ему целиком, парусницы уплыли бы в такие места, где бы им было трудно обитать. Поэтому их паруса поставлены, как у настоящего парусного корабля — под углом к ветру. Велеллы передвигаются все время, совершая круговое движение. В пределах одного благоприятного для их существования района. Велелла путешествует не одна. На маленьком

плотике под сенью изумрудного синего паруса обитает целая колония занимательных существ.

— Петя, подверни чуть-чуть... Сейчас я зацеплю одну...

Скачков поворачивает румпель, сбавляет немного обороты двигателя. Я наклоняюсь над водой и сачком подхватываю один из плотиков. Свою добычу кладу прямо на капот двигателя — забавный плотик и его обитателей. Ну-ну, кто путешествует под синим парусом? Будем знакомиться! Первым показывается маленький, с горошину, крабик планес. Он выскакивает из-за паруса, приподнимается на своих тонких коленных ножках и грозно выставляет раскрытые клешни. Его глазки выскакивают на упругих стебельках из особых пещерок и рассматривают меня в упор. Я щелкаю пальцами, и крабик испуганно падает. Потом вскакивает и боком убегает за парус. Снизу к плотику прикрепилась своими кожистыми ножками морские уточки. А вот совсем крошечная оранжевая губка. Тут же небольшое ракообразное существо идотеа. А это? Что это за обитатель, спрятавший свою легкую раковинку в пузырьчатой пене? Это моллюск янтина. Самый нежелательный для велеллы член ее команды. Поселившись на велелле, моллюск не только бесплатно путешествует по океанским просторам, но и поедает велеллу. Неторопливо пожирает синепарусного морехода, а потом на поплавке в виде слизистой, пенной массы перебирается на другую велеллу.

Аккуратно завернув велеллу в марлю, я, вздохнув, опускаю всю компанию в бидон с формалином. Скачков с кормы укоризненно качает головой. Он вообще большой любитель природы, наш штурман Петя Скачков.

Корин гулко, протяжно зевает, хрипло спрашивает:

— Как там Африка, не видно еще?

— Видно, — отзывается с кормы Скачков, — жители по песку бегают, ковровую дорожку расстилают. Официанты с подносами стоят. С бифштексами...

— Ладно, хватит. Поднимайся. Твоя вахта...

Корин принимает вахту, а я готовлю завтрак. Собственно говоря, чего там и готовить: наливаю из ведра в кружки мутноватой воды — за ночь она немного отстоялась — да снимаю с мачты чуть проявившуюся рыбину.

«Беззубка» оказалась удивительно вкусной. Пожалуй, она напоминала подсушенную горбушу. Помню, когда работал на Камчатке, то мне приходилось часто есть ее. Жирное, сочное мясо с небольшим душиком. Ну просто прелесть! Валентин кивнул головой, и я снял с мачты еще одну рыбину. Стась, придерживая коленкой румпель и не спуская глаз с компасной картушки, пожирал «беззубку». Мы не отставали от него. Все повеселели. Даже Бенка, скучавший последнее время, и тот, обглодав рыбий хвост, попытался сделать стойку на руках. Но не получилось. Упал. Наверно, ослабел сильно...

— Эх, водички бы еще!.. — вздохнул Скачков. Мы все, как по команде, подняли головы вверх: нет, навряд ли дождемся мы сегодня водички. Небо и горизонт совершенно чистые, словно кто-то тщательно, с особым рвением прочистил его. Чтобы ни одной тучкой не запятнать ослепительно голубой фон... И горизонт тоже чист. Как вчера и позавчера. Ни одного силуэта. Пусто...

Трубка после завтрака подняла настроение еще выше. Мы сидели на брезенте вокруг груды обглоданных костей, жабер и плавников. Мы курили прекрасный табак «Золотое руно» и, ощущая в животах приятную тяжесть, бессмысленно улыбались. Никто не икал: рыба была превосходной. А на мачте сухо постукивали друг о друга еще десяток распластанных, сочащихся жиром тушек...

Вот только пить хочется. Очень. Бомбар и Хайердал писали в своих книгах, что человек может привыкнуть к соленой морской воде... Свесившись за борт, я подцепляю ладонью воду, делаю глоток... Тьфу, черт. Горечь невообразимая... тридцать процентов растворенной соли. Б-рр, попробуй-ка привыкни! Пить хочется еще больше. Во рту горит. Язык толстый и неповоротливый. Он еле помещается, хочется высунуть его наружу пособачьи, проветрить. А ведь это только первый день без воды! А что будет дальше? Если застрянем здесь и ливни пройдут стороной? Воды бы, водички... Сколько на земле холодных, прозрачных озер, рек, ручьев! Сколько снега, льдов, которые можно растопить, превратить в воду. Напротив нашего дома по утрам всегда появляется тележка с газированной водой. Такой холод-

ной, шипучей. И тетка льет, льет ее в стаканы. В стаканы и мимо. Прямо на асфальт. Из-под тележки всегда бегут темные ручейки... На берег! Скорее бы добраться до берега...

С усилием отогнав от себя навязчивый образ десятков, сотен, тысяч стаканов, в которых пузырится шипящая, холодная как лед вода, я поднимаю глаза на Скачкова и читаю в его взоре то же, что мучит и меня...

— Водички бы,— Скачков облизал языком распухшие, кровоточащие губы,— или компотику.

Вдруг Корин вскричал не своим голосом:

— Человек за бортом!..

Он резко крутнул руль, мы попадали на брезент, потом вскочили: действительно, метрах в шестидесяти от «Корифены» плыл человек.

— Аквалангист,— сказал Скачков.

Вот уже хорошо видны большие выпуклые очки, желтая шапочка, натянутая на голову. Блестящий горб за спиной. Наверно, баллоны особого вида. Человек плыл брассом. На руках его желтели какие-то полосатые перчатки.

— Корин! Подворачивай круче! Обороты прибавь...— Валя перебежал на самый нос лодки. Мы последовали за ним.

— Выдыхается, бедняга...— прошептал Петр,— замутился, наверно...

Действительно аквалангист все медленнее разгребал руками воду, его голова и горб-баллоны все глубже уходили в волны.

— Об-бороты, Корин! — крикнул Валентин. — Тонет!

Аквалангист... Откуда он? С какой-нибудь подводной лодки? Или отнесло в океан течением от берега? Или... но что это? Я напрягаю зрение. Так это же...

— Ребята... так это же черепаха!

Ну конечно же! Это не очки, а ее большие выпуклые глаза; не руки в перчатках, а ласты. И не баллоны за спиной — панцирь. И нет у животного никакой резиновой шапочки: это голова такая. Блестящая, желтая. Издали действительно как купальная шапочка на человеческой голове... Еще десяток метров, еще немного. И вот мы уже хорошо видим ее морду, похожую на клюв хищной птицы.

Валентин торопливо привязывает к бамбуковому древку гарпуна капроновую веревку. Встает на носу лодки, заносит руку над головой. Черепаха перестает плыть, чуть шевеля ластами, она качается в мелких волнах, высунув голову, внимательно всматривается в нашу лодку. Валентин поднимает руку выше, надеясь попасть в мягкие части ее тела. Р-раз! Гарпун, сверкнув лезвием ножа, ударился в панцирь и со звоном отскочил, плеснувшись в воду. Черепаха наклонила голову вниз, загребла под себя воду ластами и нырнула.

— Вот она! Вот, парни! — Корин, свесившись за борт, тыкал пальцем вниз. Там, на глубине метров шесть, неторопливо проплывал наш «аквалангист». Движения его были плавны и неторопливы. Как видно, черепаха превосходно чувствовала себя в этих водах и не очень-то испугалась ни лодки, ни гарпуна.

— Разворачивай... Сейчас вынырнет...

Валентин вытянул из воды свое оружие и опять принял позу гарпунера конца прошлого столетия.

— Как в книжке «Моби-Дик», — сказал Скачков.

Но зря Валька принимал живописную позу. Черепаха не всплыла. Она глубже и глубже уходила в воду, пока ее силуэт совсем не растворился в фиолетовом сумраке.

Корин вновь переложил руль, и лодка пошла прежним курсом. На норд-норд-ост. В направлении к африканскому берегу.

А солнце жжет, прокаливает наши тела. Лучи огненными спицами вонзаются в кожу, мышцы, кажется, в самый мозг. Поверхность воды ослепительна. Миллионы солнечных бликов дрожат и дробятся в мелкой волне. Жгучие, солнечные зайчики скачут по нашим лицам, настойчиво, упрямо лезут под распухшие веки, в глаза... прорва света... Разящего, жгучего света. И духота. Потрясающая, неподвижная духота. Перегретый воздух дрожит и колеблется. Горизонт кажется не ровным, а волнистым, зыбким. Дождя бы! Ливня... холодной пресной воды!

Радостное возбуждение от сытного завтрака и встречи с черепахой прошло. Ребята опять приуныли, сникли. Нет, так нельзя. Нужно чем-то заняться, развеяться. Впереди еще много трудностей, испытаний. Впереди еще высадка на берег. И надо быть бодрым. Надо быть...

Я окидываю взглядом воду. Вот там еще черепаха. Корин тоже заметил, чуть изменяет курс, направляет лодку к ней...

— Валя, черепаха, — говорю я.

— Ну ее к черту... — машет рукой «адмирал», — пускай плывет.

— Может, искупаемся? — предлагает Скачков.

Валентин молчит. Мне кажется, что ему сегодня просто немного нездоровится. Или не выпался: ночью он дежурил.

— Двигатель надо немного остудить. Перегреется... — настаивает Скачков. Валентин смотрит за борт: нет, нигде не видно акульих плавников. Пожалуй, действительно нужно искупаться.

— Корин, глуши... двоим следить за водой, двое в воду...

Вместе с Петькой они валяются в волны. Натянув ласты, я сижу на носу лодки, свесив ноги вниз. Валя и Петр плавают около лодки, ныряют под нее и выскакивают с другой стороны.

Потом настала наша очередь. Вода теплая. Градусов двадцать восемь. Она совершенно не остуживает перегретых тел. Я плыву, усиленно работая ногами, и чувствую, как на теле выступает пот.

Раскинув руки и ноги, повисаю над фиолетовой бездной. Вглядываюсь в ее глубь, отдыхаю. Там пусто. Никого не видно. Потом я чувствую, как что-то липкое и жесткое прикоснулось к моей спине. Я испуганно перевернулся, и мимо моей маски проскользнула черная, со светлой продольной полоской головастая рыбина. Прилипла!

Рыба, как видно, пыталась прилипнуть ко мне. Испугавшись моего движения, она шмыгнула прочь, покрутилась над лодкой и, прилипнув присоской к днищу «Корифены», повисла вниз хвостом.

Послышался звонкий стук. Это Валька дает команду, стучит заводной ручкой в борт. Пора в лодку... Кажется, совсем немного поплавал, но очень сильно бьется сердце. В глазах желтеют круги: устал.

Солнце совершенно взбесилось. Мне кажется, что с неба прямо на нас капают и прожигают насквозь расплавленные капли. Хоть бы скорее наступил вечер! Эта

раскаленная лоханка, горячий воздух, горячая вода... Ну как только люди живут в тропиках?! Снегу бы сейчас, много снегу. Чтобы упасть в него, зарыться в холодный, колющий снег с головой, с пятками. И чтобы еще сверху набросали большой пушистый сугроб. Или вдруг бы мы подплыли сейчас к айсбергу. Мы бы вскарабкались на его студеную, ледяную вершину и легли, повалились бы на дышащую холодом поверхность своими горячими спинами, животами.

— Черепаха. Вон еще одна плывет, — доносится до меня голос Корина. — Николай, чего это они здесь расплавались?

— Где-то поблизости отмели, ребята, — вяло говорю я, — морские черепахи кормятся на них. Едят водоросли, моллюсков, раков, крабов. Ловят рыбешку. Промышляют разную живность.

Валентин приоткрыл набухшие веки. Скачков, устроившись поудобнее, чесал Бенке живот и смотрел на меня. Ждал, что я еще что-нибудь расскажу. Он любил рассказы про животных.

— Так вот о черепахах. Это интереснейшее существо океана...

— Кого бы ты ни упоминал, у тебя все океанские существа «интереснейшие»...

— Потому что они все действительно очень интересны. Вот, например, та же черепаха. Представьте себе, что черепахи — одни из немногих живых существ, населяющих нашу планету, сохранившие свой облик неизменным в течение многих миллионов лет. Когда-то летали над прибрежными водами морей и океанов зубастые птицы, проламывались в папоротниковых лесах гигантские ящеры. А в море плавали черепахи. Ну совершенно такие же, как та, которую мы чуть не загарпунили...

Так вот доисторические черепахи имели то же строение тела, вели тот же образ жизни, что и современные. Откладывали в песок яйца, белые, в мягких кожурках; кормились на мелководных банках и почти всю жизнь проводили в открытом океане, возвращаясь на берег, чтобы отложить яйца. Врагов у них почти нет. Если, конечно, не считать человека. Человек довольно быстро истребил гигантских сухопутных черепах, так называемых слоновых. Они обитали на многих островах Ти-

хого, Атлантического и Индийского океанов. Мореплаватели ловили этих малоподвижных животных и загружали ими трюмы своих парусных кораблей. Крупные, мясистые животные могли очень долго обходиться без пищи и воды. А мясо у них жестковатое, но в море это куда как лучше, нежели протухшая солонина.

Солнце в зените. Кажется, что оно зацепилось там за что-то и теперь не может сдвинуться с места. Чтобы начать свой вечерний путь к западной кромке горизонта... В воде показывается еще одно пятнышко. Опять, наверное, черепаха.

— А я знаю, как ее изловить,— сказал Корин,— попробуем, парни?

— Попробуем,— соглашается Валя.

На руле Скачков. Он сбавил обороты двигателя до самых малых. Лодка еле-еле поползла по океану... Маленькие волны, бугрившие поверхность залива с утра, пропали. Кругом совершенно гладкая вода. И только желтое пятнышко в сотне метров впереди. Наверно, черепаха.

Корин достал смотанный поводец, на котором совсем недавно билась акула, отрезал от одной из рыб кусочек мяса и насадил его на крючок. Потом опустил снасть в воду и стал смотреть вниз.

— Куда ты смотришь? — удивился Скачков. — До черепахи еще метров шестьдесят!

Но я знал, почему Корин смотрел в воду. Я тоже свесился с борта: около наживки уже крутился прилипала. Конечно, он еще не проголодался. Еще со вчерашнего дня его живот выпукло бугрится. Конечно, можно и не глотать этого кусочка. Но он такой соблазнительный, такой жирный и, наверно, очень вкусный, что... Прилипала разинул свой большой, с лопатообразной нижней челюстью рот и...

— Ведро с водой! — крикнул Корин.

Я зачерпнул ведром воды, и Корин, не снимая с крючка, опустил туда прилипалу. Затем Стась смотал с катушки спиннинга метров двадцать крепчайшей толстой лесы и разрезал на два куска. Один побольше, другой значительно меньше. Короткую леску мы продали прилипале под жабры, длинную накрепко закрепили на туловище, у основания хвостового плавника.

— Петя! Полный вперед! К черепахе... — Корин выплеснул воду вместе с прилипалой за борт. Рыба шмыгнула под лодку и присосалась к днищу.

Черепаха уже рядом. До нее всего метров двадцать. Корин дернул за коротенькую леску, и прилипала тотчас «отлип» от лодки. Если бы его тянули за лесу, что укреплена на теле, то он быстрее бы дал себя разорвать на две части, нежели отлепился бы. Но когда рыба чувствует, что жилка впивается в нежные жабры, она тотчас выпускает под свою присоску воду и отваливается.

Корин выдернул длинной лесой прилипалу из воды, раскрутил рыбу над головой и метнул в сторону черепахи. Нет, не получилось... Расстояние до черепахи оказалось более далеким, нежели до лодки. И головастая рыба вернулась к лодке.

— Ап! — Корин не дал ей присосаться к «Корифене». Выхватил рыбу из воды, крутнул раз, другой, еще и...

— Ой! — послышалось из лодки. Корин крутнул рыбу слишком низко, а Валентин не успел наклониться, и рыбина накрепко прилепнулась, присосалась к его плечу. Валька сунул под рубчатую нашлапку мизинец — рыба отпала... Черепаха совсем рядом... еще взмах, всплеск... леса туго тянулась. Есть!..

— Петя, выключай! Под винт затянет!..

Скачков торопливо крутнул ручку газа, двигатель хрюкнул и стих. Вместе с Валентином мы уже помогали Корину: из воды к поверхности всплывала черепаха. За нашими спинами суетился Скачков, вязал петлю из капроновой веревки. Вода взбурлила, черепаха вынырнула и отчаянно замолотила своими передними ластами. Прилипала намертво присосался к панцирю животного и судорожно то открывал, то закрывал свои жаберные крышки.

Свесившись за борт, Петр накинуд петлю на морщинистую черепашую шею, вторую петлю мы подвели ей под брюхо. Бенка пронзительно верещал на мачте. Он отвязывал рыбин и бросал в нас. Он очень боялся этого страшного, костистого животного. Бенка никогда не видел раньше ничего подобного и страшно переживал.

С большим трудом мы перевалили черепаху в лодку и, шумно дыша, расселись кругом. Корин снял с пан-

циря рыбу, отвязал все лески и отпустил. Она свое дело сделала.

Черепаха, неуклюже приподнимаясь на ласты и задние плоские лапы, пыталась куда-то ползти. Но, натолкнувшись на борт, замирала и то чуть втягивала под панцирь, то высовывала свою голую, в костяных пластинах голову.

— Не сдохнет? — обеспокоенно спросил Петр.

— Нет. Она очень долго может обходиться без воды.

Черепаха, наверно, была очень старой. Панцирь ее во многих местах потрескался и весь зарос белыми раковинками усоногих рачков баянусов. Я скovyрнул один ножом. Под ним оказалось углубление: баянусы выделяют какую-то ядовитую слизь, которая разрушает панцирь животного...

— Что с ней делать будем? — спросил Валентин.

— Убьем, — предложил Корин, — я бы хотел иметь такой панцирь на стене своей комнаты, парни...

Валя постукал черепаху по панцирю. Та медленно повернулась к нему своей клювастой, с выпуклыми мокрыми глазами головой.

— Плачет... — вздохнул Петр, — ну ее, выпустим.

— Выпустим, — поддержал я его.

И черепаха бултыхнулась в воду. Обратно в океан. В свою стихию.

Солнце наконец-то сдвинулось с мертвой точки и начало клониться к горизонту. Стало немного легче дышать. Откуда-то пахнуло свежим ветерком, пробежала по воде синяя рябь. И снова все стихло. Лишь мотор нашей лодки озабоченно лопочет. Если свеситься с кормы, то можно увидеть стремительно вращающийся винт. От него к поверхности бежит множество белых пузырьков.

Тишина и покой. Изредка с легким дождевым шумом из-под самого носа «Корифены» выскакивают летучие рыбки. Мелочь прыскает от лодки во все стороны. Крупные рыбы поднимаются на крыло поодиночке. Прежде чем взлететь, они долго мчатся перед стальным форштевнем лодки, а потом, оставляя на воде зигзагообразную полоску, покидают воду. Летят они секунд сорок пять. И, отлетев подалее, шлепаются в воду. «Летучки». Конечно, правильнее бы их назвать

планерками. Ведь они не летят, не машут крылышками-плавничками. Они просто планируют, используя разгон в воде и теплые потоки воздуха, поднимающиеся от океана.

Тишиной и покоем дышит наступающий вечер. Кажется, что мир царит в этих спокойных водах. Мир ли, покой? Нет, конечно. Тишина над океаном обманчива. В тихих, спокойных сейчас водах ни на минуту, ни на секунду не прекращается борьба за существование, в которой более сильный губит более слабого и в которой победитель может пасть жертвой еще более сильного и смелого врага.

— Косяк!..

Голос Скачкова отвлек меня от мыслей. Что там еще за косяк? Чей? Да, Петр не ошибся: прямо по курсу на воде темнеет большое фиолетовое пятно, вспыхивающее ослепительными искорками. Вода по краям пятна и в середине его кипит. Порой из океана выскакивают какие-то рыбины и падают обратно. Над кипящим пятном с пронзительными криками носятся узкокрылые чайки. Они падают в воду, выхватывают из нее что-то и вновь, оглашая океан своими скрипучими голосами, взмахивают вверх.

Через несколько минут мы врезаемся в фиолетовое пятно и, свесившись с бортов, смотрим в воду: в ней кишит мелкая, с мизинец, рыба. А, это анчоус! Из нее во многих странах мира изготавливают прекрасные консервы. Нежная, вкусная рыбка. Конечно, и в океане до жирных анчоусов много охотников. Не обращая внимания на нас, кругом лодки шныряют в воде, выпрыгивают из нее и обрушиваются на головастых рыбешек тунцы. Это пятнистые тунцы. Под грудными плавниками на серебристом плотном теле виднеются по три темных пятна. Падением своего тела тунец глушит анчоусов, а потом быстро, жадно прожирает полуживых рыбок. И чайки крутятся здесь же. Живых, подвижных рыбок им не поймать, а вот оглушенных они успевают выхватить из воды.

Своим сачком мне удастся подцепить нескольких анчоусов. Скачков включает двигатель, и мы покидаем место побоища; к нему подлетают все новые и новые

чайки, а под водой спешат, торопятся тунцы, макрели, акулы...

Да, нет мира, нет тишины и покоя в океане. Как вообще и во всем животном мире, во всей природе нашей планеты...

А солнце уже повисло над самым горизонтом. Фиолетовая полоса могучим магнитом притягивает вишневый шар. Еще десяток минут — и станет темно.

Нарушая судовой порядок, мы ужинаем пораньше, пока еще солнце не закатилось. Пока еще светло. Никто не страдает отсутствием аппетита, только уж очень пить хочется. Мне кажется, что из меня за день испарилась вся влага, какая только была в моем организме. Десны саднит, на языке мелкие болезненные ранки. Наверно, ведро воды выпил бы сейчас, может, больше... Опустил бы голову в ведро и пил бы, пил...

— Что-то сейчас на «Марлине», — нарушает тишину Петр, — соскучился. Люблю я его... этого океанского бродягу. Думаю о нем, и вот тут сосет, что-то беспокоит. Помню, и на берегу также: если не уезжаю из города в отпуск, то все время тянет в порт. Посмотреть на «Марлина», как идет ремонт, покраска. Ни одного отпуски не догулял. Не могу, чтобы кто-то другой вместо меня ушел на «Марлине».

— Станции надо делать, — ворчит Валентин.

— Промысловики ждут, а мы тут подпекаемся, — помогает Стась.

— ...прохлаждаемся, — сердито заканчивает Валентин, — курортники!..

— Брось ты! — обижается Стась. — Хорош курорт! Ха... по мне уже анатомию изучать можно. Смотри, весь скелет наружу. Ух, доберусь я до судового камбуза. Там так всегда вкусно пахнет манной кашей. На молоке...

— Ну вот, завздыхали. Кашку вспомнили. Не будем об этом, ребята. Давайте о чем-нибудь другом. О значительном. Запомнившимся на всю жизнь. О своих мечтах... Подожди, Стась. Ты будешь опять о папке-дипломате и синеглазых девчонках... Давай, Коля.

— О мечтах? Гм, о мечтах... собственно говоря, мечта моя осуществилась. Я всегда мечтал о море. И вот я в море. В океане... А сейчас мечтаю о берегу. О твердой земле под ногами. У меня все время так: на берегу ду-

маю о море, в море — о берегу. Наверно, так у каждого... Еще я всегда мечтал о приключениях, путешествиях. И опять все осуществилось: работал на Камчатке, Чукотке, Курилах. Теперь в тропиках...

— Брось ты, Коля: «мечтал о море... путешествиях...». Все это из далекого розового детства. Просто случай столкнул нас с берега на палубу судна. Я, например, по конкурсу не прошел в институт и подался в училище. Петю в мореходку друзья затащили, Валя стал гидрологом потому, что у него отец тоже гидролог... Ха, а ты — «мечта». Тоже мне, мечтатель! Ребеночек...

— Напрасно ты так, Стась. Может, у тебя случай... А я не случайно. Нет. С детства стремился к этому. Может, потому, что жил возле моря, в Ленинграде. На Петроградской. Там, бывало, утром распахнешь окно — и в лицо тебе ударит свежий солоноватый ветер. С залива... Корабли на Неве... их гудки. Чайки над асфальтом, бородатые парни с иностранных судов... А в блокаду, может, я и выжил потому, что кроме как о куске хлеба мечтал еще о жарких странах, о море синем-синем, в солнечных брызгах... А ты, Стаська, прикидываешься: ты ведь тоже мечтатель... Жюля Верна-то до сих пор почитываешь... а?

Помолчали. Петр кашлянул, потер ладонь о ладонь.

— А у меня все сложилось по-другому, ребята. Вы ведь помните, как погиб «Меркурий»? Налетел на камни возле Фарерских островов и через полчаса пошел на дно. Я в то время случайно на плавбазе «Петрозаводск» оказался. Близко мы были от места гибели «Меркурия», только «SOS» получили — к нему... Вечерело, волна — восемь баллов. Валит с борта на борт. Минут через двадцать подошли к «Меркурию», а он уже под воду уходит, одни мачты из воды торчат. Люди в воде бултыхаются черными такими точками... То выскакивают на гребень волны, то проваливаются, исчезают. Смотрю в бинокль: все меньше и меньше точек. Подобрались мы чуть не к самым камням, люди рядом — вот они: лица белые, кричат что-то, а ветер ревет, гудит, волны грохочут. Люди — вот они, а как поднять из воды? Шлюпку не спустишь: расколотит в щепы, не только не спасем, своих потопим... А людей в воде все меньше и меньше: температура минусовая, больше десяти — пятнадцати минут не выдержишься. Бросаем мы им

спасательные круги, привязанные к концам, цепляются за них люди, но руки не держат: сил нет... И волна бьет, лупит о борта. Подтащили одного — волна его бац о железо... подволокли другого — хлоп, и на обшивке только пена красная. Потом все же вытащили троих...

Петр вздыхает, зябко ежится, словно еще раз ощутил, представил себе, как холодна вода там, у Фарер, глубокой осенью.

— В позапрошлом году это было, но не могу забыть: люди гибнут, а помочь не можем... — Петр замолчал, облизнул сухие губы. — После того рейса чуть с судна не списался: вдруг стало страшно. Испугался моря. И Ника каждый день одно и то же: «Уходи... боюсь». Потом отошло. Ведь я же моряк. Не могу быть без соленой воды... А Ника ушла.

Стемнело. Метрах в двадцати от «Корифены» кто-то бултыхнулся. Все вздрогнули. По воде пошли большие круги.

— Да, Петя. В море, бывает, и гибнут. А женщины, они такие: если любят, то тянут на берег, с судна. Я когда ухожу в рейс, Светлана меня за колени хватает, чемодан из рук вырывает. И тоже все грозитя: «Бросай море, уйду». А теперь вот еще ребенка ожидаем. — Валентин задумался, побарабанил пальцами по плану. Вздохнул. — Ну ладно.

Пора спать. Тем, кто свободен от вахты. Моя еще не скоро, и я устраиваюсь около Корина...

— ...Коля, вставай. Твоя вахта... ну что ты, как котенок, тычешься в разные стороны? Умой физиономию... джентльмен удачи... ха, не выспался, детка. Держи компас...

Месяц лодочкой скользил над океаном. Иногда он исчезал, потому что прятался за островки туч. Потом снова показывался. Ярко-желтый, с крутой кормой и носом. А звезды сегодня, словно их горстями разбросали по черному небу. Тучи... тучи напозлали на небо, и звезды, как из окон, выглядывают между ними...

Потом где-то вдали гроыхнуло. Звезды совершенно скрылись, пропала лодка-месяц. Посвежело. Налетел холодный ветер, лодка подскочила на волне, громко стукнулась днищем, провалилась в темноту и вновь взлетела. Над головой с оглушительным, трескучим грохо-

том столкнулись тучи... ослепительно вспыхнула молния и ломаными линиями вонзилась в океан. И хлынул ливень. Вода, пресная, холодная, тугими струями обрушилась на «Корифену». Корифенцы с воплями вскочили на ноги и подставили воде свои лица, рты. Корин прыгал и визжал, Валька бил себя в грудь кулаком и пел: «Приятель, смелей разворачивай парус...» Скачков оглушительно икал. А Бенка, забившись куда-то под брезент, испуганно пищал. Наверно, решил, что все обитатели «Корифены» сошли с ума.

Вскоре ливень прошел. Умчался дальше. Мы же еще долго копошились, прыгали в лодке, пытаясь согреться: температура упала градусов на восемь, и мы страшно замерзли. Мы прыгали, а в наших животах плескалась и булькала вода. Настоящая — пресная, чистая, свежая. Без которой человек не может жить...

глава

VI

Утренняя трубка.— Подготовка к высадке...— Кашалот.— Кто браконьерствовал в океане? — Гигантские водоросли макроцистис.— Мероу — хозяин подводных джунглей.— Опасные шипы морского сома.— Змея.— Разговор о любви.— Бутылка для Джил с «Амбассадора»

Ночной ливень основательно остудил перекаленный воздух над заливом. Небольшой ветер все время обвеивает нас; тепло, но лучи не жгут, не разят. По небу торопливо, словно отставшие от стада белые бараны, ползут пухлые тучи. На время они закрывают солнце, и тогда наши глаза перестают щуриться, а легко и свободно раскрываются во всю свою ширь. И это очень приятно, когда смотришь на мир не через узенькие щелочки век, а во все глаза.

Валентин с Петром размышляют над картой. Подсчитывают, сколько мы прошли и сколько еще миль, примерно, конечно, осталось до высадки.

— Давайте все сюда... Корин, вырубай мотор, — командует Валентин, — обмозгуем высадку. Петя, трубку.

Остроносый Мефистофель с интересом вглядывается в четкие контуры африканского побережья, к которому пунктирной линией стремится нарисованная карандашом стрелка. Это наш предполагаемый путь.

— По нашим с штурманом Скачковым подсчетам, ночью мы должны увидеть берег. По-видимому, высадимся вот здесь... В Гане. У самой границы с республикой Того... Будет очень плохо, если течение утянуло нас значительно восточнее. Того — это нам совершенно ни к чему. Язык там французский. Могут быть разные трудности. Но я надеюсь, что мы сойдем все же на берег Ганы. Доберемся до порта Тема и свяжемся с судном по радио.

Валентин глубоко затягивается, передает трубку Корину.

— Теперь о самой высадке. Могут быть всякие неприятности: ну там рифы, сильный прибрежный ветер, накатные волны...

— ...девяносто процентов несчастных случаев в море происходит во время высадки на берег, — дает справку Корин.

— Тебя никто не просит лезть со своими справками. Так вот пробуем прошмыгнуть на двигателе мимо камней и выброситься на песок. Если что случится... гм... на всякий случай своим заместителем назначаю Леднева. По берегу пойдем на запад. В сторону Темы. Я думаю, что на побережье найдем рыбаков. Вот и все. А сейчас давайте займемся подготовкой к высадке.

Двигатель снова озабоченно заработал. Скачков, отвинтив пробку топливного бака, сует в его горловину тонкую щепку. Качает головой: маловато...

В лодке веселая возня: высадка... на берег! Конец морским скитаниям, конец... Если все будет благополучно, то уже в ближайшие несколько дней мы будем на палубе «Марлина». В своих каютах, среди своих... И сразу же радиogramму домой: «Жив здоров целую...» Сразу же.

...Инструмент и разное имущество заворачиваем в брезент, связываем веревками. Я накрепко завинчиваю цинковый бидон с формалином. Валя тщательно пакует в хлорвиниловый мешок карту и журнал наблюдений за течением. Журнал первой нашей суточной станции в Гвинейском заливе. Корин накачивает ножной помпой резиновую лодку, Скачков вырезает из куска резинового паруса лоскут, делает мешок для коробки с табаком «Золотое руно».

Неожиданно ветер доносит какой-то неприятный запах. Скачков встает ногами на кормовую банку, вглядывается вперед, широко раздувая ноздри, внюхивается. Пахнет разлагающейся падалью. Сладковатый, тошнотворный дух все усиливается. Словно мы приближаемся к его источнику.

— Темный предмет на горизонте! — сообщает Петр.

Мы уже и сами видим этот предмет: темная, быстро разрастающаяся над горизонтом глыба... Что это может быть? Темный, по-видимому, очень большой предмет

прямо по курсу нашей лодки. Проходит пятнадцать... двадцать минут. Предмет все выше поднимается над водой. Над ним кружатся сотни птиц.

— Кит. Дохлый, — говорит Валентин.

Точно: кит. Дохлый... Страшное зловоние идет от громадной, глянцево сверкающей надутой туши. Во многих местах кожа полопалась. Около красных трещин дерутся, кричат злобными, голодными голосами чайки. Любая из птиц старается занять местечко поудобнее, повыше. Там, где можно стоя клевать тушу. Лапы птиц скользят по шкуре, и чайки с негодующими криками падают в воду. Вокруг погибшего кита вскипает, пенится вода. Порой из нее выскакивают макрели, зубастые рыбы — ваху. Я представляю себе, какой пир там сейчас идет. Под водой... Тысячи различных рыб и морских существ треплют китовую тушу, отрывая кусочек за кусочком от глыбы полуразложившегося мяса. При нашем приближении птицы стаями взмывают в небо и встревоженно носятся над водой. Может, боятся, что мы заберем с собой такое богатство.

Скачков круто кладет руль на левый борт, и мы разворачиваемся, подходим к туше поближе. Что случилось с китом? Сдох от старости? В воде виднеется громадная голова животного с раскрытой пастью. Нижняя челюсть отвалилась, словно гигантское бревно, усаженное белыми шипами зубов. Это кашалот. Зубастый кит. В пасть его плываю и выплывают длинные полосатые рыбы. Тут же неторопливо плавают разбухшие, полусонные от обильной еды акулы. Ишь твари... набили свои желудки. А может, кашалот погиб в схватке с гигантским кальмаром? Крупные океанские головоногие — излюбленная пища кашалота. За кальмарами они ныряют на глубину до пятисот — шестисот метров. Схватив животное, кашалот выволакивает его на поверхность океана и пожирает. Но не всегда схватка с подводным чудовищем оканчивается для кашалота удачно. Не всегда. Может, и этот кит не рассчитал своих сил и был задушен щупальцами кальмара?

— Может, подойдем ближе?.. — говорит Скачков гнусавым голосом. Нос он зажимает пальцами: невообразимое зловоние насытило воздух. Невозможно дышать.

— Давай на старый курс, — распоряжается Валентин, и «Корифена» отворачивается от кита. Прочь. По-

дальше от этой глыбы мяса и костей... Скорее на свежий воздух.

День летел быстро, торопливо. Увлеченные предстоящей высадкой на незнакомый африканский берег, мы не смотрели на часы, не подсчитывали, сколько еще осталось до вечера, ночи. Мы разбирали свое барахло, крепили к бортам лодки багры, снятую мачту, паруса. И хотя до берега было еще далеко, все посматривали на север. Завтра мы должны увидеть там синие, дрожащие от зноя возвышенности.

Завтра... Ну скорее бы настало завтра! Все упаковано, спасательные нагрудники надуты, неприкосновенный запас продуктов — полкруга колбасы и две провяленные рыбы завернуты в продуктовый мешок, и к ним привязан пенопластовый поплавок. Подготовка закончилась. Двигатель выключен, дрейфуем к берегу. Неприятный ветер подгоняет нас к пока невидимому материку. Мы медленно, но верно приближаемся к Африке. Ведь мы уже в зоне прибрежного ветра. С утра суша накаляется, горячий воздух поднимается к небу и в образовавшийся вакуум устремляются потоки прохладного морского ветра. С утра он слабый, днем становится сильнее. И даже во время полнейшего штиля у берега грохочет прибой. Ветер гонит на песчаные пляжи высокие накатные волны, и они без устали шумят своими пенными валами. Нет, не легко высадиться на берег. Тем более если у берега окажутся рифы, подводные скалы.

Ребята, коротая часы, дремлют. Бенка внимательно копошится в голове Петра. Скачков блаженно жмурится: уж очень приятно и осторожно перебирает волосы Бенка...

Ветер слегка рябит воду. А вот впереди... странно, почему это? Впереди совершенно чистая, совершенно гладкая, как зеркало, полоса на поверхности залива. Я встаю на капот двигателя. Полоса широченной лентой тянется от горизонта к горизонту. Мелкая волна, словно споткнувшись об эту гладкую полосу, исчезает.

Корифенцы, поднятые мной, тоже внимательно всматриваются в блестящее водное зеркало, ломаной широкой линией вставшее на нашем пути. По краям еще колышутся желтоватые хлопья пены, какая-то мор-

ская трава. А дальше совершенно чистая, прозрачная вода.

Лодка прорезает пену; склонившись с бортов, мы вглядываемся вниз: там колышутся широкие, зелено-вато-синие водоросли. Лес водорослей. Настоящие подводные джунгли.

— Макроцистис, — говорит Валентин, — это водоросли макроцистис. Я читал про них у Чарлза Дарвина. В своем дневнике о путешествии на «Бигле» он писал о них. Помнишь, Коля? Я ведь у тебя брал книгу.

Да, я тоже теперь помню... макроцистис... водоросли, поразившие Дарвина и его спутников своей длиной и крепостью. Действительно, водоросли макроцистис — это великаны подводных лесов. Еще знаменитый капитан Кук писал в своей книге «Второе путешествие», что стебель макроцистис может достигать длины в триста шестьдесят футов. Ведь даже сама приставка «макро» (греч.) указывает на большие размеры. По крайней мере водоросли поднимаются с глубины в несколько десятков метров. Растут они не вертикально, а наклонно: большая часть стебля растягивается по поверхности моря.

— Мы уже на береговой отмели, ребята... — Валентин задумчиво смотрит в воду. Кажется, будто теперь мы не плывем по воде, а скользим по широким, на вид слизистым, слегка колеблющимся стеблям. Да, ход «Корифены» совсем замедлился. Ветер с трудом проталкивает ее через подводный лес. Я опускаю в воду руку: она сверху покрыта плотной, будто жирной пленкой. Это слизь, выделяемая громадной массой водорослей. Пленка такая толстая, плотная, что ее не в силах взволновать даже сильный ветер. А вот мы, пожалуй, и совсем застряли...

— Остановились, — неуверенно говорит Петр.

Корин в сердцах сплюнул и хлопнул ладонью по колену.

— А если... знаете, как в Саргассовом море. Суда застревают в водорослях...

— Первым мы скушаем тебя, — нервно смеется Скачков и свешивается с борта лодки; нет, никакого движения. Завязли, как муха в смоле...

— Бросьте вы. Петя, ну-ка крути ручку. — Валентин пересаживается к двигателю. Лицо его спокойно,

но по тому, как он покусывает губу, я вижу: волнуется.

Петр крутнул раз, другой — и «Корифена», залопотав двигателем, медленно, тяжело сдвигается с места. Водоросли шевелятся под ее брюхом, волнуются, и лодка ползет по их скользким стеблям.

— Порядок. — Валентин выключает двигатель. — Будем экономить горючее. Может, ветер усилится. Подтолкнет к берегу.

— Что ты еще знаешь об этих травах? — спрашивает Корин Валентина. — Выкладывай. Прочитай нам коротенькую лекцию. Просвети...

— Еще? Гм... водорослям этим не страшны никакие штормы и ураганы. Какой бы силы ни был ураган, он не может вырвать водоросль макроцистис из грунта. Они в некоторых районах океана, как подводные волноломы, защищают берег от разрушения. Например, в порту Санта-Барбара в... не помню где...

— Санта-Барбара в Калифорнии, — уточняет Скачков.

— Да, в Калифорнии. Там эти водоросли — единственный волнолом. Подводный лес стоит такой густой и плотной стеной, что волны разбиваются о него. Водоросли защищают от волн суда, стоящие в гавани...

— Все ясно... Ну, а что теперь делать будем?

— Сейчас будем загорать. Можно рыбку половить. Среди водорослей много всякой живности.

— А понырять? — предлагаю я.

— Давай, только осторожно...

Вода почти без всплеска сомкнулась над моей головой.

Нырнув на несколько метров в глубину, я схватился рукой за широкий скользкий стебель и осмотрелся. Слегка колеблющиеся стебли уходили в глубину. Слово диковинные гигантские перья неизвестной птицы, они легкими лентами поднимались снизу и круто изгибались у самой поверхности воды. Было часа четыре дня, и солнце еще высоко стояло на небе, но в воде был приятный зеленоватый полумрак. Лишь кое-где солнечные лучи сверкающими клинками вонзались между стеблями макроцистис в воду. В них, словно плыли в воздухе или как комары над болотом в теплый день, толкались тысячи мелких рыбих мальков. Какие-то рач-

ки, золотисто-розовые, усаые и очень подвижные, прыжками проскакивали через солнечные лучи. Эти рачки, наверно, очень боялись яркого света, и вместе с тем он все время влек их, притягивал. И рачки вновь и вновь совершали скачки в солнечных лучах, а потом испуганно шныряли под защиту широких, бахромчатых по краю стеблей. Вынырнув, я отдышался и вновь погрузился под воду. Уж очень хороши эти солнечные столбы, ворвавшиеся в морскую глубину! Рыбы мальки, пузатые и пучеглазые, мечутся в полосе света, они носятся за мельчайшими розовыми, похожими на блох ракообразными. Но вот из стеблей высунулась большая глазастая голова и уставилась на мальков. Я внимательно присмотрелся: пожалуй, мероу. Обитает в Атлантике такая рыба, относящаяся к окуневым. Да, это мероу... большой губастый рот, выпученные глаза, массивное, на вид неповоротливое тело. Излюбленная добыча подводного охотника. Добыть такую рыбку, достигающую до полутора метров длины и веса в полсотни килограммов, доставит честь любому спортсмену. Но я не жалею, что оставил ружье в лодке. Ну его... Не хочется связываться: мероу очень живуч и силен. А спина его вооружена десятью крепчайшими шипами-лучами спинного плавника. Эти шипы, как кинжалы, могут вонзиться в тело подводника, загарпунившего окуня... Нет, будь даже в моей руке ружье, я бы не решился нажать на курок. Уж лучше я понаблюдаю за ним. Ишь старина, залюбовался рыбешками. Но вот мероу неторопливо раскрыл свою пасть, словно зевнуть собрался, и так с открытым ртом чуть поближе пододвинулся к увлекшимся пучеглазым рыбешкам. А потом... что это? Мерову с силой мощного насоса втянул в себя воду и захлопнул пасть, в которой оказалось и с десятков рыбок-резвущек. Рыба мелкота испуганно прыснула в разные стороны, а мероу величественно проплыл через столб света, продемонстрировав мне свое великолепное толстое и сильное тело, покрытое крупной чешуей и окрашенное в серо-зеленоватый цвет с вертикальными темными полосами. В его неторопливых, полных достоинства движениях чувствовалась большая уверенность в себе. Мерову смел и зол. Он не терпит соперников и прогоняет другого окуня, оказавшегося в его подводных владениях. Здесь он почти полноправный хозяин: акулы

в подводные леса заглядывают редко, осьминоги любят каменистые участки океана, а кальмары — чистые, глубокие воды. И поэтому так уверенно чувствует себя мероу в вечно колеблющихся сумеречных подводных джунглях.

Заглянуть бы туда, чуть поглубже. Набрав в легкие воздуха, я ныряю. Вода не пускает меня вниз, выталкивает. В ушах больно, вода с тонким, пронзительным звоном давит на перепонки. Водоросли отвесно опускаются в густо-зеленую темень. Холодный ток воды омывает тело. Делаю глотательное движение, звон стихает. Зацепившись руками за водоросли, я на несколько секунд замираю. Там, внизу, мелькают какие-то тени, неясные, бесформенные пятна. Мне кажется, что из-за каждого стебля смотрят на меня чьи-то внимательные недружелюбные глаза. Становится жутко. Я разжимаю руки и пробкой выскакиваю на поверхность. К солнцу, к порядком надоевшим, но таким дружелюбным физиономиям приятелей-корифенцев.

— ...Петя, заводи... попробуем протолкнуться... на более чистое место.

Петя крутнул ручку раз, другой, двигатель выплюнул через трубку охлаждения воду, и «Корифена» заскользила над водорослями. Нет, конечно же, ни слизь, ни сами водоросли нам помешать не могут. Правда, бывает, что крепкие стебли так наматываются на винт судна, что приходится спускать под воду человека, чтобы снимать их. Но ведь у нас не винт, винтик. И широкие водоросли никак не могут зацепиться за его блестящие лопасти.

— Ладно. Хватит. Глуши...

Здесь, под нами, водоросли более разрежены. А вот и целое окно. Под самым килем «Корифены» проскальзывает косячок рыбы. Наверно, отоперки. Такой некрупной, очень вкусной, если ее зажарить с мукой, рыбки. Кок нам часто жарил отоперку. И еще красных, очень похожих на обыкновенных пескарей барабулек. Помню, как, повесив на шею полотенца, чтобы утирать пот, мы трудились над мисками, наполненными хрустящими золотистыми рыбками.

— Ну что ж. Попробуем... — Корин опустил в воду крючок с кусочком мяса «беззубки», и грузик, быстро

разматывая лесу со спиннинговой катушки, утягивает приманку вниз.

Через секунду от резкого рывка удилище круто изогнулось, звонко затрещал тормоз катушки. Стась резко подсек и, крепко стискивая в руках удилище, начал наматывать лесу на барабан катушки. Мы с интересом смотрели в воду: что там? Кто соблазнился нежным, душистым мясом «беззубки»? Может, мой знакомый полосатый мероу? Нет, навряд ли. Тот бы сразу и леску порвал, и удилище переломил пополам. Ага, что-то показалось. В прозрачной воде уже на глубине метров в восемь видно, как мечется рыба. На вид она совсем небольшая, может, немного больше полуметра, но сопротивляется она отчаянно. Широко растопылив свои плавники, рыба словно цепляется за воду. Она все время норовит шмыгнуть в заросли макроцистис, но до водорослей уже далеко, а поверхность воды и лодки с рыболовом близко.

— Ап! — выдохнул Корин и резко рванул удилище на себя; рыбина выскочила из воды и, описав в воздухе полукривую, шлепнулась в лодку.

— Осторожнее, это сом! — Я отскочил, корифенцы последовали моему примеру. Ну конечно же, это колючий морской сом, его фотографии я видел на берегу, в музее. Хватая широко раскрытым ртом воздух, сом ожесточенно стучал своим темным, глубоко вырезанным хвостовым плавником по брезентовому тюку и производил страшные, похожие на хрюканье звуки... С мясистого подбородка рыбы свешивались тонкие розовые «усы».

— Что ты нашел в нем опасного? — Стась отложил в сторону удилище и наступил ногой на скользкий хвост рыбы. В то же мгновение тело рыбы резко изогнулось, и возле большого пальца ноги Корина в деревянную рейку вонзился шип. Он так глубоко завяз в дереве, что сом не мог его вынуть. Через несколько минут по телу рыбы пробежала легкая дрожь. Сом замер.

— Зазубренные шипы в спинном и грудных плавничках, видите? — сказал я, осторожно взяв рыбу в руки. Три костяных зазубренных колючки... а тут вот дырочки у основания грудных плавничков — это отверстия ядовитых желез. Яд очень маленькими дозами вытекает из них и все время увлажняет слизь на колючках. Стоит

задеть за шип рукой или ногой — и яд через рваную царапину попадет в кровь. Он очень и очень опасен, этот «ихтиояд». Человек, оцарапанный или уколотый шипом морского сома, испытывает мучительную боль в суставах, мышцах и даже после выздоровления длительное время чувствует слабость, недомогание.

— Ах ты пакость! — воскликнул с искренним негодованием Корин. — Чуть мне ногу не пропорол! Я не хочу «даже после выздоровления чувствовать слабость и недомогание!»

Корин схватил рыбу с намерением швырнуть в воду, но я удержал его: в коллекциях нашего музея еще не было таких прекрасных экземпляров. Из него получится отличное чучело. Пускай стоит за стеклом шкафа и топорщит свои костяные шипы...

— Подожди, Коля, — остановил меня Валентин, когда я заворачивал сома марлей, перед тем как опустить его в бидон с формалином, — ведь я такого еще не рисовал. Подожди полчаса, набросок сделаю.

Валентин достал лист бумаги и карандаш. Рисовал он быстро. Через несколько минут на ватмане уже появились точные контуры рыбы. Его большая, покрытая крепчайшим панцирем голова, чуть шероховатая, отливающая красивым темно-синим цветом. От африканских рыбаков нам приходилось слышать, что, когда самки этих рыб мечут икру, сомы отчаянно дерутся. Возможно, поэтому природа и защитила головы их костяными панцирями. Иначе сомы перебили бы друг друга своими колючками.

Вскоре Стась поймал еще одну рыбину. Длинную, серебристо-фиолетовую. Это был снек. Рыба с очень вкусным, жирным мясом. Помавав еще немного спинингом, Корин с видом хорошо поработавшего человека повалился на брезент, разостланный в корме.

— Чудаки, — слышался его голос, — один коллекцию собирает, другой рисует... А к чему, спрашивается? Впереди рифы, парни. И кто знает, чем все это кончится. Правда, Петя?

Петя не ответил, сделав вид, что не слышал Корина. Или был очень увлечен: чистил ветошью двигатель «Корифены».

...Под вечер, перед самым закатом солнца, мы познакомились еще с одним неприятным обитателем этих

мест. Ветер совершенно стих. Еще минут десять — двадцать — и на залив опустится ночь. Я сидел на кормовой банке и копался во внутренностях снека. Бросив икру в воду, взглянул вниз: к погружающейся икре, стремительно извиваясь, плыла змея. Правда, небольшая, как некрупный уж. Но все же самая настоящая змея. Ее головка с черными точками глаз гордо держалась на изящно изогнутой шее. Туловище, как железнодорожный шлагбаум, было разрисовано светло-желтыми и темно-коричневыми полосами. Примерно с середины тело переходило в сплюснутый хвост. Подплыв поближе, змея схватила икру и начала ее заглатывать. При этом рот ее так раскрывался, что мне показалось, будто нижняя челюсть оторвалась от черепа. Но по-видимому, у морских змей, так же как и у сухопутных, челюстные кости не соединяются «наглухо» с черепными. И поэтому змеи могут так легко заглатывать весьма крупных животных: питон не подавится хрюшкой весом в полсотни килограммов, уж — птенцом или лягушкой, а вот морская змея сейчас на моих глазах превосходно управляет-ся с рыбьей икрой, которая раза в три больше ее головы. Да, кусок не застрял в ее горле: оттопыривая кожу бугром, он проскользнул в змеиный живот. Немного отяжелев, змея, как бы облизывая губы, высунула черный подвижный язык, быстро поворачивая голову, окинула взглядом воду, нет ли чего еще. Я, чуть не падая из лодки, попытался поймать ее сачком. Нет. Не получилось! От испуга и неожиданности змея выско-чила из воды, нырнула, а потом, выплыв на расстоянии метров шести от лодки, извиваясь, быстро заскользила прочь.

Неприятное местечко. То ядовитые рыбы попадаются, то змея в гости пожаловала. Уйти бы побыстрее отсюда.

Вот и стемнело. Ловко лавируя между крупными дрожащими звездами, выплыл на черные просторы ночного неба остроносый месяц. Выплыл, взглянул сверху на нас: как там делишки? Живы-здоровы? Месяцу сверху все видно. И наша лодка с четырьмя фигурами. Фигуры сидят и неторопливо беседуют о чем-то. Месяцу виден и берег. Белый, в лунных лучах пляж, бесконечной полосой тянущийся вдоль африканского побережья, ревущие валы накатных волн, кокосовые пальмы, чуть пока-

чивающиеся своими жесткими листьями. А вон там, где-то далеко, очень далеко от «Корифены» спешит галсами на юг рыболовный траулер. В ходовой рубке вахтенные до боли в глазах всматриваются в океанские просторы, радист связывается с берегом, стучит ключом: «...нет ...нет... пока не нашли... ищем... идем переменными галсами вдоль берега...» Месяцу сверху видно все... Представляется мне наш корабль, каюта Вениамина Огнева, инженера-ихтиолога. Он лежит, вздыхает и читает белый листок радиogramмы. Это не ему радиogramма. Белый листок с несколькими строчками принес вчера радист и положил на нижнюю койку. Радиogramма с берега. От Наташи. Она поздравляет мужа с Новым годом. А муж отсутствует. Муж где-то в океане. На лодке под открытым палящим солнцем... Венька вздыхает, смотрит в листок, наморщив лоб, думает. Если она не получит поздравление, то сразу заподозрит, что с Николаем стряслась беда. Соскочив с кровати, Вениамин выходит в коридор... А в другой каюте в кресле сидит капитан, на столе разостлана карта. Капитан осунулся, почернел. Положив свой массивный подбородок на руки, он смотрит воспаленными от бессонницы глазами в карту. На ней вдоль побережья Гвинейского залива извилистой линией прочерчен путь «Марлина» за последние несколько суток. В дверь стукнули. «...Да», — крикнул капитан, не поворачивая головы. Вошел Огнев, сел на диван против капитана. «Что сообщают с «Корифены»?» — спросил он. «Идут галсами, параллельным курсом», — ответил капитан, — пока ничего нет... Вот на карте параллельная кривая линия... но пока ничего нет». — «Во время ливней мы где-то мимо них прошмыгнули... и они остались позади нас...» «Все возможно... — устало откликнулся капитан и пододвинул Огневу бланк радиogramмы. — Вот сообщение из Москвы: англичане согласились оказать помощь военными вертолетами. Завтра вылетят, начнут с севера. Вот отсюда и начнут искать по квадратам... А вот еще сообщение: американский авианосец идет в Кейптаун. Через двое суток будет на нашей параллели. Предлагает, понимаешь, осмотреть залив со своих самолетов...» «То ничего, то сразу столько помощников... — Вениамин постучал ногтями по краю стола, вынул из кармана рубашки белый листок. — Вот радиogramма Ледневу от

жены. Если она не получит новогоднего поздравления...» — «Послать надо... Обязательно. Новый год, понимаешь... и вдруг...» — «От его имени?» — «Конечно. Ну что такого? Вернется на судно — извинишься...» — «А если?..» — «Никаких «если»! Что значит «если»? Я запрещаю так думать!» Капитан гулко хлопнул ладонью по столу. Огнев встал, кивнул головой и вышел.

Ночь. Тихо. Месяц смотрит со своей высоты на сонный мир, без всплеска скользит по черным просторам небесного океана. Ему сверху видно все. Притихшие на ночь джунгли, пылающие неоновым светом улицы больших городов... там еще не спят. Там еще гремит музыка, мчатся сверкающие автомобили. А вот в этих городах, за Средиземным морем, улицы городов опустели. Поздно. Все закрыто. Лишь за громадными окнами ресторанов тихо позвякивает стекло: официанты убирают посуду. Еще севернее скользит лунный луч: голые деревья внизу, замерзшие реки, озера, заснеженные леса, поля. Толстые белые шапки нахлобучены на крыши домов. Здесь глубокая ночь. Все спят... Пожалуй, нет. Не все. Вон в том окне горит свет. В окно трудно заглянуть: оно затянуто морозным узором, но все же месяцу видно все, что делается в этой комнате. Собственно говоря, ничего не делается. Просто горит на тумбочке лампа, а в кровати лежит, закинув руки за голову, молодая женщина. Лежит, смотрит в потолок... Не спит. Думает. Из соседней комнаты вкусно пахнет смолистой елкой и домашним тортом. Скоро Новый год, скоро. Надо бы спать, но не спится. Не сегодня-завтра придет радиогамма: «жив... здоров... скоро будем вместе». Конечно же будем. А тревога... сердце что-то ноет... это пройдет. Это бывает: поноет сердце и отойдет. Щелкает выключатель, в комнате становится темно; скрипнули пружины кровати... вздох, и все стихло.

— О чем мечтаешь? — Валентин тронул меня за плечо. — Возьми трубку. Три затяжки. К концу подходит «Золотое руно».

Я отрываюсь от своих мыслей. Затягиваюсь. Чуть пьянею от табака. Ослабли мы все же. Это точно. Еще одну затяжку... Пропуская через ноздри дым, прислушиваюсь к разговору, который ведут ребята. Пытаюсь вникнуть в суть.

— ...все они такие... — убежденно говорит Корин, — уж я-то их хорошо знаю: пока дукаты есть, все «верри велл, парниша!» А как в карманах перестанет звенеть — «о-ля-ля, ты плохо бреешься. Колешься уж очень. В общем гуд бай, дорогой...» Подлые создания. Любовь... Все это сказки, Петя. Сказочник ты. Штурман-сказочник.

— По-видимому, тебе чертовски не везет в жизни, Корин. Ведь раньше и я так же, как и ты, к этому относился. Но вот случилось же — повстречался с Никой... и хоть она ушла от меня, но, понимаешь, люблю...

Корин саркастически усмехается, машет на Петра рукой.

— Брось, Петя, любви не было и нет! Инстинкт, только и всего... Вот придешь домой, недельку по кино, театрам помотаешься, а потом монеты на аккредитив и бах на юг. Там таких ждут... Хочешь, поедem вместе?... А?..

— Отстань. Разговор о большом, честном, а ты опять «на юг».

— Уж ты: «большое, честное... любовь, жена». Много ли их, честных, хороших? Может, у Коли только... да Светка нашего «адмирала». А сколько дрянней? Ха, да я сам встречался с такими.

— Нет, — говорю я. — Ты, Корин, пустое болтаешь. Разве тебе понять, как это здорово, когда тебя ждут? Наташа меня всегда встречает. Когда бы мы ни пришли, она на пирсе. Ты бедный человек, Стась, потому что ты не знаешь, что это такое — озябшая фигурка на сыром пирсе...

Вечером океан сделал нам подарок. До наступления темноты оставалось совсем недолго, когда Петр заметил что-то в воде.

— Коля, что-то плывет...

— Где?

— Вот смотри... видишь? То покажется из воды, то исчезает...

— Бутылка, парни! — восклицает Стась. — Заводить...

— Крути, — кивает головой Валентин.

Петр перебрался на корму к двигателю, Стась крутил ручку. Через несколько минут, перегнувшись за борт, я достаю из воды желтую бутылку. Вся она покрыта слизью и белыми раковинками усконогих рачков.

— В ней что-то есть, — приглушенным голосом взволнованно говорит Петр, — какая-то бумажка...

— Может, карта сокровищ знаменитого Флинта? — шепчет Стась. — Дай-ка сюда...

— Убери лапы... раковинки поломаешь. Нет, Флинтом тут не пахнет. Колония рачков молода — ей не больше года. Петя, где-то у тебя был нож со штопором, — прошу я.

— Держи...

Пробка туго, неохотно вылезает из горлышка, и в широкие коринские ладони падает туго свернутая бумажка. Сырость все же проникла в бутылку, и бумага сырая, ветхая. Я осторожно разворачиваю ее: тут всего несколько строчек. По-английски.

«Я люблю тебя, Джил...» — переводит, заглядывая в записку через мое плечо, Стась... — я не смог...

— Не успел, — поправляет Петр.

— Да, «...не успел сказать тебе это на берегу. Передать по адресу: Джил Макферсон. Нельсон-стрит, 336, блок 8, квартира 15, Плимут, Англия. Прощай, Джил. «Амбассадор», Глен Маккензи...»

Несколько минут мы молчим, рассматриваем по очереди маленький ветхий клочок бумаги, исписанный торпливыми строчками: Джил от Глена с судна «Амбассадор». Он не успел сказать ей три слова на берегу. Что же там случилось?..

— «Амбассадор»... «Амбассадор»... — бормочет Петр, — вспомнил! В июле прошлого года, когда мы возвращались домой и входили в Ла-Манш, «Амбассадор» давал «SOS». По радио еще сообщали...

— Точно, Петя. Я тоже помню. Мы тогда сами еще выскочили из залива без шлюпок и спасательных плотиков: во время шторма все смыло. А на «Амбассадоре» погибло шестнадцать человек.

Шестнадцать. Неужели и Глен среди них?.. Все может быть. Океан не щадит никого. Даже тех, кто не успел на берегу признаться в своих чувствах.

Я осторожно вкладываю записку в журнал наблюдений за течениями. На берегу мы отошлем ее по адресу. Пускай Джил знает, о чем думал Глен, когда изнемогающий «Амбассадор» уходил под воду Атлантического океана.

— ...А ты говоришь «любви нет», — хлопает Петр Кори́на по спине ладонью, — врешь, старик, есть!..

Тихо. К ночи стало душно. Наверное, завтра опять будет ливень. Все может быть.

Свесившись с кормы, гляжу в воду. Нас опять отнесло на водоросли. Они колышутся под днищем лодки и светятся чуть заметным голубоватым огнем. Какие-то трепещущие пятна медленно поднимаются из глубин. Плывут вверх, разрастаются и все ярче загораются беловатым светом. Медузы, наверно. Неожиданно с правого борта лодки вспыхивают в воде миллионы синих огоньков. Их словно кто-то раздувает громадными мехами: огоньки из синих становятся голубыми... потом почти белыми. Наверное, мелкие рачки. Испугались кого-то и вспыхнули все враз холодным светом: хищника отпугивают. И дальше еще целая поляна запылала голубым пламенем. Может, светящиеся рыбки или ночесветки. Какая-то большая рыба прорынула под килем «Кори́фены». Я хорошо рассмотрел ее четкий длинный контур, очерченный зеленоватыми бликами.

Океан... какой же ты удивительный! То штормящий, взбесившийся, то тихий, штилевой. То ревущий тысячами голосов, то чуть поющий, насвистывающий в судовых надстройках свои суровые океанские песни. То вот такой, как сейчас, темный, весь в голубых бликах и сполохах холодных белых огней... Скоро мы расстанемся, океан. Так хочет Наташа. Она боится за меня. Ей хочется жить спокойно. Ей хочется, чтобы я был всегда дома. Всегда. Чтобы я брал с собой на работу приготовленные ею завтраки. Вскоре мы расстанемся с тобой, океан. Вскоре мы встретимся с тобой, Наташа. Ты будешь на пирсе. Это я точно знаю.

Неожиданное препятствие.— Водоросли не пускают «Корифену».— Дельфины.— Земля выгибается навстречу.— Прыжок через рифы.— Пустынный берег.— Африка.— Лагерь под кокосовыми пальмами.— Раки, крабы и моллюски.— Лев чихает.— Воспоминание о Камчатке...— Ночные призраки

Солнце еще не взошло, когда мы сдвинулись с места. Двигатель долго не хотел заводиться, и мы разогрелись, вращая тугую заводную ручку. Скачков озабоченно мерил щепкой остатки горячего.

— Часов на пять работы,— сказал он Валентину.

— Через четыре часа мы уже будем на берегу...— успокоил его тот,— прибавь-ка обороты.

Петр повернул рычажок, и лодка побежала быстрее. Чувствовалось, что она с трудом проталкивается через водоросли макроцистис, которые колебались своими широкими бахромчатыми стеблями по самой поверхности воды. Мотор натужно гудел, стреляя вонючим дымком, но лодка двигалась очень медленно.

Прошел час. Солнце поднялось над горизонтом, и его лучи накалили все металлические части лодки. Корифенцы до боли в глазах всматривались в горизонт, а лодка все ползла по широким бахромчатым листьям.

Прошло полчаса. С каждой минутой становилось тревожнее. Валентин покусывал нижнюю губу. Скачков то и дело заглядывал в бачок. Я сидел на носу, свесив ноги, и смотрел в воду: когда же кончатся эти чертовы водоросли? Только Корин продолжал демонстрировать свою волю: лежал и играл с Бенкой.

От сильного рывка я чуть не упал в воду. Мотор оглушительно выстрелил и заглох. Скачков свесился с кормы, и мы услышали его расстроенный голос:

— Намотали на винт... В общем застряли.

— Леднев... бери нож... в воду.— Валентин сам протянул мне маску с трубкой, я достал из брезентового тюка нож.— Постарайся побыстрее.— Проканителемся здесь до вечера, а ночью нас вышвырнет на камни... понимаешь?

Я кивнул головой и посмотрел в воду. Вся она сплошь покрыта шевелящимися водорослями. Воды не видно, одни влажные, скользкие листья, колеблющиеся из стороны в сторону. Вчера, после купания среди водорослей, на теле осталась липкая неприятная пленка. Как я ее ни смывал, освободиться от нее не смог. И сегодня почти все тело покрылось краснотой. Краснота не болезненная, но щекошущая, зудящая. И какое-то ощущение духоты. Хотя сегодня не так уж и жарко.

Перекинув лапчатые ноги через планшир, я сижу на борту лодки, и стебли водорослей, чуть покачиваемые пологой зыбью, словно ласкаются, прикасаясь к моим ластам. Сплошные водоросли. Ни просвета. А там, под ними, глубина... Черная, таинственная. Населенная рыбами и разными другими океанскими обитателями. Сейчас я свалюсь в воду маленькой букашкой, и сотни глаз тотчас увидят меня. Одни существа бросятся прочь, а другие... другие, может, и заинтересуются. Ведь кто знает, только ли рыбы обитают в этих неизведанных подводных джунглях. Может, именно в этих широтах живут таинственные морские змеи. Не маленькие юркие змейки, что я видел вчера, а гигантские многометровые чудища. Ведь нет-нет да и встречаются мореплаватели с ними в открытых широтах океана, но никто не знает, где они обитают постоянно. Может, здесь?

— Ты чего?..— Валентин положил мне руку на плечо.

— Понимаешь, а вдруг здесь гигантские змеи? А?.. Страшновато...

Стиснув зубами мундштук дыхательной трубки, я оттолкнулся руками от планшира, пробил ногами какой-то лист и погрузился в холодную воду. Она здесь заметно холоднее, чем на чистых местах. По-видимому, широкие стебли макроцистис препятствуют проникновению вглубь солнечного тепла. Особенно холод ощущают ноги. Холод... как дыхание глубин. Торопливо работая ластами, раздвигая руками листья, я всплыл и втянул в себя воздух. Но в горло хлынула отвратительная горькая вода: трубка уткнулась в широкий лист.

Плохо продул ее. Выплюнув мундштук, я вынырнул и долго, высунув голову между стеблями, кашлял, отплевывался.

С винтом возился минут десять. Все-таки лопасти его отлично наматывают на себя тугие, крепкие стебли. Я резал их, кромсал ножом и, подтягиваясь на руках, все время поджимал ноги: мысль о змее не давала покоя. Ну вот и все. Руки товарищей выдергивают меня из воды, двигатель облегченно фыркает, и лодка скользит по густой, как кисель, воде. Но что это? Снова рывок... Стоп. Встали. Я протягиваю руку к маске, но Валентин уже натягивает на ноги ласты, берет нож. Потом мы опять застреваем, и в воду прыгает смешной раскоряченной лягухой Петр. Он там очень долго возится, пыхтит и фыркает под кормой, как дельфин. Наконец винт очищен, «Корифена» торопливо, словно спеша покинуть неприятное место, бросается вперед, но через несколько десятков метров водоросли наматываются на винт толстым комом. Нет, они не хотят отпускать нас. Ласкаются, трутся своими бахромчатыми стеблями, чешутся широкими, растрепанными по краям коричневато-зелеными листьями о днище «Корифены» и не пускают. Держат, вцепляются в винт, лишь только мы пытаемся уйти от них.

— Лезь, — говорю я Корину, — твоя очередь.

— А вдруг змея? — мнется он.

— Растопыришь лапки — и ножом ей в пузо р-раз!..

— Значит, в пузо р-раз?.. — мрачно уточняет Стась и плюхается в воду.

Не хотят водоросли отпускать нас. Не хотят. Вроде бы и не держат: ластятся, колеблются под лодкой. Но чуть «Корифена» трогается с места, вцепляются в нее руками-стеблями. И мы по очереди лезем в воду... Мы уже устали. Мы измучились. Руки в ссадинах и ушибах. Петр, срезая водоросли, состриг себе ножом клочок кожи, и теперь мы его не пускаем за борт: кто знает, может, запах крови привлечет какое-нибудь морское чудище. Того же гигантского змея... С моей легкой руки мы уже все верим, что «он» действительно есть. Что «он» под нами: таится среди водорослей, следит за нами, приглядывается. И лезть в воду все страшнее. И тяжелее: в ногах противная слабость, руки дрожат, и пальцы еле стискивают рукоятку ножа. Мы подолгу бултыхаемся

в воде, очищая винт. А стебли, кажется, стали во много раз крепче, они не поддаются, сопротивляются.

Вечереет. Солнце катится по кромке горизонта. Первые звезды, еще блеклые, зыбкие, зажигаются над нашими головами. Свежий ветерок потянул с запада. Там, над красным диском, гроздятся темные тучи.

— Давай, Коля, лезь... — Валентин помогает натянуть мне маску, и я, чувствуя, как все мое существо сжалось в маленький, испуганный комок, опускаюсь за борт. С минуту повисаю на руках. Мое лицо еще рядом с лицом наклонившегося над водой Валентина.

— Да нет тут ничего, — шепчет он.

Мы уже полдня не говорим, а перешептываемся. Как будто нас может подслушать этот «кто-то», обитающий в колеблющихся подводных джунглях. Вода всплескивается, я жадно втягиваю воздух через трубку. Тут уж совсем темно. И от этого еще страшнее. Стебли колышутся вокруг, нежно, осторожно касаются то ног, то спины, и я вздрагиваю от каждого прикосновения. Будто это не водоросли, а чьи-то гигантские языки облизывают мою скользкую от слизи кожу.

— Включай, Петя...

Лодка сдвигается с места. Застыв, напрягшись, мы смотрим друг на друга: вроде идем. Десяток метров, еще... может, пропустят? Вспененная винтом вода дорожкой стелется за кормой. Водоросли неряшливыми лопухами выскальзывают из мелких волн и неохотно опадают, сникают.

— Идем, ребята... — дрожащим голосом говорит Валентин.

— Ура... — шепчет Стась, сжимая мне кисть руки.

Рывок... мотор глохнет. Петр срывает с головы фуражку и швыряет ее на капот двигателя. Да, опять засели. Проклятые водоросли опять вцепились своими жгутами стеблей в винт «Корифены». Опять.

...Ночь. Подсыхающая слизь стягивает кожу — ощущение, будто мы одеты в тугие резиновые костюмы. Лежим вповалку на дне лодки и тяжело дышим: слизь залепила поры кожи. Мы не можем потеть, мы задыхаемся. Нет, так невозможно. Надо что-то делать... голова разламывается от боли, легкие распирают грудную клетку, зуд по всему телу. Смыть... надо как-то смыть эту пленку. Я поднимаюсь и, забыв про змея, валюсь за

борт. Там, высунув голову и придерживаясь рукой за канат, я сдираю, смываю с тела слизь. Но когда вылезаю, клейкая жидкость опять обволакивает меня от шеи до пяток. Волосы на голове склеиваются, торчат сосульками, как на плохо промытой после клейстера кисти.

Просыпается Валентин, пробормотав что-то, прыгает за борт, вслед за ним лезет в воду Стась. Потом мы опять валимся на дно лодки и забываемся тяжелым, душным сном.

...Утро. Солнце лезет в глаза, расковыривает веки своими горячими пальцами. Голова тяжелая, в висках мучительная боль. Все тело как ватное. Непослушное.

— Коля...

Открываю глаза. Это Петр трясет меня за плечо.

— Коля... как ты? Очнись!.. Садись... вот так. Пей.

Петр помогает мне. Сажусь, прислонившись спиной к борту лодки. Скачков подает кружку с водой, и я жадно пью ее, потом выливаю немного в ладонь, обмываю лицо. Кожа на нем да и на всем теле горит, зудит.

— С ребятами плохо,— говорит Петр,— у меня тоже... голова. Как будто череп острыми гвоздями набит. Что делать будем?..

Придерживаясь рукой за планшир, подхожу к ребятам. Меня качает из стороны в сторону. Все кружится, колеблется. В глазах резь. И черные мухи... По-видимому, отравление. Наверно, в слизи макроцистис содержится какой-то яд.

Корин мечется, хрипло дышит широко раскрытым спекшимся ртом. Валентин неподвижно лежит на спине, губы его покрыты ломкой, сухой коростой. В некоторых местах она полопалась и по щекам стекают быстро подсыхающие струйки крови. Валентин и Стась блестят, как новенькие гуттаперчевые куклы...

— Что делать будем? А?..— Петр скребет, сдирает с тела блестящую шелуху... Загнемся ведь...

— Смыть ее надо, Петя... Дай полотенце... Разрежь на две половины... Помоги открыть пробку.

Пальцы слабые, никак не выковыряют деревянную затычку. Петр достает нож, поддевает пробку, и она выскакивает из отверстия. В зашпаклеванном анкерке булькает вода. Бочонок почти полон. Во время ливня мы отремонтировали его и наполнили ливневой водой. По

очереди мы смачиваем обрывки полотенца и начинаем смывать с себя отвратительную, остро пахнущую йодом и еще каким-то лекарством пленку. Она сходит плохо, пресная вода не сразу растворяет ее. И приходится тереть кожу, тереть ее, тереть... Становится немного легче. Отступает изнуряющий зуд и какая-то духота в теле, пропадает головокружение. Только голова еще болит. Не повернуть. И слабость.

— Давай ты Кориная, я Валю... — говорит Петр.

Корин приходит в себя минут через двадцать. Садится, жадно пьет воду, потом окидывает взглядом пустынную, гладкую воду и, закашлявшись, закрывает лицо своими широкими, как саперные лопатки, ладонями.

— Сдохнем... здесь... все сдохнем, — слышу я.

— Заткнись, паникер, — говорит Валентин, — ладно, Петя, теперь я сам. Коля, готовь завтрак.

...День проходит в борьбе с водорослями. Своим са-модельным гарпуном — ножом, привязанным к палке, мы по очереди, свесившись с кормы, очищаем винт, срезаем с него тугие клейкие стебли. И Петр заводит двигатель. Метров двадцать — тридцать лодка скользит по тихой, спокойной воде... мы с замирающими сердцами слушаем, ждем... но вот двигатель начинает гудеть с напряжением, сбиваться. Петр выключает его, и мы пови-саем над кормой, с проклятиями режем, кромсаем неподатливые крепкие стебли. Потом все начинается сначала: двадцать метров «Корифена» ползет, двигается, затем час стоит. Ждет, пока мы не очистим винт от водорослей... А ждать приходится все дольше и дольше: ощущение слабости не проходит. Мы быстро устаем. Руки немеют, сил совсем нет. А водоросли... их не становится меньше. Разве пробьешься через джунгли с ножичком в руках?

К вечеру мы недалеко ушли от того места, где начали утром свой путь через макроцистис. Лучи заходящего солнца освещают наши измученные, осунувшиеся лица. Никто не шутит. Все молчат. Казалось, на лишнее слово и то нет сил.

— Плохо с горючим, ребята, — укладываясь на брезент, говорит Петр, — совсем мало осталось.

— Ничего... — откликается Валентин. — Все будет в порядке...

Стась, тяжело вздохнув, валится на спину. И тотчас засыпает. Немного повозившись, успокаиваются Петр и Валентин. Я тоже закрываю глаза, но не спится. Тревожно: горячего мало, водоросли цепко держат лодку.

Легкий ночной ветер пробежался по воде. Яркая луна освещает залив, лодку, ребят, анкерок с водой, мою флягу. Внезапно мне приходит мысль... сажусь. Да, пожалуй, это следует сделать. И просто интересно, ради опыта. Я достаю бутылку. На клочке бумаги пишу несколько строчек, всовываю в горлышко и затыкаю бутылку пробкой. С днища снимаю кусочек вара, замазываю пробку, чтобы вода не просочилась, и швыряю бутылку в воду. Подальше. Кто знает, что нас ждет. Да и просто интересно: дойдет мое письмо до берега или нет?..

Ветер усиливается, гуляет над лодкой. Ветер набирается сил, будит воду длинной, пологой волной и потихоньку толкает «Корифену» через плантацию макроцистис.

— ...Чисто! Парни... чисто!..

Хриплый коринский рев поднимает на ноги всех. Бросаемся к бортам, смотрим вниз: чисто. Больше не видно этих мерзких бахромчатых стеблей. Ветер!.. Пока мы спали, он протолкнул лодку, проволока «Корифену» через водоросли. Видно, не так уж и далеко были мы от чистой воды.

Ну, в путь!.. Корпус лодки задрожал, двигатель рыкнул, и «Корифена» рванулась к еще невидимому берегу. Вперед, к берегу. Он где-то там, за дрожащей от зноя фиолетовой полоской горизонта.

В «Корифене» тихо. Все напряженно всматриваются вперед: Земля, ну где же ты? Быстро летят минуты, часы. Ослабевший под утро ветер к полудню набрался сил. Крепчает с каждой минутой. Он рябит воду невысокими волнами, и лодка, прыгая по ним, все приближается к земле. Громко всплеснув, выскакивает блестящий дельфин. Пролетев по воздуху несколько метров, он бултыхнулся в волну, а вместо него из воды выпрыгивают еще два зверя. Один, как и первый, великолепно погружается в залив «ласточкой», а другой нелепо па-

дает «пузом», окатив нас прохладными фонтанами брызг. Прыгнув еще по нескольку раз, они пристраиваются перед носом «Корифены» и с полчаса, довольно пофыркивая, плывут с нами. Из лодки хорошо видны их идеально приспособленные для плавания тела, симпатичные остроносые морды и клапаны дыхал. Дышут дельфины, эти небольшие зубатые киты, не ртом, а затылком. Там, на самой макушке, находится живой клапан. Он открывается лишь на одно мгновение, чтобы выпустить испорченный и засосать чистый воздух. Вот этим-то дыхалом дельфины и издают звуки, похожие на довольно пофыркивание пасущейся лошади...

— Земля!.. — Крик Корины, сидящего на руле, буквально подбросил нас. Я вскочил: на горизонте густо синела полоска берега.

— Земля, парни!.. Земля! — торжествует Корин.

Она очень медленно приближалась к нам, земля. Синяя полоска неторопливо разрастается в длину и высоту. Африканский материк лениво выдвигается из-за горизонта. Двигатель ревет на самых высоких оборотах, ветер во всю силу своих исполинских легких дует и дует в корму. Волны из мелких, крутых превратились в длинную зыбь. Зыбь, так же как и мы, спешит к золотым пескам побережья. Порой мы нагоняем пенный гребень волны, и некоторое время она несет нас на своем выпуклом горбе. Потом мы обгоняем ее, и волна разочарованно шумит за кормой пузырячатой, переливающейся маленькими радугами пеной.

Прошел томительный час... другой. Земля уже выросла. Большой зеленой дугой она выгнулась перед нами. Мы уже отчетливо видим холмы, покрытые зеленью, кокосовые пальмы, выстроившиеся вдоль берега. Кажется, что они торчат прямо из белой пены. Нам уже видны высокие накатные волны. Видно, как, ударяясь о скрытые от нас преграды, волны взрываются высоченными фонтанами, белыми всплесками вздымаются в голубое небо выше пальм. Нам уже слышен глухой рокот и гул: вода бьется, ломится через подводные скалы, рифы к золотой полоске пляжей.

— Ребята, давайте сюда.— Валентин садится на брезентовый тюк, нервно потирает ладони рук, оглядывается через плечо на берег.

— Трубку? — спрашивает Петр с кормы. Валентин машет рукой. Какая тут трубка. Не до нее...

— Ребята... Значит, так... Через полчаса высадка. Выбираться будем на резиновой шлюпке. По два человека... Сначала Корин и Леднев с Бенкой, потом мы с Петром. Мы будем держаться за полосой камней... шлюпку отпустим на тросе. Ее легко перебросит через барьер. Все. Стась, качай шлюпку. Николай, крепи трос. Всем одеть спасательные пояса. Ну, на всякий случай...

Он протянул мне свою руку, повернув ее ладонью вверх. Я стиснул ее. Сверху на наши руки опустилась тяжелая, широкая ладонь Станислава и небольшая с короткими крепкими пальцами — Петра. С минуту мы молчали. Смотрели в глаза друг другу и молчали.

— Если что, парни... если... — начал Стась, покусывая губы.

— Все, — выдохнул Валентин, — держать всем хвост палкой. Выберемся.

Стало как-то немножко спокойнее: выберемся. Пробьемся через риф. Конечно же, резиновую шлюпку легко перекинет через камни. А там тихо. А потом они вытянут шлюпку, сядут в нее и проскочат через грохот и рев накатных волн. Ну, а «Корифена»... что ж, может, и ей повезет. Может, и ее волны перенесут через риф.

Берег близок. Совсем близок. А грохочущий прибой рядом. Мы уже не слышим друг друга. Все переполнилось, перенасытилось ревом и стоном воды. За белыми вершинами волн скрылись пальмы, каскады воды вздымаются высоко вверх, множество радуг вспыхивают и исчезают. Над пенной водой носятся маленькие острокрылые чайки. Они выхватывают из пены оглушенных, изуродованных о подводные скалы рыбок. И мы, как рыбы, раскрываем широко рты, но не слышим друг друга.

— ...скай шлюпку! — Валентин кричит мне в ухо и сам хватается за тугую, вздутый упругим воздухом бок шлюпки. Мы сбрасываем ее в воду. Стась прыгает в лодку, садится прямо на дно, Валентин подает ему Бенку и придерживает шлюпку, пока в нее сажусь я. Петр разворачивает лодку носом на волну, и Валентин, оттолкнув ее от борта, начинает сматывать с вьюшки трос. Я сижу к скачущей на рифах воде спиной, но чувствую, как быстро приближаемся мы к барьеру. В голову при-

ходит мысль: «Барьер жизни». Перепрыгнем его, и все будет в порядке... Рев и грохот нарастают. Холодные пылинки садятся на тело, увлажняют кожу. Бенка испуганно бьется у меня в руках. Я вижу его безумные глаза, оскаленный рот. Стась все ниже и ниже вползает в лодку... я вижу его большие колени, ссадину на одном из них... совершенно белое лицо с мокрой челкой, прилипшей ко лбу. Его глаза раскрываются все шире и шире, в них мелькают и прыгают пенные валы... Нет, я не могу так... не хочу спиной... Чуть разворачиваюсь, вижу кипящую воду, потом чувствую, как нас поднимает все выше, выше, выше... я успеваю еще увидеть желтый песок... пальмы. Потом все переворачивается, и сверху с неба, обрушивается ревушая вода. Крутит, вертит... перекидывает через голову, тянет вглубь. Вода многотонной тяжестью наваливается на плечи, грудь... с тончайшим звоном в барабанные перепонки врезывается боль... вода врывается в ноздри, соленая, горькая вода протискивается в горло, перед глазами роятся розовые и желтые круги. Потом я ощущаю, как вода волочит меня по песку, я отталкиваюсь от него ногами и чувствую, что вот сейчас... сейчас или разожму зубы, или легкие мои лопнут.

Откашливаюсь, выплевываю горькую слюну. Оглядываюсь: накат гремит позади. Гребу одной рукой, второй притиснут к боку безжизненный Бенка. Конечно же, бедняге никогда не приходилось заниматься подводным спортом. К берегу! Быстрее к берегу...

Размашисто выбрасывая из воды руки, с большой синей шишкой на лбу плывет ко мне Стась. Еще издали он что-то кричит, но я не понимаю: в ушах по-прежнему гул и звон.

— Жив? — наконец слышу я. — А Бенка?

— Жив! — кричу я, продолжая выплевывать капли океана, просочившиеся в мои легкие. — А с Бенкой плохо! Наглотался!..

Мы плывем к берегу, нащупываем ногами дно, оборачиваемся: на волнах прыгает красная резиновая шлюпка. Волны, как мячиком, играют ею, подбрасывают вверх, звонко шлепают по днищу своими могучими пенными руками, переворачивают. Шлюпка скачет и, подтягиваемая тросом с «Корифены», постепенно удаляется, скрывается за бурунами из наших глаз...

Дно каменистое, скользкое. Ноги наши скользят, небольшие волны, разбитые рифом, подталкивают в спины, и мы то и дело падаем, окунаемся с головой. Но вот наконец и песок, потом гравий. Волны неохотно отпускают нас. Они все цепляются за щиколотки, пытаются уволочь обратно в океан...

Тут же, возле самых волн, мы падаем на колени, и я кладу на песок мокрое безжизненное тело мартышки. Глаза у Бенки закрыты, губы быстро синеют. Неужели все?.. Хрипло дыша и кашляя, я развожу Бенкины лапы, свожу их на груди, массирую живот. Стась зачем-то дует Бенке в нос, щекочет ему пятки. Нет, ничего не получается. Наверное, слишком много воды влилось в мартышкины легкие.

Отодвинув меня локтем, Стась хватается Бенку за ноги, начинает трясти. Руки и голова мартышки болтаются, как у тряпочной куклы, а потом изо рта выливается вдруг вода. Мы снова кладем Бенку на песок, и я начинаю растирать его мокрое тело. Проходит минута, еще несколько — и наш юнга открывает глаза. Потом мы слышим стон, мартышка приподнимается и ползет прочь от шипящих волн...

— Оживили! Теперь отдышитесь! — кричит мне Корин. — Поднимемся на скалу! Оттуда видно!..

Подхватив вялого, мокрого Бенку, я бегу вслед за Стасем, сажаю мартышку на горячий песок под кокосовой пальмой и, чувствуя, что вот-вот упаду, торопливо шагаю по глубоким коринским следам. Валя, Петька... как-то они минуют этот риф?

Вот и скала. Поросшая жесткой сухой травой и синезелеными кинжалообразными листьями, она на десяток метров возвышается над водой. Выветривающаяся, сыпучая порода выскальзывает из-под ног; листья-кинжалы и колючки режут, царапают ноги. Корин протягивает мне руку, и я, оглушенный грохотом рвущегося из груди сердца, карабкаюсь за ним... Вершина. Распугивая ящериц, мы подходим к ее краю и видим: «Корифена», то исчезая из глаз, то показываясь вновь, прыгает в волнах. Отсюда кажется, что волны тесно идут одна за другой. Что между их пенными гребнями нет ни метра чистой воды. Нам видны две маленькие фигурки. Одна на корме, другая у левого борта. Лодка, чтобы не намотать трос на винт, переваливает волны наискосок...

да, именно так надо держать руль. Только так... Красный поплавок шлюпки пляшет уже возле самой «Корифены». Ну скорее же, скорее... чего они там медлят? Сверху нам кажется, что «Корифену» все больше и больше заносит на риф. Неужели они не видят этого? Быстрее же! Валентин размахивает руками... фигурка на корме тоже машет руками... что там у них? Потом Валентин пробирается по лодке, лезет на корму и вырывает у Скачкова руль. Кажется, что они борются там... или дерутся. Но вот Скачков отдает руль, пробирается к шлюпке и садится в нее. Валька бросает руль, возится с тросом. Сейчас он отвяжет трос, прыгнет в шлюпку и... Валентин отвязывает трос, отталкивает от «Корифены» шлюпку. Петр вскакивает, волна подбрасывает шлюпку, и Скачков валится на ее резиновое днище.

— Он остался в «Корифене»... — бормочет растерянно Стась.

Приложив ладонь ко лбу, я всматриваюсь в полыхающую миллионами солнечных бликов ревушую поверхность залива. Да, шлюпку с Петром несет к берегу, а Валька опять сидит на руле.

— Хочет спасти шлюпку... — говорю я Корину.

— Ха!.. Кретин!! — восклицает он. — Гляди...

Забыв на мгновение о «Корифене», мы видим, как резиновая шлюпка подсакивает на последней рифовой волне и из нее, разбросав в стороны руки и ноги, словно кукла, вываливается фигурка. В следующее мгновение и лодка, и фигурка исчезают в бурлящей пене... Потом мы видим, как на горб волны взлетает наша «Корифена». Сверкнув своим белым брюхом, она резко кренится вниз, разворачивается боком, и водяной поток с гулом обрушивается на человека, вцепившегося в руль.

...Петька, как Венера, выходит из пены. На его голове красуется фуражка, затянутая на подбородке ремешком, с шеи свисает резиновый мешочек с табаком и трубкой. Скачков и наг почти как Венера — на животе вместо трусов темнеет резинка с кусочком тряпки. Одна нога в тапочке, другая — босая.

Все троем мы бежим по горячему, обжигающему ступни песку. Мы видим красную шлюпку, совершенно невредимой миновавшей риф... мы видим полузатопленную «Корифену». Ее левый борт немного погнут. Рядом колышутся в воде мачта, анкерок. Но где же Валентин?

— Валя! — кричит Корин, вбегая в воду.

Волны разворачивают «Корифену», и мы видим Валентина. Одной рукой он держится за борт и пытается ухватиться другой. В зубах пакет с журналом и картой. Вот он подтягивается, перебрасывает через борт ногу... становится в лодке и приветливо поднимает руку...

— Ура!! — вопим мы и прыгаем на песке, оставляя в нем глубокие следы. Стась подхватывает нас с Петькой и поднимает в воздух, потом бросает и идет к лодке. Волны последним усилием вышвыривают ее на берег, и Валентин соскакивает на песок.

А потом мы сидим под пальмой и курим трубку. Сидим, курим и смотрим, как волны выбрасывают на песок предмет за предметом: анкер, брезентовый тюк, ведро... Мой бидон, переломленное пополам весло, спиннинговое удилище, бамбуковый гарпун...

— Есть, — восклицает Корин и бежит к воде: там колышится наш продуктовый мешок с двумя вялеными рыбинами и полукругом «неприкосновенной» колбасы.

— Предлагаю пообедать, а? Как вы считаете, парни?..

Валентин смотрит на часы, трясет их, приложив к уху вслушивается: остановились. А мои тикают. Время — пятнадцать часов двадцать шесть минут. Да, обедать уже давно пора.

— Коля, подумай о воде, — говорит Валентин и выколачивает трубку о корень пальмы. Подняв голову, я гляжу вверх: там у основания шапки листьев висят золотисто-желтые орехи. Бенка тоже смотрит вверх. Он уже перестал дрожать, в глазах мартышки сверкают солнечные огоньки. Словно поняв меня, Бенка вскарабкивается по стволу на пальму и начинает возиться с одним из орехов. Он крутит его, грызет упругий, рубчатый стебель, на котором висит плод, но, видно, силенок маловато, и Бенка расстроено пищит. Тогда я сам лезу на пальму. Это не так уж сложно: на ее стволе имеются кольцообразные выступы, оставшиеся от опавших когда-то листьев, и я быстро добираюсь до кроны. Но дальше дело осложняется. Под самыми орехами во все стороны торчат острые черенки от сгнивших листьев. Они надежно защищают орехи, и я, обдирая еще не засохшие на животе ранки, с трудом протискиваюсь между ними.

Ну вот и орехи... фу, устал. Кажется, что сердце сейчас выскочит через горло. Как бы тут пристроиться? Сажусь на основание одного листа верхом, но это очень неудобно: черенок выгнут своими острыми краями вверх. Они врезаются в ноги. Стиснув зубы и проклиная в душе себя — надо было не лезть, а попробовать сбить орехи камнями, — я торопливо обрубаю один орех, другой... еще несколько и, чувствуя, как все мышцы мои немеют от напряжения, соскальзываю вниз.

Потом мы не торопясь едим рыбу и пьем чуть сладковатое кокосовое молоко. Оно прохладное и очень сытное. Обрубать надо орех сверху, со стороны упругого хвостика. Под коричневой и волокнистой шкуркой находится сам орех в твердой скорлупе. А в нем булькает, если потрясти, молоко.

После обеда всех разморило, потянуло в сон. Повидимому, сказалось все: бессонная, тревожная ночь и нервное напряжение во время высадки. Корин углубился в пальмовую рощу и приволок целую охапку высохших пальмовых листьев. Мы с Петром помогли ему и соорудили прекрасное ложе.

— Выход в путь назначаю на завтра. По холодку. С утра, — распорядился Валентин, озабоченно рассматривая немного подмокший журнал суточной станции и карту, — а теперь осталось только...

— ...собрать все имущество, господа, потерпевшие кораблекрушение, — закончил Валькину мысль Петр.

— Совершенно верно, — подтвердил Валентин, — а ну, Стась, поднимайся. Ишь, уже и глазки сомкнул...

Корин неохотно, гулко зевая, поднялся с пальмовых листьев и с выражением величайшей скуки окинул взглядом берег. На нем там и сям виднелись вещи с лодки.

— Ну на черта нужно теперь это имущество? Спишут...

Мы часа полтора возились с лодкой — подложив под киль обломки бревен, выкатывали ее на песок, под пальмы. Подальше от волн. Стась вначале нудно ворчал, что все это ни к чему, что все равно лодка пропадет, но потом, разозлившись и на нас, и на лодку, с такой силой стал толкать ее в корму, что вскоре работа была завершена. Вытащив из ящика с инструментами банку солидола, Петр густо промазал им двигатель «Ко-

рифены» и закрыл его сверху чехлом. Мы уже разбрелись по берегу, вылавливая разные вещи из воды, а он еще долго возился возле лодки. Подсовывал под днище камни, чтобы лодка не повалилась от ветра на бок. Мы выволокли на берег, под пальмы брезентовый тюк и все остальное имущество, которое нам возвратил океан. Я нашел свою маску с треснувшим стеклом и дыхательную трубку, а также один ласт, второй пропал.

— Подумай о своем одеянии, брат мой... — сказал Валентин, критически оглядев распаренного работой уставшего Петра, — голова одета, а все остальное фу... срам. Я не могу брать тебя в поход в таком виде...

— На... прикройся. — Корин снял с шеи свой великолепный гибралтарский платок с танцующей смуглотелой испанкой на голубом шелке, и Скачков повязал его вокруг своих бедер.

— Ча-ча! — воскликнул Стась. — Петя, ты душка! Действительно, вид у старпома был «экзотический»: драная фуражка, синяя татуировка на груди, изображающая палящий из всех пушек корсарский парусник, и цветная повязка на бедрах. Все хохотали, глядя на Петьку. Вскоре мы повалились в скудную тень на ложе из пальмовых листьев и мгновенно заснули...

...Солнце напекло голову, и она не то чтобы болела, а была какой-то тяжелой. Ветер с залива немного утих, и грохот волн замолк. Утомившись, они вяло насккивали на риф и не ревели, а лишь урчали, облизывая сырой песок. Волны словно стремились к пальмам. Но золотая полоска песка была непреодолимой для них преградой. И как бы ни бушевал океан, как бы вода ни бросалась на камни, преодолеть песчаную полосу она была не в силах...

Ребята еще спали. Корин, как всегда, на спине, скрепив на груди руки, Скачков на боку, подтянув к самому подбородку коленки. Валентин лежал вниз животом, положив голову на руки. По его потному лицу ползла большая ярко-желтая муха. «Может, це-це...» — подумал я и осторожно махнул ладонью. Муха обиженно зажужжала и, разбежавшись по щеке «адмирала», улетела прочь.

Чайки, все так же тревожно и печально вскрикивая, носились над полосой прибоя. Иногда то одна, то дру-

гая складывали свои крылья и с высоты падали прямо в воду. Невдалеке от нашего лагеря бежали по сырому песку длинноносые голенастые кулички. Точно такие же, какие я много раз видел невядалеке от своего дома, на болоте... Кулички что-то выискивали в песке. Наверное, жирных личинок и рачков. Они то вместе бежали по мокрому песку, спасаясь от волны, то так же дружно спешили за ней, когда волна, торопливо переворачивая гальку и битые раковины, отступала обратно. Кулички бежали за волной и все время втыкали свои длинные клювы в сырой песок или что-то шарили под глянцево блестящими ракушками. Бенка как после обеда забрался на пальму, так и не слезал с нее: лазал в ветвях и качался на листьях. То зацепившись за них руками, то повиснув вниз головой на хвосте.

— Воспитывали тебя, воспитывали, а что толку? Пойдем гулять, слышишь?..

Но Бенка сделал вид, что не слышит меня. Он даже отвернулся и принялся внимательно рассматривать кончик своего хвоста. А потом шмыгнул в самую гущу листьев и затаился там. Наверно, боялся, что мы опять уйдем в море и он больше не увидит этих чудесных деревьев с широкими, словно расчесанными гребенкой, листьями.

Взяв в руки бамбуковую палку, я натянул на ноги свои порядком истрепанные кеды, повязал на голову рубашку, вернее, жалкие лохмотья, в которые она превратилась во время высадки, и отправился в небольшую экскурсию на расстояние видимости от нашего лагеря.

Я иду по самой кромке сырого песка. Смирившиеся, побежденные волны лижут мои ноги, а я наступаю на них и разбрызгиваю сверкающими каплями.

Стоп... Что это торчит из песка? Какой-то острый зуб. Осторожно подковырнув его, я вытаскиваю из песка рогатую, колючую раковину. Вся она покрыта слизью. Из розоватого нутра неприятно пахнет гнилью. Это ничего. Слизь отчистим, внутрь зальем хлорки: там, в спиральных завитках, гниют остатки хозяина раковины — брюхоногого моллюска. Таких моллюсков с шиповатыми раковинами, наверно, много в воде — везде валяются осколки, ярко сверкающие на солнце перламутром. Шипы на раковине помогают удерживаться моллюску во время сильного наката: они врезаются в

грунт, и волна не в силах швырнуть раковину вместе с ее хозяином на берег.

А вот еще одна ракушка. Светло-шоколадная, в желтоватых, расплывчатых полосах и пятнах. Сверху она совершенно круглая, а снизу плоская, с рубчатым отверстием. Вот в таких раковинах навсегда остается шум моря. Куда бы вы ни отвезли ее, хоть в пустыню, хоть в самый центр самого крупного города, стоит поднести раковину к уху — и вы услышите, как шумит накатная волна, как мчится она по песку, переворачивая гальку. Правда, при одном условии: если у вас есть хоть немножко фантазии. Ну что ж, пожалуй, я так и сделаю. Отвезу эту раковину домой... Пускай мне шумит море, если я слишком засижусь на берегу. Пускай мне напоминает о нем. Хотя трудно предположить, чтобы я мог забыть его.

На камнях, торчащих из воды, греются крабы. Их очень много. И всяких — больших и маленьких. Крупные, с панцирями в две ладони, крабы занимают самые лучшие места — центр камня. А крабы поменьше теснятся по краям. Крабов на камнях так много, что кажется, будто камни шевелятся. При моем приближении крабы начинают покидать камни. Сначала в воду дождем сыплются мелкие крабики, потом покрупнее. А самые большие, те солидно, не торопясь отступают на самый дальний от меня край камня и тщательно изучают меня: кто такой? Откуда? Их глаза на подвижных стебельках шевелятся и то выскакивают из углублений, то прячутся. Я делаю шаг, другой... поднимая свое бамбуковое копье... было бы здорово поймать несколько крабов и сварить... целуюсь — и нервы у крабов не выдерживают. Они, смешно раскорячив ноги, прыгают в набежавшую волну.

Иду дальше, и океан продолжает щедро одаривать меня всевозможными подарками. В рубашке, которую я снял с головы, уже лежит красивая веточка коралла, совершенно белая, вся в острых отростках с небольшими отверстиями в виде розочек на краях. Через эти розочки коралловые полипы, создатели этих чудесных, твердых как камень «веточек», высывывали свои перистые, нежные щупальца. Рядом с веточкой лежит большой краб. Мне все же удалось добыть одного. Он очень большой, с панцирем, на котором морские черви соорудили множество белых известковых трубок-домиков.

Краб был старый, медлительный. И поэтому мне удалось оглушить его древком копья. Прибавилось к моей коллекции еще несколько раковин и небольшой пластмассовый буюк с надписью: «Сделано в Дании». Как видно, здесь в заливе пытались что-то промышлять датчане. Покажу ребятам буюк, а потом отдам Бенке. Пускай играет.

Однако пора, пожалуй, и возвращаться: солнце клонится к горизонту. Интересно посмотреть: а что там, вон за тем мысыком? Но нет, пожалуй, не стоит идти до мысика. Пора к лагерю. Пора...

...А в лагере под пальмами жарким бездымным пламенем пылал огонь. На палке ведро. Скачков в фуражке, в набедренной повязке и с неизменной трубкой во рту сидел возле костра. Подправляя палкой пылающие угли. Стась же и Валентин занимались странным делом: бегали на четвереньках, пытаясь кого-то поймать...

— Решили поужинать крабами... — сообщил Петр на мой вопросительный взгляд, — крабов тут на песке тьма!

Я заглянул в ведро. В нем кипела пустая вода.

— Нет. Пока еще ни одного не поймали. Не приновились. Все ж у нас на двоих лишь четыре ноги, а у каждого из крабов по десять! Попробуй догони...

— По восемь, — поправил я Скачкова. — У всех крабов по восемь ног. И у раков тоже...

— Ну, что восемь, что десять... Носятся, проклятые. А потом шмыг в нору и тью-тью. Пожалуй, ни одного не поймают. Сейчас потушу костер.

— Нет, не туши! Будут крабы. Через полчаса — с полведра... Ну-ка дай вон ту тоненькую палочку.

Пожав плечами, Петр подал мне тоненькую палку, и я, оставив под пальмой свои находки, направился к незадачливым краболовам.

Действительно, крабов, живущих не в воде, а на песчаном пляже, здесь очень много. Куда ни кинешь взгляд, всюду виднелись кучки песка и темные отверстия норок. Возле норок настороженно вращали своими глазами-телескопчиками желтые, в оранжевых полосках какие-то мохнатенькие крабы. Стоило подойти поближе, как крабы вскакивали в норки, секунду-другую выглядывали из нее, а потом проворно шмыгали в прохладную, темную глубину.

— Эй, вы, жалкие дилетанты! — сказал я. — Смотрите, как это делается.

Корин, он в этот момент стоял в нелепой позе на четвереньках и глядел одним глазом в черную дырочку норки, из которой на него с интересом уставились крабы глаза, даже не обернулся. Валентин же сел и стал смотреть в мою сторону. Я выбрал норку покрупнее, в которую только что спрятался краб, и всунул в нее палку. Крабы делают норки совершенно прямыми, без всяких изгибов. Вот это их и губит. Придавив краба палкой, я руками быстро отрыл рядом с норкой ямку и вытащил из-под палки полуживого краба. Варварский, конечно, способ, но что поделаешь: желудок властно требует пищи.

Через полчаса отваренные в соленой воде крабы звонко захрустели на наших зубах. Вкус у них был превосходный.

Солнце, добросовестно отсветив положенные часы, опускалось в какую-то сиреневатую пелену, повисшую над горизонтом. Оно было вишневым, неярким. Потягивая дымок из скачковской трубки, мы, не щуря глаз, долго смотрели на солнце, пока оно не скрылось за океаном.

Тотчас стало темно и тревожно. Ночь торопливо натягивала над нашими головами свой черный полог. В кустах, за нашими спинами, что-то затрещало и послышался непонятный звук.

— Лев... — прошептал Скачков, — чихнул от табака...

Корин засмеялся, но смех его был неуверенный: а кто его знает, может, там действительно лев. Или черная злобная пантера. А может, в тот момент, когда мы посмеиваемся над чихающим львом, из кустов совершенно неслышно и невидимо подползает гигантский питон. И будет совсем не до смеха, если он обовьется вокруг тебя и стиснет в ужасных объятиях. Все же Африка... В кустах опять что-то зашуршало, мы все испуганно обернулись туда, потом Петр подбросил в огонь дров.

— Вахтенный, смотреть в оба, — распорядился Валентин, — чуть что — будить остальных. Уходим с рассветом. Поэтому сейчас всем спать.

В густой кроне пальмы попискивал Бенка: спать на пальме неудобно. Отвык. Да и страшновато, а слезать с дерева — примут ли? Ведь целый день он провел на дереве, дичился нас.

— Бенка, старина, иди сюда... — сонным голосом позвал Петр. Спустя несколько минут легкая тень скользнула по стволу и теплый комок прильнул к моему животу.

В двенадцать ночи, разбуженный Скачковым, я принял дежурство. Петр вручил мне наше бамбуковое копьё и, зевая, лег возле Корины. Немножко повозившись, он быстро заснул.

Подбросив в костер несколько сухих палок, я, сжав в руке свое копьё, отошел на десяток метров в сторону от нашего лагеря и сел под пальмой. Океан чуть слышно шуршал волной, над заливом сверкал месяц. Было очень светло. Из воды в полусотне метров от берега торчали, словно черные, гнилые зубы, рифы... Из кустарников доносились пронзительные звуки. Это звенели, стрекотали цикады. Чуть слышно потрескивали уголья в костре. Он горел ровным огнем, лишь изредка вздрагивая от едва заметного дыхания океана. И тогда тени от пальм совершали на песке два-три па фантастического танца.

Ночь в Африке. Океан, пальмы... крик тропических цикад... И мы. Почесав древком копьё щиколотку, я подумал, что, пожалуй, нужно подложить дров в костер. Ребята спали. Тоненько посвистывал носом Петр, что-то бормотал Станислав; корчился, подтягивал к груди стынувшие коленки, Валентин. А я сидел у костра, размышлял: «Мы в Африке!.. В странной роли терпящих бедствие. Увидела бы меня сейчас Наташа: почти голый бородатый дядька с самодельным копьём. Ее муж. А ведь как смеялась когда-то, услышав от меня: «...в Африку хочу». Я и сам не был уверен тогда, что доберусь до этого континента. Но все ж добрался, хоть путь был долгим и окольным — через Камчатку.

Да. Камчатка... Но сначала был гудящий, гулкий вокзал. Наверно, он запомнился мне так потому, что еще там, на вокзале, когда мы уже сидели с Наташей в вагоне, когда у нас уже были билеты для проезда из конца в конец страны, я до конца не верил, что она едет со

мной. И торопил минуты, ждал свистка, ждал, когда вагоны вздрогнут и перрон поползет мимо окон назад. Мы уезжали. Вместе. Ехали во Владивосток. И еще дальше — в Петропавловск-Камчатский. Я был туда командирован. Так уж сложились обстоятельства.

Во Владивостоке — ты помнишь, Наташа?.. — я купил тебе большие красные цветы — лотосы, а когда мы на громадном белом лайнере шли Тихим океаном, завязывал твои косы на поручнях. Боялся, что упадешь в воду. Мы долго плыли по Японскому, Охотскому морям и Тихому океану. Мы видели китов и громадных морских зверей — сивучей. А потом на горизонте показались белые вершины вулканов. Один из них дымил — на фоне голубого неба завис фиолетовый столб. Это была Камчатка. Чудесный, удивительный край. Где живут сильные, мужественные люди, где есть горячие источники, медведи... где иногда земля сотрясается, а на берег налетают сокрушительные волны цунами... Дом, в котором мы получили комнату, стоял на крутом откосе. В одно окно была видна бухта. Другое глядело в земляной откос. Во время сильных ливней вода вместе с грязью пробивалась через щели окна и растекалась по полу... Ты помнишь, Наташа, тот наш первый камчатский вечер? В комнате пусто. Мы сидели возле колченогого стула на чемоданах. Радио, черным ухом повисшее на стене, сыпло играло спортивный марш. Шампанское пузырилось в стаканах, тени бродили по стенам...

А потом... уж такая у меня была работа: я очень много ездил. Бывал на Чукотке, Курилах, Колыме, в глубинных районах Камчатки. Бывало всякое. Однажды зимой в сорокаградусный мороз наша собачья упряжка провалилась под лед реки. Никогда не забуду: черные, разбегающиеся паутиной трещины на льду... черная вода полыньи... вожак, красивый, белый пес, с минуту цеплялся лапами за лед и выл, но потом и он исчез в кипящей воде. Но я не погиб — выдержал. Я добрел до жилья — долгих тридцать километров по заснеженной, морозной пустыне. Потом в нашу жизнь вошло море. Оно плескалось внизу, казалось, у самого порога нашего дома. Корабли входили и уходили из бухты в просторы океана. Снизу доносились то звонкие, задорные, то силовые, простуженные вскрики теплоходов. Иногда

они гудели все вместе отрывисто и тревожно. Это кто-то не вернулся с моря. Это кто-то никогда больше не сойдет с палубы судна на пирс... Когда мы весной вскапывали огород, около лопат кружились не грачи, а чайки. Океан. Вот он, совсем рядом. Он манил, звал. И однажды на парусной шхуне «Краб» я отправился в далекий Оссорский залив. Чуть накренившись, шхуна быстро мчалась мимо пустынных лесистых берегов. В парусах бился ветер, а около борта взрезали острыми спинными плавниками воду черно-белые косатки. «Мыс Африка...» — сказал капитан, ткнув чубуком прогоревшей трубки в обрывистый, покрытый блестящим натечным льдом, выступ. «Мыс Африка...» Ночью мне приснилась жаркая страна, знойное небо, смуглые люди... Африка! Вот бы где побывать!

Потом нас трепал жестокий шторм, и я проклинал тот момент, когда поднялся на шхуну... Тогда впервые я узнал, какая это радость — возвращение с моря в порт. Мы долго швартовались. Капитан, злой как черт, носился по ходовому мостику и сердито отдавал приказания простуженным голосом... А на пирсе мерзла ты. Терпеливо ждала, прикрывала от пронизывающего ветра букет — ветки с красными и золотистыми листьями клена. Ночью мы долго не могли заснуть. Я рассказывал о море, косатках и об Африке. В которой обязательно нужно побывать... «Море?.. Африка?..» — ты смеялась и трепала меня ладонью по голове. — «Хватит. Никаких морей. Никаких Африк. Слышишь?..» Но я все же ушел в море. А потом и к берегам Африки. Мы искали и ловили рыбу в разных морях. Было много трудностей, штормов, ураганов... тоски по берегу. Было всякое. И всегда было постоянным одно — фигурка на пирсе».

...Что-то зашуршало. Я открыл глаза: прямо на меня неслышно несло по песку что-то черное. Вскочив на ноги, весь похолодев, я занес над головой копьё... что-то черное, колченогое тоже замерло. Пристально вглядевшись, я облегченно выругался и, как дротик, метнул свое копьё. Оно вонзилось в песок, а «что-то черное» испуганно бросилось прочь. «Что-то» было крабом, тем самым песчаным крабом, которыми мы так превосходно сегодня поужинали. Вернее, я видел не самого краба, а его громадную, длинную тень.

Костер догорал. Острием копья я поворошил угли и подбросил еще несколько обломков сухих досок, найденных днем на берегу и принесенных к костру запасливым Скачковым. Пора было будить Корина. Несколько минут я любовался могучей фигурой и спокойно вздымающейся грудью. А потом бамбуковым древком начал щекотать его голые пятки: хватит спать, просыпайся...

Предательство.— Лагерь снимается; прощай, «Корифена»! — Идем вдоль Африки.— Обед из мидий.— К обитателям голубой лагуны.— Прыгаем по камням.— Фляга с формалином и я.— Кактусы.— Вдоль мангровы.— Черная вода.— Ночь на дереве

День на африканском берегу начался для корифенцев с неприятностей. Мы завтракали вчерашними холодными крабами и кокосовым молоком, как вдруг Бенка отбросил в сторону орех и встревоженно завертел головой. Мы тоже закрутили шеями, осмотрели залив, забелевший накатными волнами пляж. Потом взглянули вверх: на соседних пальмах болтались на хвостах, повиснув на листьях, и прыгали в ветвях шесть или семь мартышек. Точь-в-точь таких же, как наш Бенка. Только физиономии у них поглупее, да сами мартышки были более юркими, подвижными. В общем дикари...

Бенка отбросил в сторону орех, оглядел нас, потом посмотрел на пищащих мартышек и пулей взлетел на пальму. Раскачавшись на ветке, он перепрыгнул на другую, потом на третью пальму, а затем еще прыжок — и наш Бенка очутился в кругу себе подобных... Ну и гвалт же подняли они! Мартышки буквально взбесились. Они носились по дереву вверх-вниз, болтались на руках и ногах, повисали на хвостах и со всех сторон рассматривали нашего очумевшего от такой встречи Бенку. Он вертел во все стороны головой, зажимал уши ладошками и скалил зубы. Не то огрызался, не то смеялся. А мартышки что-то верещали, что-то объясняли ему, уговаривали его. Особенно старалась одна стройная длиннохвостая мартышечка. Она тоненько, возбужденно попискивала и осторожно, пожалуй, ласково дотрагивалась своей человеческой лапкой до Бенкиного носа, ушей, головы. И тот от удовольствия жмурил глаза...

— Уведут парня, — озабоченно сказал Петр и, сняв с головы свою просоленную морскими ветрами фуражку, показал ее Бенке. — Хеллоу, Бенка... на!..

Бенка, как любой юнга, очень любил морские фуражки. Особенно фуражку Пети Скачкова. Высшим удовольствием для него было играть с ней. То нахлобучивать себе ее на голову, то вообще прятаться под фуражкой. Нерешительно взглянув на изящную мартышечку, он соскочил с пальмы и взял фуражку.

— Держи!.. — воскликнул Петр. Мне удалось схватить Бенку за хвост, но тот огрызнулся и вцепился мне в палец зубами. Брызнула кровь, я разжал пальцы и Бенка одним духом взлетел на пальму в обществу визжавших от страха и восторга мартышек. Там он уселся на ветку, прислонился спиной к стволу и гордо нахлобучил фуражку себе на голову. Это ничего, что из-под нее торчали лишь задние ноги и хвост. Бенка, по-видимому, считал, что она ему в самый раз. Мартышки онемели от удивления. А шустрая самочка тоненько, радостно пискнула и тоже влезла под фуражку. Потом Бенка скинул с себя фуражку и отдал ее стройной обезьянке. Мартышка зажала ее в зубах, прыгнула на одну ветку, потом на другую... затем на соседнее дерево, метнулась в кустарник. Бенка и все мартышки последовали за ней. Еще с минуту мы слышали их возбужденное стрекотание, потом шум прибоя заглушил звуки леса.

— Плакали, Коля, твои денежки, — сказал Стась, разгрызая клешню краба, — лучше бы ты купил звонкую дакарскую посуду или нож «Джага». Знаешь, такой: нажмешь на кнопку — и лезвие — вжик! — выскакивает из рукоятки.

Я промолчал. Было немножко грустно, а вместе с тем очень легко и как-то светло на душе... Ах, Бенка, Бенка... Счастливо тебе, старина, наш забавный юнга. Счастливо, тебе!

Все вещи мы сложили невдалеке от «Корифены» под пальмами. Потом немного постояли возле сиротливо лежащей на боку лодки. И пошли прочь. Мы еще долго оглядывались, как будто оставляли здесь на берегу нечто очень дорогое для себя. Да, потери: лодка и Бенка... Но что поделаешь: главное, что мы живы... Это главное. А приключений без потерь не бывает. Прощай, «Корифена», прощай, Бенка!..

На мыске мы в последний раз оглянулись и зашагали дальше. Впереди Валентин с копьем, за ним Стась и Петр с трубкой во рту. Последним вышагиваю я. На шее болтается маска с трубкой, а в руке я тащу свой бидон с формалином и всякой коллекционной мелочью. Ребята советовали бросить его, но я пожалел: бутылка с усоногими рачками, забавные рыбешки, медузы, краб, раковины... нет, как-нибудь дотащу. Кроме того, я сказал Петру, что лев в кустах чихал не от его табака, а от запаха формалина. И что пока с нами эта банка, никакой хищник близко не подойдет. Петр согласился с моими доводами и предложил свою помощь, на которую я великодушно согласился.

Мы идем по песку, по самой кромке прилива. Песок здесь прохладен и, главное, тверд. Мы идем по песку, а рядом с нами вышагивают длинные черные тени. Они такие большие и солидные, что и мы кажемся себе очень большими. С теньями путешествовать как-то интереснее и, пожалуй, спокойнее: они шагают все время рядом.

Накатные волны становятся сильнее, круче. Чайки носятся над их гребнями и падают в пену: рыбку ловят... А я все время отстаю. То раковину новую замечу в песке, то рыбешку, выброшенную волной, или веточку коралла, большущего колючего морского ежа или голотурию, похожую на оранжевый огурец. Валька сердито покрикивает на меня и даже угрожающе помахивает копьем. А чего махать-то? Успеем... Теперь-то мы на суше. И ничего с нами не случится... Ах, как хочется добежать вон до тех кустиков! Они как пламенем охвачены, цветуг алыми и оранжевыми цветами. А над кустом порхает большущая, с крыльями, каждое в ладонь, бабочка. Крылья совершенно изумрудные. Когда бабочка взмахивает ими, кажется, что два сверкающих зеленым пламенем зеркальца то закрываются, то открываются...

— Леднев! Какого черта!.. — волнуется Валентин.

Подхватив бидон, я спешу за отрядом. Бегут как на пожар. Как будто в Африке они бывают каждый день... ах, какая бабочка! Я давно мечтаю о такой... О чудесной тропической бабочке, купленной не в иностранном порту в магазине редкостей, а пойманной самим.

— Ладно... потом поймаем,— утешает меня Петр,— давай твою проклятую флягу...

Отлив. В маленьких каменистых лужицах, в скользких, поросших водорослями бассейнах кипит жизнь. Множество игластых морских ежей, окрашенных в черно-фиолетовый цвет, группками скопились в прозрачных соленых озерах. Тут же мелкие и крупные звезды. Красные, оранжевые, с синими полосками и крапинками. Звезд так много, словно сыпались они ночью с неба, остывали и вот теперь тысячами разбросаны по всему берегу. А вот какая-то новая звезда: желто-восковая, пупырчатая и совершенно твердая. Опустив звезду в прозрачную лужицу, я ложусь животом на мокрый песок и вижу: снизу, из-под лучей, высовывается множество маленьких, почти прозрачных с нашлепками на концах ножек. Один из лучей вдруг приподнялся, и множество ножек потащили звезду под обломок кораллового рифа... Стоп, стоп... нечего тебе там делать, восковая звезда, а ну-ка, Петя, где ты там? Открывай крышку... поедешь ты, звезда, в музей... Нечего без толку ползать по берегу.

С больших валунов, виднеющихся на берегу, наблюдают за нами любопытные глаза ящериц. Завидев нас, они угрожающе приподнимаются на лапках, раздувают горло и быстро-быстро высовывают изо ртов черные язычки. Ящерицы очень пугливы и весьма любопытны. Вот одна соскочила с камня и, оставляя на песке цепочку маленьких следов, побежала, таясь за камнями, вслед за нами: люди... такое здесь встречается не часто.

Потом мы видим птицу. У птицы маленькая лысая голова с голой шеей и тонкий крючковатый нос. Птица сидит на песке и расклеывает выброшенную на песок водой тухлую рыбину. При нашем приближении птица неохотно расправляет крылья. Стоит так несколько мгновений, крутит головой, а потом, разбежавшись, взлетает.

Становится жарко. Тени укорачиваются. Солнце ожесточенно поливает нас своими лучами. Хорошо, хоть ветер с моря. Он немного остужает тела, высушивает пот, взбадривает. Но все же тяжело. Пора бы и отдохнуть. Валентин смотрит на часы и машет рукой: привал!.. Фу... вот и отлично. Гуськом мы уходим под

пальмы, расстилаем на песке брезент, и Валентин приказывает:

— Коля... — организуй орешков.

Легко сказать «организуй». Ребята думают, что если я вчера взобрался на пальму, то для меня это дело легкое, привычное. Конечно, я любил в детстве лазать по деревьям, но это было так давно. Однако не возражаю: все равно ведь кому-то лезть надо. Стась опускается на корточки, я становлюсь ему на плечи, и Стась поднимает меня. Теперь еще два метра — и вот они, орехи...

Несмотря на одуряющую жару, аппетит у всех превосходный. Мы довольно быстро расправляемся с последней рыбиной, и Корин, пока я отвернулся от мешка, уже выуживает и, жмуря глаза, обнюхивает полукруг колбасы. Наш неприкосновенный запас.

— Пейте молочко, детка, — советую я, — оно очень питательно. Почти пятнадцать процентов жира и пять — сахара.

— Не хочу молока, парни, — неохотно отдавая мне колбасу, сказал Стась, — я мяса хочу... чтобы зубам работу дать... Чего бы такого пожевать?

— Коля, подумай, пожалуйста, — просит меня Петр, — я тоже, понимаешь, хочу чего-нибудь такого. Ведь я мужчина, Коля. Я не могу жить одним молочком... В общем придумай... а?

— Устриц хотите?

— Давай устриц! Где они? — Корин встает, отряхивает с колен песчинки. — Петька, разжигай костер.

Забрав ведро, мы вместе с Кориным идем на берег. Прилив еще только начался, и большая полоса литорали свободна от воды. Искать долго не приходится: вот они, правда, не устрицы, а мидии — двухстворчатые моллюски, упрятавшие свое мясистое тело в темные, с фиолетовым отливом раковины. Их здесь много. Целыми колониями усыпаны камни, песок.

— Так здесь и живут? — спрашивает Стась, опускаясь на корточки. — Как же их волны не смывают?

— Попробуй потяни за одну из них...

Корин берется за самую крупную мидию, тянет, и вслед за ней тянется еще с десятков ракушек, плотно перепутанных какими-то крепкими синеватыми нитками. Нитки скрепляют не только моллюсков друг с другом; они, как якорями, вцепились в песок, за камни.

— Это биссус, Стась... Эти крепчайшие нитки, похожие на шелк, выделяются железами, расположенными в ноге мидий.

— А эти нитки красивые. И крепкие... смотри, какие упругие.

— Из них в Греции, Италии и на юге Франции изготавливают дорогие перчатки для женщин, кошельки, платки. Говорят, очень красивые.

Минут за двадцать мы насобирали с полведра крупных моллюсков, промыли их, очистили от нитей и повесили ведро над огнем...

Пир удался на славу. Скачков сказал, что дома он всегда будет употреблять «эти ракушки» в пищу. Живет он на берегу Курского залива, и там мидий очень много. Корин захотел расширить свои познания о мидиях, и я сообщил ему, что мидии обитают такими огромными колониями, что с отмелей, на которых поселяются моллюски, можно снять с одного квадратного метра до десяти тысяч моллюсков. А с одного гектара — до трехсот тонн мяса. В некоторых государствах существует специальный промысел мидий, а в Италии мидий разводят в особых питомниках. Там за ними ухаживают и регулярно снимают «урожай».

После обеда мы растянулись на брезенте, соорудив над своей головой некое подобие крыши из сухих пальмовых листьев. Это от солнца. Чтобы не очень сильно пекло... А я нашел на берегу засмоленную палку, может, кусочек палубной доски. Сняв с нее немного вара, залепил трещину в стекле маски, всунул в рот мундштук трубки и с копьём в руке пошел в воду, оставляя на песке странные следы: от босой ноги и большущий, лягушачий — от единственного ласта.

В этом месте образовалась большая тихая лагуна, отгороженная от залива грядой рифовых скал. На них гремел, бушевал прибой, а в лагуне вода лишь чуть заметно колебалась. Скользя и падая на заросших мохнатыми коричневыми, зелеными и бурыми водорослями камней, я вошел в воду по пояс, промыл стекло маски и нырнул...

Вода расступилась, и чудесный мир красок окружил меня со всех сторон. Да, звуков не было. Тишина. Только краски и движение. Неслышное, бесшумное движение... Неуклюже подгребая правой ногой в ласте

и левой, голой, я медленно плыл между громадными валунами над чистыми песчаными полянками. Я был не новичком в подводном царстве, и поэтому так приветливо кивали мне своими нежными вершинками-стеблями водоросли, дружелюбно покачивались оранжевые, желтые и белые веера горгонарий. Краски... какое обилие красок! Голубая, с зеленоватыми оттенками вода, вся пронизанная колеблющимися стрелами солнечных лучей, желтый песок весь в вспышках обломков перламутровых раковин и со всех сторон солнечные мазки: желтые, красные, зеленые, фиолетовые. Это водоросли и горгонарии; полипы, кожистыми, ушастыми наростами облепившие камни; пупырчатые губки, шарами приспособившиеся на обломках скал, в расщелинах, у оснований валунов; пузатенькие горшочки оранжевых асцидий; упругие мшанки, напоминающие чьи-то ветвистые рожки... И рыбы... Множество рыб. Стайками и в одиночку скользят они между камнями; поставив почти торчком хвостики, они копошатся вытянутыми губами в пёске, взмучивая его и что-то отыскивая. Небольшие яркоокрашенные рыбки то неподвижными точками застывают над кустиками водорослей, то, испугавшись чего-то, бросаются врассыпную. Глаза разбегаются в разные стороны. Краски, какие потрясающие краски! Совершенно дикий тон расцветки. Совершенно необычные переходы: рядом с лимонно-желтым фиолетовый цвет, с сиреневым соседствует темно-зеленый. Ясно, что подводный художник-декоратор был поклонником абстракционизма.

Легкое облачко мельчайшего песка на одной из полянок привлекло мое внимание. Облачко и темная продолговатая тень, скользнувшая над песком. Уцепившись рукой за камень, я присел на корточки, присмотрелся. Нет, ничего не видно. Поднял голову: возле самой моей маски колыхались на камне удивительные оранжевые, пестрые цветы. Они, как на черенках, росли на твердых известковых трубочках. Я чуть шевельнулся — и цветы... завяли. Нежные лепестки шмыгнули в трубочки и затаились там. Нет, это не цветы. Это морские многощетинковые черви. Цветы и черви. Какое странное сочетание слов! Но ведь это море. Здесь, в подводных садах, живут черви, прекрасные, как цветы. Немного успокоившись, цветок опять расцвел пышным

султанчиком — это выскользнули из твердой трубочки наружные жабры червя.

Взглянув на песок, я опять увидел густую овальную тень, скользящую над самым дном. А, это рыба-язык! Небольшая, длиной в ладонь, и совершенно плоская рыбка. Сверху все ее тело густо испещрено желтыми и оранжевыми полосками. Там же, наверху, два глаза и странно скособоченный рот. По всему краю тела нежные бахромчатые плавнички. Стоп! Рыбка опустилась на песок, чуть взмутила плавничками воду, и мелкие песчинки припорошили ее. Рыбка как бы одела чудесную шапку-невидимку: мгновенно слилась с песком. Исчезла из глаз. Наклонившись, я вытянул вперед свое копые: такого вида в музее, пожалуй, нет. Так, но где же она? Ага, вот... вот два темных блестящих пятнышка. Это ее глаза, наверно. Я ткнул копьем в песок, а рыбка... рыбка метнулась в сторону в полуметре от наконечника.

Всплыв, я отдышался и вновь погрузился под воду. Я плыл между валунами над песчаными полянками, по которым скользили солнечные блики, и почти на каждой полянке видел совершенно иных рыб, нежели на предыдущей. Вот здесь пасется небольшой табунок ярко-оранжевых усатых барабулек. Они очень похожи на наших обыкновенных речных пескарей. И образ жизни у них тот же: рыбки плывут над самым дном и своими чуткими усиками обшаривают песок. Вот усики что-то учуяли. Рыбка встала торчком и начала разбрасывать песок головой и грудными плавничками. А, червяк попался! Рыбка потянула его, но червяк был большой и упругий, он сжался, и рыбку, словно резинкой, дернуло к песку. Отчаянно затрепетав своими плавничками, она снова потянула червяка за хвост, тот вытянулся тонкой кишкой... на помощь барабульке бросились другие рыбешки, и общими усилиями они выдернули извивающегося червяка из песка. Тотчас вся стайка набросилась на него и немедленно разорвала в клочки.

Краб ползет куда-то. Ищет пададь, трудолюбивый подводный санитар. Все, что упадет мертвым, бездыханным телом на дно, все достанется крабам. Они все подчистят и косточки, плавники перемелют своими крепкими челюстями.

Чем дальше от берега, тем меньше песчаных площадок. На песок наступают водоросли. Они раскачиваются в сонном, подводном танце... очень плавном, без определенного ритма и такта. Выставив из воды кончик трубки, я словно лечу над водорослями, всматриваюсь в их жизнь. Скат проплыл. Может, хвосток. Не разобрал, есть у основания длинного его хвоста белая зазубренная игла или нет. В начале рейса нам попался громадный скат с размахом плавников около трех метров. Один из матросов подошел к нему слишком близко, скат резко повернулся и своей костяной пикой распорол голенище кожного сапога. Он уже издыхал, тот скат. А то ударом этой пики мог бы пробить ногу насквозь. Африканские негры раньше использовали шипы скатов для наконечников своих стрел и дротиков. Страшное оружие.

А вот рыбки-хирурги. Стайка их неторопливо скользит над водорослями. Рыбки совершенно шоколадные. Только на стебельке хвостового плавника ярко желтеет пятно. Оно как бы предостерегает всех хищников от близкого знакомства с хирургами. На пятне есть узкие с двух сторон хвостового стебля щели. Там, словно в ножнах, таится по кинжальчику. Каждый кинжал очень острый, изогнутый. В момент опасности кинжалы выскакивают из ножен, и хирург ожесточенно хлещет врага своим хвостом, нанося ему глубокие раны. И проглотить такую рыбку опасно: растопырит в предсмертных судорогах хирург свои кинжалы, и застрянут они у хищника в горле. Вот почему у этих рыб врагов в океане очень мало. Да, так уж устроен подводный мир: каждый вооружает себя, чтобы напасть на соседа, и каждый вооружает себя, чтобы защититься от соседа. Такова здесь жизнь, подчиненная неумолимому закону борьбы за существование. Отчаянной, ожесточенной борьбы.

Чувствую, что уже пора на берег. Взглянуть бы на обитателей рифов, но времени нет да и страшновато. Совсем глупо было бы натолкнуться на какую-нибудь зубастую мурену или стайку морских щук барракуд. Те живо до косточек обглодают. Нет уж. Не стоит.

Пора, пора! Пора расставаться с необыкновенным миром. Наверно, и корифенцы уже проснулись. Уже не отвлекаясь, плыву к берегу. Становится мельче, вода

теплее. Надо, пожалуй, горгонарий нарвать. Я дергаю оранжевый упругий веер, но пальцы мои скользят по его твердым веточкам. Тогда я подковыриваю веер клинком копья и снимаю с камня. Тотчас в желтоватой мути серебряными стрелками замелькали мелкие рыбки: они вылавливали едва приметных глазу червячков, которые жили под «корешком» горгонарии. Наковыряв целый пучок оранжевых, белых и красных «вееров», я выбираюсь на горячий песок пляжа.

— Какого черта! — раздается из-под пальм возмущенный Валин голос. — Забирай свою флягу и пошли!

— Ну что ж, пошли так пошли...

И снова я бреду позади всех. Во фляге бултыхается формалиновый раствор, и я нет-нет да и отвинчу металлическую крышку и бросаю в раствор моллюск или рыбешку, выброшенную приливом на жгучий песок. Потом флягу забирает Петр, и я, как ищейка, начинаю носиться вокруг отряда: то забегая вперед, то спешу к кустарникам, которые все больше притискивают нас к берегу, или отстаю, выковыривая из песка красивую ракушку. В одной луже обнаруживаю целый отряд маленьких раков-отшельников, разместившихся в белых и розовых спирально закрученных раковинах. Наверно, в них жили моллюски турителлы. Рачки ползают по дну, карабкаются друг на друга, а некоторые, составив свои домики ровным рядом, миролюбиво поглядывают вокруг. Понаблюдать бы. Но где там. Фигурки корифенцев уже скрываются за мысом. Зацепив целую пригоршню раков вместе с их домиками, в которых они прячут свои нежные брюшки, я спешу по взрытому ногами моих друзей песку. Раки-отшельники копошатся в кармане шортов, куда я их насыпал, и больно пощипывают тело сквозь ткань. Конечно, там душно. Но что поделаешь? Впереди их ожидают еще большие неприятности. Вон уже Петр оборачивается и на ходу отвинчивает крышку фляги.

— На вот тебе подарок, — говорит он и вытаскивает из-за своей яркой набедренной повязки засохшего краба-паука, — лежал на камне. Загорал, наверно. Заснул и весь высох. Как железный.

Это стригун. Клешни у него узкие, длинные, словно лезвия ножниц. Живые крабы все время раскрывают и

закрывают их. словно стригут невидимые волосы или траву. А ножки у краба тонкие, длинные. Похожие на паучи. Очень интересный краб, превосходный экземпляр. Обмотав его пучком сухой травы, я осторожно опустил в свой бидон. Только бы ножки не поломались.

Солнце стало понемногу сползать с небосвода. Тени наши разрослись и теперь бодро вышагивают рядом. А вот мы идем значительно медленнее, нежели утром. Устали. Да и берег резко изменился. Песчаная полоса исчезла, весь берег завален гигантскими красноватыми глыбами. Они, словно страшной оспой, изуродованы глубокими дырками, впадинами. Некоторые глыбы насквозь светятся отверстиями. Пальм становится все меньше и меньше. С одной из последних пальм мы сняли почти все орехи и, связав их гибкими хвостиками вместе, взяли с собой. Да, пожалуй, мы сделали правильно: вскоре пальмы совершенно исчезли, ушли в глубь материка. Туда, где на холмах зеленой стеной высятся могучие деревья, где все переплетено, перепутано лианами, а каждое пустое местечко между стволами заняли обсыпанные цветами кусты. Кусты только на вид красивые. Их твердые ветви вооружены острыми с палец колючками и густо переплетены упругими, ползучими растениями. И кактусы. Между ноздреватыми глыбами плотными рядами встали ярко-зеленые лапчатые кактусы. Их желтые острые колючки выглядят весьма внушительно, и поэтому мы кружились между глыбами, прыгали с камня на камень. При каждом прыжке в моем бидоне булькал раствор, и однажды чуть в самые кактусы не угодил... Хорошо бы я выглядел, если бы сел на эти колючки.

Все уже далеко ушли вперед. А я все прыгаю, скачу между кактусами. А это нелегко — с бидоном-то по камням. Острые края его днища бьют мне по ногам, по «косточкам». На правой ноге кожа содрана и ранка кровоточит. А, ч-черт! Еще удар... Стиснув зубы от боли, бросаю бидон и сажусь на камень. Проходит десяток минут, а я все сижу. Утираю пот с лица и дышу, словно загнанная лошадь. Откуда-то издалека доносятся голоса корифенцев. Потом из-за кактусов показывается Петр. Не говоря ни слова, он хватает мой бидон и начинает прыгать с камня на камень. Я вижу, как не-

сколько раз бидон стучает его по ногам, и морщусь, представляя себе, как это больно...

Но вот камни и кактусы кончаются. Опять песок. Валентин и Стась лежат, раскинув руки, дожидаются нас. Петр ставит бидон и пинает его.

— Знаешь, больше не понесу, — говорит он.

— Кинь ты его... — советует мне Корин, поднимаясь с песка, — ну что ты из себя корчишь?

А я ничего и не корчу. Мне просто жаль: ведь в нем столько интересного — незнакомая рыбина, крабы, раки, стригун... Ну как бросить? И не такой уж он тяжелый. Дотащу. Ребята поднимаются, и я тоже. Ручка бидона врезается в ладонь. Кажется, что с каждым шагом он становится все тяжелее. И будто длиннее. Раньше не задевал за песок, а теперь задевает.

Корифенцы уходят вперед. Я отстаю. Мне не поспеть за всеми. А может, понести его на плече? Несу. А если вот так, под мышкой? Нет, неудобно. Может, прижав к животу? Метров двадцать, откинувшись спиной назад, я несу бидон в руках, словно ребенка, потом швыряю. Жарища еще эта... и песок. От него исходит тяжелый, густой жар. Фу, морока! Может, все же бросить? Нет. Понесу. Столько тащил, мучился, и вдруг бросить.

Теперь я почти волоку проклятый бидон. Он так меня перекошил, что наверняка к концу похода у меня будет боковое искривление позвоночника. Ладони горят, кожа вспухла оранжевыми мозолями... сто шагов — смена рук, еще сто шагов — теперь его в правую руку. Сто шагов — отдых. Я разжимаю ладонь, и бидон тяжело шлепается своим плоским днищем в песок. Изнемогая, сажусь на него, закрываю глаза: нет, пожалуй, хватит. Финиш... я так больше не могу.

— Леднев, — кричит Валентин и грозит мне кулаком, — бросай его к...

Куда бросать я не расслышал. Ветерок относит Валькин голос в сторону. Да, пожалуй, все же надо бросить. Я поднимаюсь и спешу по следам корифенцев. Они уже скрылись за мысиком, и мне становится даже немного страшновато. Ну-ка поднажмем! Ух, до чего же легко, до чего же хорошо без бидона! Ноги сами несут меня, я рысцой спешу по горячему, взрытому ногami друзей берегу.

Вот и ребята. Сидят на камнях, дожидаются меня.

— Бросил,— говорит Валентин.

— Угу,— отвечаю я,— бросил.

— Ну и молодец,— замечает Стась,— еще неизвестно, сколько нам хромать по берегу.

— Ну и зря,— сплевывает Скачков,— ташил, ташил и бросил. И я-то дурак ноги об него оббивал...

Валюсь на песок и смотрю в синее небо. Орел там кружит, высматривает добычу. Видит он сверху все-все. Залив, берег, нас... и, наверно, бидон тоже видит. Брошенный мной на берегу у самой кромки воды.

— Прилив начнется и смоем его. Утянет в воду,— слышу я голос Скачкова.

Закрываю глаза, жмурюсь. Потом вскакиваю.

— Ребята, подождите немного. Я сейчас...

И снова проклятый бидон перекашивает меня с боку на бок. Снова ручка врезается в ладонь, и я от боли закусываю губы. Снова камни. Снова кактусы. Идти все тяжелее: между камнями не песок, а вязкий ил.

Вскоре мы вынуждены войти в воду: камни и кактусы буквально сталкивают нас в залив. Сначала пытаемся прорубиться сквозь кактусы, но свалить шкерочным ножом и лезвием самодельного копья плотные кактусовые ряды нам оказалось не под силу. Через полчаса схватки с зеленым колючим полчищем мы панически отступаем и, выражаясь языком Скачкова, делаем привал, чтобы «зализать свои раны»: руки и ноги наши, как подушечки для булавок, утыканы желтыми колючками.

— Проклятие,— с ожесточением ругается Корин, выдергивая шипы из кожи,— вот наплодились. Ну для чего, спрашивается... хоть бы польза какая была. Ха, пролезешь тут. Боюсь, что когда найдут нас, то мы будем бегать на четвереньках и при виде человека рычать и рыть лапами землю.

— Это, Стасик, опунция. Кактус так называется. И пользы от него, кстати, немало,— пытаюсь я немного взбодрить озлобленных корифенцев,— местные жители изготавливают из нее массу блюд. Даже сироп и, если хочешь знать, бумагу.

— Вот и будем здесь сидеть да бумагу изготавливать... Ха, чтобы дневники писать,— огрызается Корин и плюет на одну из кактусовых веток, широкую и плоскую, словно лепешка.

— Подъем, — громко командует Валентин, — попробуем обойти эту пакость по воде.

И мы бредем по воде. Бредем по колено в воде вдоль самого берега. Ноги наши выше щиколоток утопают в вязком иле. Под ним песок и мелкие камни. Какие-то рыбешки шмыгают между ногами. Я чувствую прикосновение их скользких тел к щиколоткам, и это весьма неприятно. Черт их знает, что там за рыбы. А вдруг какие-нибудь опасные, ядовитые? Вроде «морского дракончика». На дракончика лишь только наступи, он тебе живо всадит свои ядовитые шипы в пятку. Потом я вспоминаю, что «морские дракончики» не терпят ила, он им забивает жабры, и это меня немного успокаивает.

Проходит час, полтора. Солнце уже прицеливается, в каком бы месте шмыгнуть за горизонт, а мы идем и идем. Валуны и кактусники на берегу кончились, но теперь весь он скрыт мангровой — непроходимым, очень неприятным на вид лесом. Представьте себе дерево, стоящее на множестве ходуль. Но дерево не одно — тысячи, десятки тысяч крючковатых древесных стволов вошли на своих костылях-ходулях в воду. Они не что иное, как воздушные корни, растущие у мангровых деревьев от ветвей вниз, через воду в ил. Мрачные, отвратительные на вид деревья и совершенно непроходимые кустарники, стоящие в воде на искривленных, уродливых, словно ноги неведомых насекомых, ходульных корнях, тянутся вдоль берега плотной стеной. Их корни смело входят в глубокую воду и не пускают нас на берег. Вода доходит уже до пояса. Еле переставляя ноги в вязком иле, мы бредем, с надеждой вглядываясь вперед: там, километра через полтора, виднеются шапки кокосовых пальм.

Мангровый лес тих и мрачен. Ни пения птиц, ни бабочек, радующих глаз своей пестрой окраской. Гнетущая, настороженная тишина. Лишь иногда что-то громко всплескивается под деревьями и по темной воде расходятся большие круги.

— Лягухи прыгают, — тихо говорит мне Петр, — я сам хорошо видел: вот такая... серенькая — бултых в воду.

Дай бог, чтобы лягушки. Мне что-то опять вспомнились подводные джунгли и морской змей, рожденный

моей фантазией. Уж если где поселиться морскому чудищу, то только здесь. В этом безобразном переплетении корней, среди этих молчаливых дебрей... в черной стоячей воде...

Солнечный диск коснулся полосы горизонта, и мангрова принимает зловещий вид: черные, скрюченные, словно в ужасных муках, деревья на костылях и красная, в черных разводах вода. Уставшие, измученные илом, который всасывает наши ноги, мы медленно тащимся вдоль мангровы. Вода поднимается все выше. Надо что-то предпринимать. Но что? Ждать до утра, вскарабкавшись на какое-нибудь дерево? Нет. Это отпадает: лишь только солнце приблизилось к горизонту и стих небольшой ветерок, дувший с залива, над нами появились маленькие злые мушки. Москиты. Обитатели сырых, тропических лесов, они с жадным нетерпением набрасываются на нас, вонзают в наши лица, шеи, головы свои жала. Нет, если мы заберемся на деревья, утром на ветках будут сидеть скелеты. Я с ожесточением хлещу себя по шее и стискиваю зубы, чтобы не взвыть от боли и ярости. Слабый ветерок, еще несколько раз вздохнув, словно он сожалел, что больше не может помочь нам, стихает. Солнце ушло на покой, а мы...

— ...Идем навстречу своей гибели, — громко говорит Корин, — мы входим в реку, парни. Становится глубже... смотрите, что-то плывет.

— Крокодил, — определяет Скачков, негромко икнув.

Мы останавливаемся, замираем. Москиты тотчас густым роем атакуют нас, лезут в уши, ноздри, в уголки глаз. Они тоненько звенят, пожалуй, даже красиво. По крайней мере мелодично. Но от этого звона сердца наши в страхе сжимаются: впереди ночь. Ночь в компании с москитами.

— Коряга, — облегченно вздыхает Валентин, — точно. Мы в реке. Коряга плывет в океан.

Вода поднимается выше, но грунт становится тверже. Вскоре вода добирается до груди. Шагов через двадцать еще выше. На фоне закатного неба я вижу перед собой две головы и широкие плечи Корина. Одна голова негромко икает.

— Перестань икать. Нашел время: крокодилов поднимешь... — просит Валентин.

Фляга плавает за мной. Я ее привязал бечевкой к поясу. Раствору в ней немного, и она плавает в воде, раскачиваясь своим широким горлом. Иногда она больно стучает меня по шее. И я все время думаю: сейчас отвяжу. Ну ее... Но пока не отвязываю. Жаль...

Мангрова исчезает в темноте. Постепенно глубина уменьшается, ноги снова стали вязнуть в иле. Значит, миновали речку. Москиты все так же впиваются своими жалами в наши тела, и мы все четверо бормочем проклятия и хлещем себя по лицам, плечам, с треском скребем шеи, затылки, руки...

— Стоп! — восклицает Валентин. — На что-то натолкнулся. Ага, опять эта чертова мангрова.

— Ребята, больше не могу, отдохнуть бы, а? Может, трубочку выкурим. Взберемся на дерево... табачок эту гнусь разгонит, а? — просит Петр.

— Пожалуй, — соглашается Валентин.

...Через несколько минут мы сидим на крючковатых ветвях и Петр осторожно извлекает из своего резинового мешочка спички, коробку с табаком и трубку. Вспыхнул огонек и осветил наши грязные, в расчесах, распухшие от укусов лица. От табачного дыма приятно закружилась голова, потянуло в сон. Обеспокоенная мошкара возмущенно гудит над нашими головами, но кусаться стала меньше. Потом с залива подул ветерок, и мошки мгновенно исчезли. Стало удивительно хорошо. Действительно, а не пересидеть ли нам ночь на дереве?

— Ой, что-то по мне ползет, — прошептал Петр.

— Хватай, — сказал я.

— Держи! — крикнул Скачков и сунул мне в ладонь что-то упругое, извивающееся и пищущее. Скривившись от омерзения, я открыл крышку фляги, и в растворе звонко булькнуло. Есть, кого-то поймали... Утром посмотрим.

Месяц выплыл из-за тучки. Лунный свет заливал мангрову и наши скорчившиеся испачканные фигуры. Петр сидел на дереве удобно и уверенно, сидел, откинувшись к стволу и скрестив на груди руки. На дереве он себя чувствовал так, как будто всю жизнь только и делал, что отдыхал на деревьях. Мы с Валентином тоже устроились весьма сносно, а вот Корин все не мог

устроиться: ерзал, крутился, и ветки противно под ним потрескивали.

— Плохо быть макакой, — сердито бормотал он, пытаясь поудобнее разместить свое громоздкое тело на тонких корявых сучках. Сон властно затуманивал мое сознание. Страшным усилием воли я тарашил глаза и вяло думал, что сейчас ветерок кончится и проклятая мошкара опять набросится на нас. И о том, что если Стась так будет вертеться, то он обязательно свалится в воду.

От громкого всплеска я вздрогнул, раскрыл сомкнувшиеся все же глаза.

— Что-то упало, — с философским спокойствием заметил Петр.

— Это «что-то» я! — почти без всякого раздражения откликнулся Стась. — Коля, подай руку. Корни скользкие, словно клеем вымазаны.

А потом ветер иссяк и мошкара снова дружно и неистово набросилась на нас. Как-то в своих мечтах и грезах о путешествии по Африке я забыл про такую существенную деталь, как москиты. Противные насекомые с назойливостью вечно голодных тварей впивались в нас своими острыми, жадными хоботками и пили, пили нашу кровь. Сотни, тысячи микроскопических насекомых лезли в ноздри, уши, в уголки глаз, в рот. От зуда и боли хотелось кричать, выть, раздирать свое тело до костей ногтями. Со стонами и отвратительными морскими проклятиями мы били мошкару ладонями и чесались с ожесточением тысячи запаршивевших обезьян. От дикого, звериного воя нас удерживали лишь мужская гордость и маленькое, злобное наслаждение, когда под ладонью лопались, давились сотни окровавленных телец.

Потом мне пришла в голову идея. Привязав покрепче свой бидон к веткам, я сказал ребятам:

— Послушайте, я посижу немного в воде. — Сказал и, всунув в рот мундштук своей дыхательной трубки, плюхнулся вниз, в черную воду. Там я сел на корточках и, прислонившись к бугристым от наростов ракушек корням, высунул трубку из воды. Прохладная вода омыла мою искусанную, расчесанную до царапин кожу; мерзкие насекомые остались наверху... тишина и покой. И еще непроглядная темнота. Какие-то существа, ма-

ленькие и подвижные, ползали по моим коленям, животу... мысли вялые, резиновые так же медленно бродили в голове. Корни дерева мелко, торопливо вибрировали. Это крутились в его ветвях совершенно отчаявшиеся корифенцы. «Надо по-честному,— вяло копошилась мысль,— надо... всем... по очереди... Сейчас...» Опять кто-то торопливо пробежал по мне. По шее. Чьи-то мягкие усики пощекотали затылок, нежно, очень осторожно и так приятно, что сердце замерло, прикоснулись к расцарапанным щекам. Потом кто-то неуверенно куснул мне мизинец левой ноги, торчащей из разорванного кеда. Я пошевелил ногой, но невидимое существо уже более агрессивно вцепилось в мой палец. Протянул руку... ага... попался. В ладони забился, зацепил мне кожу краб.

Я вынырнул.

— Кто следующий? — спросил, вынимая мундштук изо рта.

— Идти дальше решили,— сообщил Валентин,— держи свою флягу.

Не знаю, сколько мы шли: час, три или больше. Помню только лунный свет на темной спокойной воде, черные шатающиеся силуэты моих товарищей, темный, молчаливый лес на ходулях корней. И москиты. Отвратительные, ненавистные мошки, с звенящим зудом раздрающие нашу кожу, мышцы. Голова тяжелая и вместе с тем пустая, как резиновая груша, без мыслей. В суставах боль... неприятный озноб и холодный пот. Возможно, что в кровь нашу проник какой-то яд от укусов мошкар.

Потом мы услышали отдаленный шум. Встревоженная мошкара с еще большим ожесточением набросилась на нас, а потом в наши лица дохнул прохладный, насыщенный на гниющих водорослях и крутой соли ветер. Это дышал ночной океан. Москиты панически отступили перед ветерком, грунт под ногами стал плотнее. Все громче гремели о прибрежные рифы волны, постукивали, хрустели битые ракушки и обкатанная галька. Шум накатных волн. Удивительнее музыки в эти минуты не было для нас на свете.

Еще небольшое напряжение сил, еще сотня-другая шагов — и мы повалились на песок. Несколько минут

лежали неподвижно, потом приподнялся Валентин, тронул Петра за плечо:

— Петя... — трубку...

Скачков с кряхтением сел, развязал свой резиновый мешочек, чиркнул спичкой. Потом что-то снял с моего затылка.

— Присосалась. Какая-то пакость с присоской... ишь раздулась. Куда ее, Коля?

Я постучал рукой по фляге. Я еще слышал, как Петр отвинчивал крышку. Потом все провалилось в сладкую, звенящую мглу...

Девочка в красной юбке.— Тут Гана или Того?..— Рыбацкая деревня.— Маленькая операция.— У вомера человеческий профиль.— Парень крутит над головой сеть.— Барракуды.— Смуглые девушки танцуют в воде.— Ночной костер.— Красный аллигатор...— Встреча с «Марлином».— Вечер у намыленной елки.— Возвращение

Что-то защекотало в носу. Муха, наверно. Не открывая глаз, я махнул ладонью. Муха пробежалась по щеке, носу и опять полезла в правую ноздрю. Я чихнул и открыл глаза. Солнце уже взошло, ярко голубело небо, обещая жаркий день, а листья кокосовых пальм сухо шелестели над головой.

Потянувшись, я повернул голову: рядом со мной сидела смуглая девочка и держала в руках травинку. От неожиданности я отшатнулся, девочка тоже отпрянула в сторону, села на песок и, немного испуганно улынувшись, быстро-быстро захлопала большими карими глазами. Было ей лет двенадцать. Худощавая, тонкорукая, гибкая, в красной вылинявшей юбке и тонкими, белыми браслетами на кистях. В курчавые черные волосы был воткнут отточенный карандаш. Значит, школьница. Если она разговаривает по-английски, то мы в Гане. Если не поймет, значит, в соседней стране — в Того. Там разговаривают по-французски.

— Как твое имя? — спросил я.

— Джейн...

— Джен?

— Ноу, мистер... Джейн... — ответила девочка и обнажила в улыбке белые зубы. Немного кокетливым, мягким движением рук она поправила тугие завитульки на своих висках и пододвинулась ближе.

— А вы кто?

— Русские...

— Рашен?

— Иес... рыбаки мы, гм...— я не помнил, как по-английски будет «кораблекрушение», и коряво пояснил: — Мы вышли из воды...

Брови Джейн удивленно поднялись вверх и несколько мгновений изображали собой две крутых дуги. Потом опустились, и девочка кивнула головой. Может быть, она догадалась, что с нами произошло, может, просто из вежливости сделала вид, что все поняла.

— А ты кто? — спросил я, растирая ладонями лицо.

— У меня отец рыбак. Он здесь, в деревне. А я учусь в Аккре.

— Это далеко? До Аккры?

— Сначала по дороге через джунгли. До шоссе. А потом надо ехать на автобусе. К вечеру будет Аккра. У нас каникулы, и я приехала к отцу.

— Ты проведешь нас в деревню?

— Иес...

Я встал, потянулся. Все мышцы болели. На ногах царапины. На груди тоже. Ребята еще спали. Вид их был ужасен. Перепачканные илом, исцарапанные, заросшие щетиной, с распухшими, в красноватых волдырях лицами, нечесаными волосами. М-да... потерпевшие кораблекрушение.

Валентин и Петр, крайне изумленные появлением девочки, сразу вскочили на ноги, а Корина было не добудиться. Он отмахивался своими кулачищами и прятал лицо под разодранную, пахнущую тинкой рубашку. Потом встал и, вскрикнув, упал на песок: левая пятка распухла упругой подушкой.

— Ночью на что-то наступил. Остро так кольнуло, а сейчас... ой, ч-ерт... да не мни ты пятку! Петька, тресну...

— Ее размассировать надо, — советовал Петр, рассматривая ногу Корина, — размассировать, и все пройдет.

— Ну-ка. — Я сел на корточки, осмотрел ногу: в центре пятки под кожей чернело. — На ежа, наверно, наступил, Стась... вырезать бы...

— Пошли вы все... «вырезать», «размассировать». Доскачу потихоньку до деревни... Петя, дай вон ту палку...

Чуть ступая на пальцы, он неуверенно встал и, морщась от боли, побрел за нами по песку. Девочка сначала семенила впереди нас, а потом что-то крикнула и

побежала. Вскоре ее юбка мелькнула в последний раз, и девочка скрылась за небольшим мысыком. Я подставил Корину плечо, и он, опираясь на свой костыль, запрыгал, прикусывая от боли губу... Вот и мысик, сейчас мы завернем за него и увидим деревню. Сейчас... еще десяток шагов, еще немного... терпи, Стась, терпи. Понеслось шум, голоса... Из-за мыса выскочила толпа — человек десять мужчин и женщин. Среди них ярко сверкала красная юбка. Смуглые высокие парни в белых холщовых штанах и девушки в одних юбках подскочили к Корину, схватили его, подняли на руки и побежали. Несколько мгновений мы, онемев от изумления, смотрели вслед бегущей толпе, потом бросились за ними. Вот и мыс. Глазам нашим открылся пологий песчаный берег, вогнутой дугой вдающийся в сушу, ряды кокосовых пальм, несколько лодок и хижины с остроконечными крышами.

От толпы, несущей Корина, отделилась девочка в красной юбке.

— Деревня! — крикнула она и побежала рядом.

Нет, мы не могли так бежать, как бежала толпа. Задышавшись, замедлили бег, потом пошли шагом. Девочка шла рядом. Она участливо глядела в наши побледневшие лица, отобрала у меня флягу.

Потом мы слышали отчаянный вопль, явно принадлежащий могучим легким Корина, и вновь рванулись по взрытому десятком пар ног песку.

— Эй, на помощь! — взывался к голубому небу голос Корина. — На помощь!

На сердце у нас стало тревожно: что они там с ним делают?

Когда мы подошли, толпа расступилась, и мы увидели странную картину: вспотевшие от напряжения смуглые мужчины держали рвущегося из рук Корина, а совершенно высохший от старости седой старик что-то делал с его пяткой, прижавшись к ней ртом. Увидев нас, Стась немного успокоился и, как бы извиняясь, сказал:

— Боль адская, словно штопор в пятку ввинтили...

Старик оторвался от ноги и сплюнул в песок розовую жидкость. Я наклонился: ранка была рассосана, и в самом центре торчал черный кончик. Ну точно, иглы морского ежа. Слизь, которой они покрыты, очень

опасна для человеческой крови, и поэтому пятку так разнесло. Кивнув мне головой, старик длинными коричневыми ногтями ухватился за кончик иглы и дернул. Стась еще раз вскрикнул и замолк. Операция окончилась.

Через полчаса, умывшись холодной пресной водой из ручья, сбегаящего в океан недалеко от деревни, мы сидели на низеньких скамеечках около жилища старосты, того самого седого, высушенного годами и солнцем старика, и за обе щеки уплетали из эмалированных мисок густую, наваристую уху. Потом нас кормили жареными в масле бананами. Подавала нам еду девочка в красной юбке, внучка старосты. А жители деревни, их было совсем немного — человек сорок, сидели на земле полукругом и внимательно смотрели, как мы поглощаем пищу. Вскоре все выяснилось: да, мы в Гане. До Аккры километров сто двадцать, а до порта Тема — девяносто. Здесь, в деревушке, живут рыбаки. Большинство мужчин и женщин сейчас в Теме. На заработках. Там идет большая стройка. А с рыбной ловлей плохо: не сезон. Ловят мелкую рыбешку лишь сетками «накидками». Когда же рыба «пойдет», то мужчины вернутся из Темы и вся деревня будет ловить рыбу большими морскими неводами. Добываемую здесь маленькую плоскую рыбку солят и вялят. Раз в неделю за рыбой приезжает мистер Кран. Он покупает вяленую рыбу, а потом перепродает ее в Аккре. Когда он будет? Завтра. Вот с ним и можно уехать в Аккру. Или Тему.

В деревушке много свободных хижин, и нас ведут в одну из них. Хижина, искусно сплетенная из пальмовых листьев и накрытая конической, тоже из сухих пальмовых листьев крышей, просторна и чиста. Пол поднят над песком и сплетен из упруго пружинящих сучьев. Покрыт он мягкими душистыми циновками, сооруженными опять-таки из тех же пальмовых листьев.

— Вот и конец путешествию, — говорит Корин. После операции он повеселел. Боль в пятке успокоилась, утихла.

— Завтра доберемся до Темы, капитан порта свяжется с судном.

— А зачем нам капитан порта? Там «Полесск» стоит.

Точно. Там стоит теплоход-рефрижератор из нашего порта «Полесск». В Гане не хватает холодильников, и на «Полесске» морозят рыбу, которую наши рыбаки добывают для очень нуждающейся в продуктах республики. Конечно же, сразу на «Полесск». Радист отстукает ключом позывные «Марлина» и включит радиотелефон.

— Кто как, а я спать.

Стась вытягивается на циновке, рядом пристраивается Валентин, Петр. А я выхожу из жилища. Мне хочется посмотреть, чем здесь занимаются люди. Выспаться я успею на судне. Потом. Ведь я в Африке, в деревушке рыбаков. Такое случается не часто, и не следует сокращать необыкновенные часы, минуты сном.

Деревушка опустела. Только около хижины напротив нашей толчет деревянной ступой в большой деревянной бадье кукурузу молодая женщина в короткой синей юбке. Одна рука ее уперлась в крутое бедро, другая мерно и методично поднимает и опускает ступу. Открытая ее грудь упруго вздрагивает. Здесь, в ганских деревушках, не принято прикрывать грудь. Это в городе — в Аккре, Теме, Такоради, — там местные власти требуют, чтобы женщины и девушки одевали платья. Там даже штрафуют... Заметив мой взгляд, женщина улыбается и еще круче изгибает свой стан.

Я сбегая с крутого берега из-под пальм на пляж. Здесь, на берегу, вероятно, собралась вся деревушка: ребятишки плещутся в воде, ползают на животах по песку, строят что-то из песка и ракушек. Женщины развешивают на веревках, натянутых между деревянными стойками, мелких плоских рыбок. Я подхожу ближе, рассматриваю: рыба, а, да это же рыба вомер! Она очень плоская, просто диву даешься: а где же у нее помещаются внутренности? Рыба имеет чуть заметный голубоватый отлив, она блестит, словно серебряная монета. Вот почему многие рыбаки называют рыбок «долларами». Казалось, будто однодолларовые монеты подвешены к веревкам над горячим песком. Перед тем как повесить рыбу сушить, женщины окунают ее в раствор, насыщенный солью, и затем ловко подцепляют на деревянные крючки.

А вот и рыболовы. В воде по пояс стоит парень в кепке. Берег здесь более открыт для океанских волн,

лишь кое-где из белой пены торчат бурые скалы, и поэтому волны докатываются до самого пляжа. Парень стоит на камне, вода вокруг него пенится и кипит миллионами белых пузырьков. В руках у рыбака длинная черная сетка. Если ее расстелить на песке, то она примет форму правильного круга, по краю которого пришиты свинцовые грузила и продернута веревка. Раскрутив сетку над головой, парень бросает ее, она раскрывается большим зонтиком и погружается в воду. Выждав немного, рыбак дергает за веревку и подтягивает снасть к себе. Я вижу, как в ее ячейх бьется несколько серебряных рыбок. Освободив их, парень кидает рыбок на песок подальше от воды, а сам уже опять раскручивает сеть над головой. Бросок, еще бросок... Руки у парня длинные, мускулистые, жилистые. Кожа шоколадно-оливкового цвета блестит от пота и водяной пыли. Бросок, еще бросок. И так целый день. Целый день свистит над головой сырая сетка, целый день печет, жжет тело солнце, а вода кипит и плещется вокруг его крепких, жилистых ног. Вон там еще один рыболов, и дальше на камнях мелькают над курчавыми головами мокрые сетки и, ослепительно вспыхнув надраенным боком, падают в песок серебряные рыбки вомеры. Но что это? Один из рыбаков что-то крикнул, и парни с сетками соскочили с камней, бросились к берегу. Ребятишки, плескавшиеся в воде, с воплями выскочили на горячий песок. Что случилось? Я подхожу к воде. Парень в кепке закуривает сигарету, вытащив пачку и спички из кепки, подает сигарету мне и чуть вздрагивающим голосом поясняет: — Барракуда... ам!

Ах, барракуда! Беспощадная морская щука. В Мексиканском заливе ее называют морским тигром. Эта рыба не боится грохочущих накатных волн. Стайками по несколько штук щуки, словно волки, шныряют в пенной, ревущей воде и пожирают оглушенных накатом рыб. А если им попадается человек, они набрасываются и рвут белыми, загнутыми внутрь зубами кожу, мышцы. В Африке нам доводилось видеть людей с уродливыми шрамами на ногах: это барракуды. Это их зубы впивались и рвали человеческие икры. Выкурив сигарету, парень натягивает кепку на лоб и входит в воду.

Потом я увидел девушек. Войдя в воду по пояс, они танцевали на одном месте. Затем то одна, то другая опускали руки и что-то извлекали из-под ног. Я подошел ближе и увидел, что к поясам девушек привязаны небольшие корзиночки, наполненные чем-то. Чем же? Кого они там ловят в воде? Заметив мое любопытство, одна из девушек сунула руку в корзинку и вынула горсть моллюсков, втянувшихся в небольшие, спиральные раковинки, очень похожие на раковинки наших садовых улиток. Оказывается, девушки не пляшут: ногами они мнут песок. Волны вымывают его из-под ступней, и девушки нащупывают моллюсков. Это к ужину. Каждой из «танцовщиц» надо набрать по три корзинки таких моллюсков. Чтобы хватило на всех.

Вот и прошел день. Наверно, последний наш день на этом живописном «золотом берегу». Ведь так когда-то называлась эта земля. Когда-то отсюда колонизаторы-англичане вывозили несметные богатства. «Золотой берег» — красивое название, но республика отказалась от него: уж очень много крови было пролито на этих землях. Крови и пота. Чтобы озолотить бледнолицых людей, пришедших сюда с оружием.

Солнце село, а в деревушке на маленькой ее площади под пальмами вспыхнул большой, яркий костер.

— Будет праздник, — говорит мне Джейн. Она переменила свою юбку. Теперь на ней была другая, совершенно невылинявшая ярко-красная юбка. И красная лента на лбу. А шею украсили бусы из мелких серебряных монеток и разноцветных раковин.

В своей хижине мы приводим себя в порядок. Расчесываем волосы, одеваем постиранные и высушенные днем на горячем песке рубашки, а Петр поэlegantнее завязывает на бедрах синий платок.

Волнующе и тревожно зарокотал небольшой барабан. Самый настоящий тамтам, кусок кожи, натянутый на пузатую трубу, выдолбленную из розового блестящего дерева. Парень в кепке, чуть присев, держит ее, сжав коленями, и колотит по коже ладонями.

Мы сидим около костра рядом со старостой, который вышел к костру в черном сюртуке с ярко сверкающими медными пуговицами и в мягкой велюровой шляпе.

Мы едим густую уху, жареные бананы, вареных моллюсков, сушеную, солоноватую рыбу и пьем что-то кисловато-сладкое, хмельное. Это «что-то» принесли женщины в больших высушенных тыквах. Тыквы с напитком были выкопаны из глубоких песчаных ям. Это делается для того, чтобы жидкость была холодной и более крепкой. После первого стакана в голове у меня все мешается.

После второго стакана становится совсем хорошо. Сухой плавник — доски и обломки ящиков, выброшенных на берег, — пылает жарким бездымным пламенем. Огненные языки лижут, кажется, само небо. Черные листья пальм шелестят над нашими головами и свешиваются сверху лохматыми прядями. За спинами гулко, с пушечным грохотом насккивает на берег прибой, и порой прохладный ветерок орошает нас мельчайшими капельками брызг.

А около костра рокошет и бьет стиснутый в крепких коленях тамтам, мелькают перед глазами глянцево блестящие тела, извиваются над курчавыми черными головами гибкие тонкие руки, легкие юбки порхают над матовыми бедрами, порхают, словно пытаются улететь от огня яркими бабочками. Белые зубы, обнажившиеся в застывших робких улыбках, огненные искорки в широко раскрытых, влажных, как у антилоп, глазах.

— Ты чего все хмуришься? — спрашивает меня Скачков в самое ухо.

— Понимаешь, не верю я этому. Ущипни...

— Пожалуйста, — говорит Петр и так закручивает мне кожу на боку, что я вскрикиваю: нет, это не сон. Это явь... И эта девушка, что, покачиваясь, подходит ко мне и протягивает руки для танца, тоже явь. Я встаю, беру в ладони ее крепкие пальцы и, улавливая такт, начинаю притопывать голыми пятками. Черные глаза смотрят мне прямо в зрачки, ноздри чуть приплюснутото носа широко раздуваются, губы вздрагивают, показывая белую полоску зубов... рокошет барабан, сухими выстрелами хлопают ладони, все плывет... кружится... Петька, где ты? Ущипни еще раз! Слышишь, Петя...

Нет, это явь. Девушка — вот она, рядом. Я чувствую упругость ее обнаженной груди, гладкость кожи

ног. Костер вроде блекнет, звуки барабана отступают, грохот накатных волн ближе.

Вдруг что-то взрывается над нашими головами, белая молния освещает окрестности. Барабанщик сбрасывает рубашку и накрывает свой тамтам: чтобы не подмокла тугая, гулкая кожа. Ведь это не последний праздник. Тяжелые капли сочно чмокают в землю, горохом прокатываются по пальмовым листьям, по плечам и разгоряченным танцами спинам. Площадь быстро пустеет: пора спать. Пора.

Ночь. Уже давно погашен костер, смолк тамтам, и, наверно, спит уставший барабанщик. И все спят: жители рыбацкой деревушки, мои друзья и девочка в красной юбке. Джейн. Ну конечно же, спит. Спит, закинув тонкие руки за курчавую голову.

По крыше хижины хлещут тугие, прохладные струи — ливень. Где-то наверху угрожающе грохочет гром и иногда ослепительно вспыхивает молния. Вода стекает с крыши, плещется, скатывается с крутого берега в океан. Ливень, рядом океан, а на стенах нашего жилища ползают маленькие ночные ящерицы гекконы. На лапках у них клейкие подушечки, и поэтому гекконы могут ползать по стенам и потолку. Если бы, конечно, в этом жилище был потолок. Гекконы ловят ночью спящих мух и всякую крылатую мелкоту. Поэтому никто в деревне не обижает маленьких ящериц с мягкой бархатной кожей. Геккон чуть слышно шуршит около самого моего уха.

Мне хорошо. Хорошо вот так лежать и думать под грохот грома и плеск ливневых струй, что все уже позади. И черные беспокойные ночи в океане, мерзкая акулятина, планктон... выдумал же Хейердал — «черная икра». Прыжок через рифовый барьер и «отдых» на сучьях скрюченного неведомым недугом дерева... Приятно думать, что все трудности позади; завтра придет автомобиль, и мы уедем в Тему. И больше никогда-никогда не увидим этого прекрасного песчаного берега и деревушки с приветливыми жителями под кокосовыми пальмами. Все трудности позади, это приятно и... грустно: ведь и с морем я, наверно, распрощаюсь... Навсегда. Наташа только и мечтает об этом. Ей очень хочется, чтобы я остался на берегу, был рядом. Но море? Неужели мне все же придется расстаться с ним? Рас-

статься навсегда?.. Я ворочаюсь, кручусь, но потом приходит мысль: ладно, все еще впереди. Там видно будет. Приеду домой, поговорю с Наташей. Мы все решим.

Хорошо. Лежу, слушаю шум ливневых струй и опять думаю о тебе, Наташа. Скоро мы встретимся. Ты слышишь? Конечно же, мы очень скоро встретимся. Мы столько расставались, но всегда, обязательно всегда встречались вновь и вновь.

И в этом есть что-то очень значительное и прекрасное — расставаться, чтобы встречаться. Может, это и есть самое прекрасное в нашей с тобой жизни — долгие, мучительные дни, месяцы разлуки и удивительные, забываемые минуты долгожданных встреч...

Жди. Между нами еще тысячи миль, десятки градусов параллелей и меридианов, но мы встретимся. Обязательно встретимся. Обязательно.

...Автомобиль приехал днем, перед обедом. Небольшой потрепанный грузовичок с красной кабиной и надписью над ветровым стеклом: «Аллигатор». Из кабины «аллигатора» выскочил низенький полный африканец в белой майке, коротких штанах, обнажавших массивные бедра, и больших черных очках. Узнав, в чем дело, мистер Кран захлопотал, засуетился. Он поднял на ноги буквально все население деревушки. Началась отчаянная беготня, крики, суета. Между хижинами забегали парни с топорами: необходимо было сделать доску, на которой мы могли бы сидеть в кузове, как на скамейке. Вскоре было сделано восемь досок. Кран отобрал из них одну, уложил на борта своего грузовичка, сел и воскликнул: «О'кей, вери-вери матч!..» Что означало: «Очень, очень хорошо...»

Перед самым отъездом по моему предложению мы провели маленькую жеребьевку — чьи часы подарить на память старосте деревни. Я, как всегда, вытащил спичку с отломанной головкой, но снял с руки свои часы без всякого сожаления. Мне было приятно отдать их этому умному немногословному старику, который сделал все, чтобы в течение суток мы чувствовали себя в его деревне как дома. Когда я одевал кожаный ремешок на сухую руку старосты, лицо его было торжественным и величественным, а рукопожатие — крепким, дружеским.

На прощание он сказал всего несколько слов. Он их сказал на наречии народности ашанти.

— Он сказал: «Если вам будет худо, то возвращайтесь. Здесь вам всегда найдется место у костра, хижина и пища...» — перевела Джейн и добавила: — Возвращайтесь. Я буду очень-очень ждать...

Я прижался губами к ее виску. Девочка застеснялась, отбежала и прощально улыбнулась — сердито и грустно, исподлобья. Ну вот и все. Мистер Кран с невероятным ожесточением крутнул заводную ручку, грузовик зарычал, застрелял глушителем. Мы влезли в кузов, мистер Кран прыгнул в кабину и со скрежетом включил скорость. Парни, закричав гортанными головами, толкнули грузовик, он тронулся и, раскачиваясь на разбитых рессорах, помчался мимо хижин под островерхими крышами. Ребятишки, собаки и несколько парней еще немного бежали сзади, потом отстали. Вот и Джейн замедлила бег, остановилась, в последний раз махнула рукой. Автомобиль, ворча двигателем, вильнул вправо, и красная юбка исчезла за поворотом. Прощайте все! Прощай, Джейн! Прощай...

Мы долго ехали по джунглям, виляли между стволами, стиснувшими узкую дорожку, застревали в глубоких колеях и множество раз крутили ручку: слабосильный движок «аллигатора» задыхался от зноя и перенапряжения. Он все время глох. И мистер Кран опять и опять вытаскивал из-под сиденья заводную ручку. Вытаскивал и с проклятиями всовывал в отверстие куда-то под радиатором двигателя.

К вечеру достигли наконец шоссе, а к ночи, развив бешеную скорость, примчались в город Тему и, миновав его улицы, въехали в портовые ворота.

...Воздух насыщен запахом какао. Мельчайшая коричневая пыль витает в воздухе. Сухие зерна какао звонко лопаются под нашими ногами. Куда ни кинешь взгляд — всюду горы душистых мешков: какао, какао... Но мы смотрим сейчас не на душистые мешки, мы смотрим, как, быстро вырастая на глазах, приближается к пирсу белый «Марлин». На палубе, верхнем мостике, полубаке толпятся люди. Вон кок в белом колпаке. Он вытирает передником руки и улыбается во всю ширь своего добродушного, вечно красного от жаркой печи лица. Рядом поблескивает сединой висков наш суровый,

неразговорчивый рыбмастер. Заметив мой взгляд, он улыбается и машет рукой, в которой дымится сигарета. А на крыле мостика Вениамин Огнев. Венька... черт!

— Эй, старик! Как дела? — слышу я его голос и хочу ответить, но ответ застревает в горле...

Капитан тискает нас, прижимает к своей могучей груди. «Я вам дам по Африке гулять...»

Вечером мы уже в море. Сегодня Новый год и вся команда сидит за длинным, от борта к борту, праздничным столом. Посредине его возвышается елка, сооруженная боцманом из реек и прядей сезалевого каната. Елка покрашена зеленой в ядовито-зеленый цвет и густо намылена. Чтобы «елка» пахла елкой, боцман посыпал ее мелко наструганным хвойным мылом. Радист зачитывает поздравительные телеграммы от начальства, дирекции института, от команд других судов, работающих в тропиках. Потом он раздает личные радиogramмы — белые листочки. Белые листки, в которых много теплых слов, любви, нетерпеливого ожидания. Белые листочки... они мелькают над столом. А мне... не забыли ли обо мне?

А вот и мне. Строчки прыгают перед глазами. Я читаю раз, другой. Еще пробегаю глазами по строчкам текста и складываю листок, убираю в карман, а потом вновь достаю. Как жаль, что мое новогоднее поздравление наверняка не успеет к Новому году. Радист с «Полесска» отстукал: «Жив здоров нетерпением жду встречи...» Отстукал, но сказал, что радиоцентр страшно перегружен. И когда дойдет очередь до моего поздравления, Новый год уже наступит.

— Послушай, Коля, — Вениамин трогает меня за рукав, — извини, но я послал Наташе радиogramму. Ну как бы от твоего имени.

— Что ты в ней нацарапал?

— Ну «поздравляю праздником... жив здоров нетерпением жду встречи целую Коля...» Я считал, старик, что...

— Все правильно. Дай твою лапу... И наливай по полному стакану.

Огненная жидкость прожигает внутренности. Зажмурившись, я сижу несколько мгновений неподвижно. В памяти проскакивают чередой образы, картины. Ки-

пящая вода над рифом... песчаный берег и удаляющиеся фигурки друзей... черная вода и деревья, словно на костылях поднявшиеся из нее... костер, пальмы, девочка в красной юбке... и волны, волны, волны. Море, океан. Вот он совсем рядом, чуть плещется, мерцает колеблющимися отражениями звезд. Сколько раз он был грозен, сколько раз вселял в сердце страх и желание бежать от него подальше, на берег. Где твердая земля не колышется под ногами, где много пресной воды и люди не страдают от жажды. Уйти на берег? Покинуть тебя?.. Нет, старина, мы еще встретимся не раз. Мы еще поплывем. Мне еще рано на берег. Не могу...

Тропики. Гвинейский залив. Над нами черное небо в ярких дырочках звезд, месяц остроносым челном и тонкое посвистывание небольших птиц, серыми тенями скользящих над мачтами. На палубе стол от борта к борту, намыленная елка посреди него. Шум, смех, музыка. А из иллюминатора ходовой рубки торчит унылая физиономия Петра Скачкова. Что поделаешь? Вахта. Мы встречаем Новый год.

* *
*

В свой порт приходим поздно ночью. Сильный, пронизывающий до костей ветер насыщен снегом. Мы пятеро: я, Стась, Валентин, Веня и Петр Скачков — сидим в каюте, курим, коротаем время. Порой то я, то Валентин или Веня выскакиваем на палубу. Смотрим: не видно ли пирса? Только Стась и Петр не поднимаются из-за столика. Корин, как видно, не рассчитывает, чтобы какая-либо из его большеглазых знакомых пришла встречать белый теплоход, вернувшийся из тропиков, а Петр знает совершенно точно: на берегу его никто не ждет.

— Только вот девочка соседская, Лялька... может, она, — говорит он, не обращаясь ни к кому, — я ей всегда что-нибудь привожу. Да, она мне всегда рада, Лялька...

...Ветер. Снег. Ну и погода! Глубокая ночь. Пустынный пирс надвигается на теплоход. Махнув рукой, уходит в каюту Валентин, разочарованно насвистывает что-то Петр. Да, никого нет. Только снег большими хлопьями сыплет и сыплет на пирс, палубу судна.

— Наташа где-то здесь,— упрямо говорю я,— она меня всегда встречает. Всегда...

Валентин пожимает плечами и, зябко поежившись, открывает железную дверь. Мягко стукнувшись бортом, «Марлин» застывает возле пирса: вот мы и дома...

Оставляя на палубе глубокие следы, я иду к сходням. На столбе с противным скрежетом болтается фонарь, и лампа его освещает то черную воду и полубак судна, то совершенно пустой пирс. Ни души... Только чуть в стороне стоит «Волга» с шашечками на кузове.

Пирс пуст. Ждать до утра? Ворочаться всю ночь на койке? А может, с ней что-нибудь случилось?

Подняв воротник плаща, соскакиваю на пирс, держаю дверку машины. Заднюю. Не люблю ездить в такси спереди.

— Алло... мотор свободен?

Я не слышу ответа: темная фигурка, прикорнувшая на заднем сиденье, протягивает ко мне руки...

Может, в этом и есть вся прелесть жизни — знать, что тебя всегда ждут...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

День пасмурный. Из серого неба сеет мелкий, надоедливый дождь. Ветер порой встряхивает деревья, и уже сбросившая листья бузина трется о стену дома. Поздняя осень.

В комнате прохладно. На столе торопливо тикают часы. Мы сидим с Наташей возле моего набитого вещами, но еще не закрытого чемодана: ухожу в новый рейс. В Карибское море. К берегам Кубы. Там меня ждет новая работа, поиск рыбы, новые приключения.

Звякает в прихожей звонок.

— Вот и такси...— упавшим голосом говорит Наташа. Она крепится, улыбается, но я отлично знаю, чего это ей стоит.— Ты все ж возьми свитер. Ведь уже скоро зима...

И хотя мы только ссорились из-за этого свитера: Наташа всегда укладывала его в чемодан, а я вынимал, сейчас я не возражаю. Ладно. Пускай лежит. Может, и в Карибском море будут прохладные дни.

— Ну что ж, пора...— говорю, окидывая взглядом комнату. Вновь я войду сюда лишь через полгода. Если, конечно, ничего не случится и рейс не затянется... Книжки, деревянные африканские уродцы, раковины, кораллы. Глаза на мгновение задерживаются на зеленой, покрытой ракушками бутылке. Еще летом ее переслали нам из Габона, где ее выбросило на побережье у мыса Лопес. В бутылку попала вода. И почти все, кроме адреса, расплылось по бумаге синим пятном. Я уже и сам не помню, что нацарапал тупым химическим карандашом на листке из тетради лунной ночью в душном Гвинейском заливе...

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>стр.</i>
Вместо предисловия	5
Глава I. Позавчера на «Марлине»...— Ищем сардину.— Коварные течения.— Человек в мешке.— Жре- бий брошен: в воду прыгать мне.— Совещание у капитана.— Мы покидаем теплоход.— Ноч- ной ливень.— Смерч	7
Глава II. Корин дразнит акулу.— «Бегущая по волнам» поднимает резиновый парус.— Катастрофа...— Помощь попала вовремя.— Где «Марлин»?..— Красные ракеты.— Размышления над картой.— По следам Бомбара.— Едим планктон.— Кори- фены.— Мрачный вечер	36
Глава III. Одни в океане.— Путешествие продолжает- ся.— Второе совещание в неизвестной точке Гвинейского залива.— Редкостная добыча.— Ухожу под воду.— Рыба-сабля избегает зна- комства.— Опасные «беззубки».— Рискованная встреча	58
Глава IV. Скачков остается за кормой лодки.— Петр ло- вит акулу.— Мако-людоед.— Схватка в океа- не.— Корин готовит «сошими».— Рыбы спешат на пиршество.— Бочонок пуст.— К берегу — в Африку	73
Глава V. Синие паруса.— Необыкновенный аквалан- гист.— Идем на спасение.— Валентин берет в руки гарпун.— Рыба с нашлапкой на голове.— Доисторический пришелец.— Ловим морскую черепаху.— Фиолетовое пятно на чистой по- верхности.— Анчоусы и тунцы...— Ночная гроза	86
Глава VI. Утренняя трубка.— Подготовка к высадке...— Кашалот.— Кто браконьерствовал в океане? — Гигантские водоросли макроцистис.— Мероу — хозяин подводных джунглей.— Опасные шипы морского сома.— Змея.— Разговор о любви.— Бутылка для Джил с «Амбассадора»	101

Глава VII.	Неожиданное препятствие.— Водоросли не пускают «Корифену».— Дельфины.— Земля выгибается навстречу.— Прыжок через рифы.— Пустынный берег.— Африка.— Лагерь под кокосовыми пальмами.— Раки, крабы и моллюски.— Лев чихает.— Воспоминание о Камчатке...— Ночные призраки	117
Глава VIII.	Предательство.— Лагерь снимается, прощай «Корифена»! — Идем вдоль Африки.— Обед из мидий.— К обитателям голубой лагуны.— Прыгаем по камням.— Фляга с формалином и я.— Кактусы.— Вдоль мангровы.— Черная вода.— Ночь на дереве	140
Глава IX.	Девочка в красной юбке.— Тут Гана или Того?...— Рыбацкая деревня.— Маленькая операция.— У «вомера» человеческий профиль.— Парень крутит над головой сеть.— Барракуды.— Смуглые девушки танцуют в воде.— Ночной костер.— Красный аллигатор...— Встреча с «Марлином».— Вечер у намыленной елки. Возвращение	159
Вместо послесловия		173

Иванов Юрий Николаевич

ЗОЛОТАЯ КОРИФЕНА. Повесть.
М., «Мысль», 1966.
175 с. (Путешествия. Приключения. Фантастика).
Р 2

Редактор *Д. Н. Костинский*
Младший редактор *В. А. Мартынова*
Оформление художника *И. В. Блиоха*
Художественный редактор *А. Г. Шикин*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Корректор *С. Д. Рудник*

Сдано в набор 9 декабря 1965 г. Подписано в печать
17 марта 1966 г. Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$, № 2. Бумаж-
ных листов 2,75. Печатных листов 9,24. Учетно-изда-
тельских листов 8,74 Тираж 30000 экз. А-11931
Цена 37 коп. Заказ № 3204.

Темплан 1966 г. № 242.

Издательство «Мысль» — Москва, В-71, Ленинский
проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

100.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO